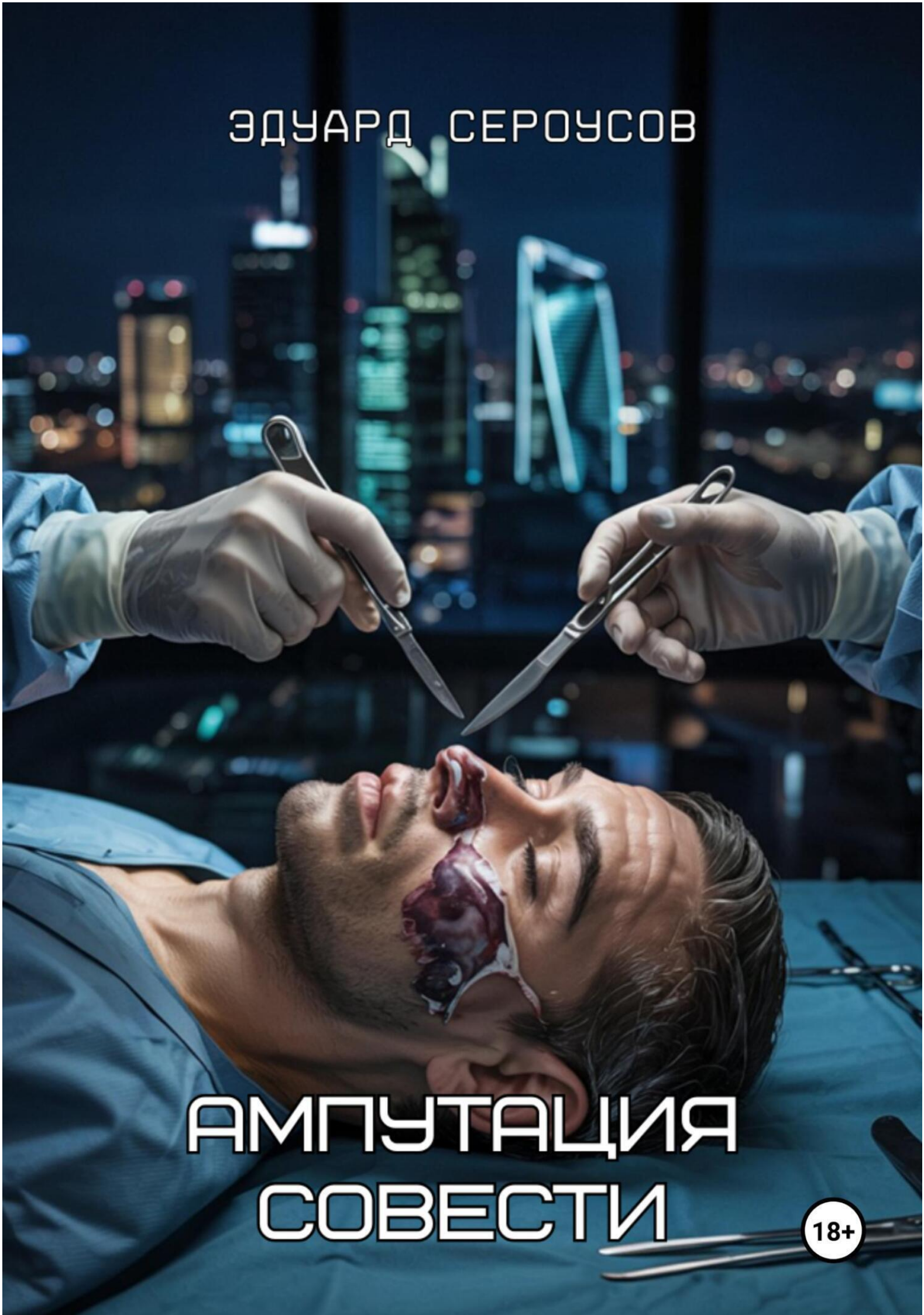

ЭДУАРД СЕРОУСОВ
АМПУТАЦИЯ СОВЕСТИ
18+

Эдуард Сероусов

Ампутация совести

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Ампутация совести / Э. Сероусов — «Автор», 2025

Глеб Савельев — пластический хирург высшей категории, создающий красоту для московской элиты. Его руки творят чудеса, превращая несовершенства в идеал. Но когда на операционном столе умирает популярная телеведущая Алина Колесникова, жизнь Глеба разрушается. В её вещах он находит флешку с компроматом на влиятельных людей. Соблазн использовать эту информацию оказывается слишком велик. Шаг за шагом погружаясь в мир шантажа и манипуляций, Глеб не замечает, как сам превращается в монстра, которого когда-то презирал. Сможет ли он остановиться, прежде чем ампутация совести станет необратимой?

© Сероусов Э., 2025
© Автор, 2025

Эдуард Сероусов
Ампутация совести

ЧАСТЬ I: СКАЛЬПЕЛЬ

Глава 1: Лицевая сторона

Глеб Савельев ненавидел запах наркоза по утрам.

В этом было что-то противоестественное – начинать день с химической анестезии, словно мир требовал немедленного обезболивания. Впрочем, его мир, вероятно, действительно в этом нуждался. Москва за окнами клиники «NeoПластика» просыпалась в привычной суете: дорогие автомобили выстраивались в пробки, офисные муравейники наполнялись людьми, а чашки с кофе по пятьсот рублей согревали руки спешащих по своим делам менеджеров.

Он поправил безупречный узел галстука и окинул взглядом своё отражение в стеклянных дверях операционной. Идеальный силуэт дизайнерского костюма, волосок к волоску уложенная причёска, выверенная линия бровей. В свои тридцать восемь Глеб Аркадьевич Савельев был живой рекламой собственного мастерства – образец того самого совершенства, которое он создавал своим клиентам за шестизначные суммы.

– Доброе утро, Глеб Аркадьевич, – голос Марины, его анестезиолога, вывел хирурга из утренней задумчивости.

– Насколько оно доброе, мы узнаем через пару часов, – он позволил себе легкую улыбку. – Что у нас по расписанию?

Марина Олеговна Климова протянула ему планшет с расписанием дня. Двадцать девять лет, высокая, с внешностью, не требующей вмешательства пластических хирургов – редкость в их клинике.

– В девять – Соколова, подтяжка лица, всё стандартно. В двенадцать – Вершинина, коррекция формы груди после родов. В три – первичная консультация с новой пациенткой, Колесниковой. А в пять у вас выступление на презентации журнала «Elite Style».

Глеб пролистал электронные карты первых двух пациенток. Стандартные случаи, ничего интересного. Богатые женщины, желающие исправить то, что природа и время сделали с их телами. В этом был свой особый цинизм – они приходили к нему как к божеству, способному обмануть время и природу.

– Колесникова? – он остановил палец на третьей записи. – Та самая?

– Да, ведущая с Первого канала. Передача «Ваше субботнее утро», если я правильно помню.

– Интересно, что ей нужно исправить? Вроде бы выглядит весьма прилично для своих лет.

– Ей тридцать два, – Марина произнесла это с едва уловимой ноткой зависти.

– Ранняя профилактика – залог долгой молодости, – усмехнулся Глеб. – Что ж, посмотрим, что там за изъяны скрываются под килограммами телевизионного грима.

Он отдал планшет и направился к операционной, где его уже ждала первая пациентка. Соколова Инна Михайловна, пятьдесят три года, жена какого-то чиновника средней руки, третья подтяжка за восемь лет. Классический случай.

– И как вам кажется, что именно заставляет женщину в вашем возрасте регулярно ложиться под скальпель?

Глеб задал этот вопрос, когда его руки уже были в стерильных перчатках, а Соколова находилась в том пограничном состоянии между сознанием и наркозным сном, когда пациенты часто говорят правду.

– Муж… – пробормотала она, уже плохо контролируя речь. – У него секретарша… двадцать четыре… я видела… как он смотрит…

– Как именно он смотрит? – продолжил Глеб, наблюдая, как анестезия постепенно овладевает её сознанием.

– Как раньше… на меня… – её голос становился всё тише.

– Дополнительная доза, – скомандовал он Марине. – И музыку, пожалуйста.

Климова включила плейлист, который Глеб использовал во время операций. Моцарт. «Маленькая ночная серенада». Идеальный темп для его скальпеля. Подтяжка лица была для него настолько рутинной процедурой, что он мог выполнить её почти автоматически, позволяя мыслям блуждать.

– Знаете, – обратился он к операционной бригаде, – я иногда думаю, что мы здесь занимаемся не медициной, а экзистенциальной терапией. Эта женщина ищет в нашей клинике не красоту, а спасение от страха. Страха стать ненужной.

– Но разве это плохо? – возразила одна из ассистенток, недавно пришедшая в клинику. – Мы помогаем ей чувствовать себя увереннее.

Глеб аккуратно разделял ткани, обнажая анатомию чужого лица. Фасции, мышцы, подкожно-жировая клетчатка – всё это было для него как открытая книга.

– Увереннее? Мы помогаем ей жить иллюзией. И она готова платить за эту иллюзию миллионы. Не проще ли было бы потратить эти деньги на психотерапию? Или, – он сделал паузу для идеально выверенного надреза, – на хорошего адвоката по разводам?

– Вы так говорите, как будто не заинтересованы в том, чтобы она приходила снова, – заметила Марина.

– О, я крайне заинтересован, – Глеб улыбнулся под хирургической маской. – Соколова оплачивает часть моей ипотеки за пентхаус на Мосфильмовской. Но это не значит, что я не могу находить иронию в том, что делаю.

Операция продолжалась в привычном ритме. Глеб работал быстро и методично, как человек, для которого процесс давно превратился в хореографическую последовательность движений. Ассистенты передавали инструменты, Марина следила за показателями жизнедеятельности пациентки, Моцарт сопровождал каждый надрез своими изящными пассажами.

Через два часа лицо Соколовой было реконструировано, подтянуто и зашито. Теперь оно выглядело так, как она хотела – примерно на сорок. Хотя через год она снова вернётся, чтобы убрать ещё пять лет. Погоня за временем, обречённая на провал.

– Отлично, – Глеб снял перчатки. – Когда очнётся, проследите, чтобы всё было по протоколу. Я буду у себя.

В своём кабинете он позволил себе расслабиться. Просторное помещение с минималистичным дизайном в серо-белых тонах, огромным столом из тёмного дерева и панорамными окнами с видом на центр Москвы. Слишком дорогое для обычного врача, но Глеб Савельев не был обычным врачом. Он был волшебником для определённого круга людей – тех, кто мог позволить себе его услуги.

Он сел в кожаное кресло и отпил воды из хрустального стакана. На столе лежали профессиональные журналы, последние медицинские исследования и приглашения на конференции. Обычная жизнь успешного пластического хирурга. Вот только внутри него давно зрела пустота, которую не могли заполнить ни деньги, ни профессиональные достижения.

Телефон на столе завибрировал. Звонил отец.

– Да, – сухо ответил Глеб.

– Ты забыл, какой сегодня день? – голос Аркадия Петровича звучал с привычным оттенком недовольства.

– День, когда я делаю деньги, чтобы вы с мамой могли позволить себе лечение в приличной клинике, а не в районной больнице, где ты отработал всю жизнь.

На другом конце линии повисло молчание. Глеб знал, что удар достиг цели. Его отец, хирург районной больницы, никогда не одобрял выбор сына специализироваться на пластической хирургии.

– Сегодня день рождения твоей матери, – наконец произнёс Аркадий Петрович. – Она ждала твоего звонка с утра.

Глеб посмотрел на календарь. Действительно, 15 апреля. День рождения матери. Как он мог забыть?

– Я… – он на секунду замялся, – я собирался позвонить после работы. У меня сегодня сложный график.

– Конечно, – в голосе отца слышалась горечь. – Твоя работа по улучшению лиц богатых бездельников важнее, чем родная мать.

– Я позвоню ей через час, – Глеб намеренно игнорировал провокацию. – И пришлю курьера с подарком. Скажи ей, что я извиняюсь.

– Скажи ей сам, – отрезал отец и завершил вызов.

Глеб отложил телефон и потёр виски. Отношения с родителями были ещё одним незаживающим швом в его жизни. Успешный сын, который не оправдал отцовских ожиданий. Аркадий Петрович хотел видеть его героем медицины, спасающим жизни. А вместо этого получил сына, который делает богатых женщин красивее, а себя – богаче.

Стук в дверь прервал его размышления.

– Войдите, – произнёс он, возвращаясь к профессиональной отстранённости.

В кабинет вошла Марина с планшетом в руках.

– Соколова в порядке, показатели стабильные, – отчиталась она. – Вершинина уже прибыла, проходит предоперационную подготовку. И я получила предварительную информацию о Колесниковой. Она хочет обсудить возможность ринопластики и изменения овала лица.

– Ринопластика? – Глеб удивлённо поднял бровь. – У неё практически идеальный нос. Судя по тому, что я видел в её шоу.

– Она настаивает на консультации лично с вами. Говорит, что её порекомендовала Вероника Бронская.

Глеб едва заметно напрягся. Вероника Бронская, владелица журнала «Elite Style» и одна из самых влиятельных женщин в мире московского гламура. С ней шутки были плохи. Если она кого-то рекомендовала, значит, этот человек был важен в её системе.

– Хорошо, – кивнул он. – Я займусь Вершининой, а потом приму Колесникову.

Марина кивнула и собралась уходить, но остановилась у двери.

– Глеб Аркадьевич, вы в порядке? Выглядите напряжённым.

– Всё нормально, – отрезал он. – Просто забыл про день рождения матери.

– Я могу что-то сделать?

– Да, – он достал из бумажника платиновую карту. – Закажи букет орхидей и набор чая, который ей нравится. Пусть доставят сегодня. Адрес у тебя есть.

Марина взяла карту, но не спешила уходить.

– Знаете, вы могли бы просто навестить её. Это заняло бы меньше времени, чем одна консультация.

– Когда мне понадобится совет по личной жизни, я обращусь к психотерапевту. А пока займись делом, – его тон не оставлял места для возражений.

После ухода Марины Глеб несколько минут сидел неподвижно. Она была права, и это раздражало больше всего. Он мог бы найти время для родителей. Но каждый визит в ту квартиру на окраине Москвы, где он вырос, был для него болезненным напоминанием о прошлом. О том, кем он был. О том, от кого бежал всю свою сознательную жизнь.

Вторая операция дня прошла так же гладко, как и первая. Вершинина, тридцатипятилетняя жена успешного бизнесмена, хотела вернуть форму груди после двух родов. Стандартный запрос, стандартная процедура, стандартный результат. Глеб делал такие операции с закрытыми глазами.

После он заглянул в палату к Соколовой, которая уже пришла в сознание. Лицо было перебинтовано, но глаза смотрели осмысленно.

– Как мы себя чувствуем? – спросил он с профессиональной улыбкой.

– Как будто по лицу проехался трактор, – прошептала она через бинты.

– Это нормально. Через неделю вы будете чувствовать себя на двадцать лет моложе. А выглядеть – на пятнадцать. Не все чудеса доступны даже мне.

Она слабо улыбнулась, насколько позволяли бинты.

– Вы мой спаситель, доктор Савельев. Не представляю, что бы я делала без вас.

«Возможно, научилась бы принимать реальность такой, какая она есть», – подумал Глеб, но вслух сказал:

– Для этого я и существую. Отдыхайте, Инна Михайловна. Медсестра даст вам обезболивающее. А я проверю вас перед выпиской.

Выйдя из палаты, он посмотрел на часы. До консультации с телеведущей оставалось полчаса. Достаточно времени, чтобы перекусить в кафе клиники и позвонить матери.

В кафе на первом этаже клиники подавали блюда, разработанные диетологами специально для пациентов пластических хирургов – низкокалорийные, с минимумом соли и сахара. Глеб взял овощной салат и стейк из индейки. Устроившись за столиком в дальнем углу, он достал телефон.

– Мама, – сказал он, когда на том конце взяли трубку. – С днём рождения.

– Глебушка! – голос Нины Сергеевны был полон радости. – Я думала, ты забыл.

– Прости, что не позвонил утром. Был занят на операции.

– Ничего, сынок, я понимаю. У тебя важная работа.

В отличие от отца, мать всегда поддерживала его выбор. Учительница литературы, она видела в пластической хирургии что-то от искусства – создание красоты, изменение реальности при помощи мастерства.

– Как ты себя чувствуешь? Лечение помогает?

– О, гораздо лучше! Этот ревматолог, к которому ты меня отправил, настоящий волшебник. Почти как ты.

Глеб улыбнулся. Мать всегда считала его особенным.

– Я отправил тебе подарок, должны привезти сегодня.

– Не нужно тратиться, сынок. Лучше бы приехал на ужин. Отец приготовил твой любимый борщ.

– Он сам готовил? – удивился Глеб.

– Представляешь? На пенсии открылись новые таланты.

– Я постараюсь приехать на выходных, – пообещал он, зная, что, скорее всего, не сдержит обещание. – А сегодня у меня ещё много работы. И вечером презентация.

– Конечно, я понимаю, – в голосе матери слышалось разочарование, но она старалась не показывать этого. – Береги себя, не переутомляйся.

– И ты береги себя. Передай отцу… привет.

– Обязательно. Он скучает по тебе, хоть и не показывает.

После звонка Глеб некоторое время сидел, глядя в окно на апрельскую Москву. Город сиял стеклом и бетоном, спешил куда-то в своём бесконечном ритме. Он любил и ненавидел этот город одновременно. Любил за возможности, которые тот предоставил выходцу из семьи районного хирурга и школьной учительницы. И ненавидел за ту цену, которую пришлось заплатить за эти возможности.

Телефон снова завибрировал. На экране высветилось сообщение от Марины: «Колесникова ожидает в приёмной».

Глеб допил зелёный чай и поднялся. Время работать.

Алина Колесникова оказалась ещё красивее, чем на экране телевизора. Без толстого слоя грима она выглядела моложе и свежее, хотя и не совсем соответствовала стандартам идеальной красоты – нос был чуть шире, чем предписывала мода, а овал лица имел лёгкую асимметрию, заметную только профессиональному взгляду.

– Алина Сергеевна, – Глеб протянул ей руку. – Рад знакомству. Чем могу помочь?

Она пожала его руку и села в кресло напротив стола. На ней был строгий костюм кремового цвета, минимум украшений и макияжа. Совсем не похоже на типичный образ телезвезды.

– Доктор Савельев, о вас ходят легенды, – улыбнулась она. – Вероника Бронская сказала, что вы единственный, кому можно доверить моё лицо.

– Польщён рекомендацией Вероники Валерьевны, – кивнул Глеб. – Но, честно говоря, не вижу, что можно улучшить в вашей внешности. По крайней мере, с медицинской точки зрения.

– А с какой ещё бывает? – она подняла бровь.

– С точки зрения моды, тенденций, запросов профессии, – пожал плечами он. – В моей практике люди редко приходят за объективными медицинскими улучшениями. Чаще – за соответствием некоему стандарту.

Колесникова откинулась в кресле, внимательно изучая его.

– Вы не похожи на типичного пластического хирурга. Те обычно сразу начинают объяснять, как много всего нужно «улучшить».

– Я не люблю тратить время пациентов и своё собственное. Если я не вижу объективных показаний, я говорю об этом прямо.

– И всё же, – она подалась вперёд, – я бы хотела обсудить возможные изменения. У меня есть профессиональная необходимость.

– Что именно вас беспокоит?

Колесникова достала из сумочки планшет и открыла какие-то файлы.

– Мне предложили роль в новом крупном телепроекте. Международном. Я буду лицом России, – она говорила это без хвастовства, просто констатируя факт. – Вещание на Европу и Азию. И продюсеры хотят, чтобы я соответствовала определённым… параметрам.

– То есть, вас заставляют изменить внешность ради роли? – Глеб не скрывал скептицизма.

– Никто не заставляет, – она покачала головой. – Это моё решение. Проект очень важен для меня. Это не просто шоу, это… нечто большее.

Она протянула ему планшет с открытой фотографией – кадр из какой-то презентации с логотипом на английском, который Глеб не успел прочитать.

– Это прототип, как я должна выглядеть. Немного изменённый овал лица, чуть уже нос, выразительнее скулы.

Глеб внимательно изучил изображение. Дизайнер явно поработал над фотографией Колесниковой, сделав её более соответствующей современным канонам красоты – лицо стало более вытянутым, черты заострёнными, нос тоньше.

– Вы понимаете, что после такой коррекции вы будете выглядеть… несколько иначе? Ваши постоянные зрители могут заметить разницу.

– В том-то и дело, – кивнула она. – Это часть концепции. Своего рода перерождение.

Что-то в её голосе заставило Глеба насторожиться. За годы работы он научился распознавать, когда пациенты не договаривают.

– Алина Сергеевна, я должен быть уверен, что вы принимаете это решение обдуманно, без давления извне. Изменение внешности – серьёзный шаг.

Она на секунду задумалась, словно решая, сколько информации можно раскрыть.

– Этот проект – не просто развлекательное шоу, – наконец произнесла она. – Он имеет… политическое значение. Я буду представлять новый образ России для международной аудитории. Более современный, более… европейский.

– И ради этого вы готовы изменить своё лицо? – Глеб не скрывал удивления.

– Я верю в этот проект, – твёрдо сказала она. – Он может многое изменить. Для страны, для меня лично. И если для этого нужно немного скорректировать внешность – я готова.

Глеб откинулся в кресле, изучая её лицо. Сейчас, без грима, оно было естественным, с лёгкими несовершенствами, которые делали его живым, настоящим. То, что предлагали продюсеры, превратило бы его в глянцевую маску.

– Технически то, что вы просите, выполнимо, – медленно произнёс он. – Ринопластика, контурирование скул, коррекция овала лица. Но я бы рекомендовал всё же более консервативный подход. Сохранить индивидуальность, но подчеркнуть выигрышные черты.

– Покажите, – она смотрела на него с интересом.

Глеб взял планшет и специальным стилусом начал делать пометки на её фотографии.

– Здесь, и здесь, – он отмечал точки на её лице. – Лёгкая коррекция, минимальное вмешательство. Вы останетесь собой, но будете соответствовать тому образу, который нужен для проекта. Поверьте, часто менее радикальные изменения дают более впечатляющий результат.

Колесникова внимательно изучала его набросок.

– Вероника была права, – наконец сказала она. – Вы действительно лучший. Хорошо, я согласна на ваш вариант. Когда можно сделать операцию?

– Не торопитесь, – Глеб поднял руку. – Сначала нам нужно провести полное обследование, убедиться, что нет противопоказаний. Затем детальное моделирование результата. И только потом можно говорить о дате операции.

– У меня не так много времени, – в её голосе появилось напряжение. – Проект стартует через два месяца. К этому моменту я должна быть полностью готова.

– Два месяца – достаточный срок, если нет осложнений, – заверил её Глеб. – Но я не могу обещать точную дату, пока мы не проведём все необходимые исследования.

Она кивнула, явно не полностью удовлетворённая ответом.

– Хорошо. Когда мы начнём?

– Прямо сейчас, – Глеб нажал кнопку на телефоне. – Марина, подготовьте, пожалуйста, полный комплект обследований для Алины Сергеевны Колесниковой. И запишите её на 3D-моделирование лица на следующей неделе.

Закончив с формальностями и подписав все необходимые документы, Колесникова собралась уходить, но остановилась у двери.

– Доктор Савельев, этот проект… он действительно очень важный. И конфиденциальный. Я могу рассчитывать на вашу дискретность?

– Конечно, – кивнул Глеб. – Врачебная тайна – это основа моей профессии.

– Я не о медицинских аспектах, – она смотрела ему прямо в глаза. – А о самом проекте. О том, что я вам рассказала.

– Алина Сергеевна, – Глеб позволил себе лёгкую улыбку, – за годы работы я узнал столько тайн моих пациентов, что мог бы написать весьма скандальную книгу. Но я её не напишу. Никогда. Потому что мой принцип – то, что сказано в этом кабинете, остаётся в этом кабинете.

Она изучающе смотрела на него ещё несколько секунд, а затем кивнула.

– Спасибо. До встречи на следующей неделе.

После ухода Колесниковой Глеб некоторое время сидел в задумчивости. Что-то в этой ситуации казалось ему странным. Таинственный международный проект, политическое значение, рекомендация от Вероники Бронской… Он не верил в совпадения. Особенно когда речь

шла о большой политике или больших деньгах. А здесь, судя по всему, присутствовало и то, и другое.

Презентация нового выпуска журнала «Elite Style» проходила в модном пространстве на территории бывшей фабрики в центре Москвы. Высокие потолки, кирпичные стены, стеклянные перегородки и дизайнерская мебель – всё соответствовало эстетике современного глянца.

Глеб ненавидел такие мероприятия. Толпы людей, притворяющихся заинтересованными друг в друге, фальшивые улыбки, пустые разговоры, шампанское по цене его месячной аренды, которое никто не ценит. Но присутствие на подобных событиях было частью его профессионального образа. Здесь заключались негласные контракты, здесь создавались репутации, здесь решалось, кто будет в топе, а кто отправится в забвение.

– Глеб Аркадьевич! – к нему подлетела молодая женщина с бейджем организатора. – Мы так рады, что вы смогли прийти! Вероника Валерьевна специально просила, чтобы вы выступили после официальной части.

– Конечно, – он изобразил любезную улыбку. – Всегда рад поддержать ваше издание.

– Мы разместили вас за VIP-столиком, – она указала в сторону огороженной зоны. – Там уже Денис Королёв, Мария Истомина, Сергей Бахматов…

Она перечисляла имена селебрити, которые ничего не значили для Глеба, но были важны для определённого круга людей. Он кивал с вежливым интересом, проклиная необходимость провести вечер в компании этих пустышек.

За VIP-столиком его встретили как своего. Ещё бы – большинство присутствующих были его пациентами. Он создал их лица, грудь, животы, бёдра. Он знал их тела лучше, чем их собственные любовники. Королёв, известный телепродюсер, пожал ему руку с особой теплотой – два года назад Глеб исправил последствия неудачной операции, сделанной в Швейцарии.

– Маэстро! – воскликнул он. – Как поживает самый золотой скальпель Москвы?

– Не жалуюсь, – сдержанно ответил Глеб, принимая бокал шампанского от официанта.

– И не нужно скромничать, – подмигнул Королёв. – Все знают, что вы теперь работаете только с особым кругом клиентов. Эксклюзивно, так сказать.

– Я работаю с теми, кому действительно могу помочь, – уклончиво ответил Глеб. – Независимо от их статуса.

– Ну конечно, – рассмеялась Мария Истомина, актриса, чья карьера держалась на трёх вещах: связях с нужными продюсерами, скандальных романах и лице, созданном Глебом три года назад. – Поэтому ваша клиника находится на Остоженке, а не где-нибудь в Бутово.

– Локация определяется руководством клиники, а не мной лично, – Глеб сделал глоток шампанского, жалея, что не может оказаться где-нибудь в другом месте.

– О, смотрите, началось! – воскликнул кто-то, и все повернулись к сцене, где появилась Вероника Бронская.

Ей было сорок пять, но выглядела она на тридцать пять – результат многочисленных пластических операций, жёсткой диеты, изнурительных тренировок и укола ботокса за неделю до каждого публичного появления. Тёмные волосы были собраны в элегантный пучок, подчёркивающий её острые скулы и длинную шею. Чёрное платье от Balmain сидело идеально, обрамляя фигуру, на создание которой она потратила состояние.

– Друзья! – её голос, усиленный микрофоном, прокатился по залу. – Я рада приветствовать вас на презентации юбилейного выпуска журнала «Elite Style»! Десять лет мы определяем, что такое стиль в России. Десять лет мы формируем вкусы, создаём тренды и рассказываем о том, как жить красиво, достойно, элегантно!

Зал взорвался аплодисментами. Бронская была королевой этого мира – мира глянца, моды и красоты. Мира иллюзий, которые стоили реальных денег.

– Сегодняшний номер особенный, – продолжила она. – Он посвящён новому образу России. Не той России, которую знают на Западе из стереотипов и клише. А настоящей России – красивой, стильной, современной. России, которая может быть модной, не теряя своей идентичности!

Снова аплодисменты. Глеб украдкой посмотрел на часы. Ещё два часа этого представления, и он сможет уйти, не оскорбляя хозяйку вечера.

– В этом выпуске мы представляем новые лица России, – Бронская сделала драматическую паузу. – Те, кто будет представлять нашу страну на международной арене в ближайшие годы. И я говорю не о политиках! Я говорю о людях, которые создают образ страны в глазах мира – наши актёры, модели, телеведущие, музыканты, дизайнеры!

Глеб вспомнил слова Колесниковой о загадочном международном проекте. Видимо, это было как-то связано с инициативой Бронской. Интересно, насколько глубоко она погрузилась в политику? И с чьей санкции всё это делается?

– И особая роль в создании этих новых лиц принадлежит человеку, которого я хочу представить вам сегодня! – Бронская сделала широкий жест рукой в сторону VIP-зоны. – Глеб Аркадьевич Савельев! Человек, чьи руки творят красоту, чей скальпель создаёт совершенство! Прошу вас на сцену, маэстро!

Глеб поднялся, ощущая на себе взгляды всего зала. Он прекрасно знал, какую роль ему отводят в этом спектакле. Волшебник, создающий красоту из ничего. Демиург, придающий плоти желаемую форму. Он уверенно поднялся на сцену и пожал протянутую руку Бронской. Её ладонь была холодной и сухой.

– Глеб Аркадьевич, – Бронская обратилась к нему с фальшивой теплотой, – вы человек, который буквально меняет лицо современной России. Что вы думаете о новых трендах в эстетической медицине? Что будет определять красоту завтрашнего дня?

Глеб улыбнулся в камеры. Он знал, что его снимают для социальных сетей, для сайта журнала, для будущих рекламных кампаний.

– Я думаю, что настоящий тренд сегодня – это аутентичность, – произнёс он, зная, что это не то, что хотела услышать Бронская. – Мы уходим от унифицированных стандартов красоты к более персонализированному подходу. Моя задача как хирурга – не создать шаблонное «красивое» лицо, а подчеркнуть уникальность каждого пациента, сохранив его индивидуальность.

По лицу Бронской пробежала тень раздражения, но она быстро справилась с собой.

– Как интересно! – воскликнула она с деланным восхищением. – То есть, вы предлагаете отказаться от общепринятых канонов красоты?

– Вовсе нет, – спокойно ответил Глеб. – Я говорю о балансе между стандартами и индивидуальностью. О том, чтобы не создавать одинаковые лица по шаблону, а находить золотую середину между трендами и уникальностью пациента.

– И всё же, – настаивала Бронская, – какие черты лица вы считаете наиболее важными для создания того самого «нового русского лица», которое будет представлять нашу страну миру?

Глеб почувствовал подвох в вопросе. Она явно вела к чему-то конкретному.

– Я бы не стал говорить о «новом русском лице» как о каком-то едином стандарте, – осторожно ответил он. – Россия – многонациональная страна с богатым разнообразием типов внешности. И это разнообразие, на мой взгляд, и есть наша сила и особенность.

Бронская сжала губы, но продолжила с улыбкой:

– И всё же, если говорить о тенденциях… Может быть, более европейские черты? Более утончённый овал лица, более изящный нос?

«Как у Колесниковой на том фото», – подумал Глеб, но вслух сказал:

– Каждое лицо уникально. Моя задача – найти оптимальные пропорции для конкретного человека, а не следовать абстрактным представлениям о «европейскости» или «азиатскости». В конце концов, красота – это гармония, а не соответствие шаблону.

– Великолепный ответ! – Бронская обернулась к залу, не скрывая уже своего раздражения. – Именно поэтому доктор Савельев – лучший в своём деле! Он создаёт не просто красивые лица, он создаёт произведения искусства!

Аплодисменты. Глеб знал, что не сказал то, что от него ждали. Но его это не волновало. Он давно уже достиг того уровня профессионального успеха, когда мог позволить себе говорить то, что думает. По крайней мере, до определённого предела.

Когда он вернулся к своему столику, Королёв наклонился к нему:

– Вы наступили на её любимую мозоль, доктор. Бронская буквально одержима идеей «европеизации» русской внешности. Это её новый конёк.

– Не могу изменить своё профессиональное мнение ради чьих-то амбиций, – пожал плечами Глеб.

– И это делает вам честь, – кивнул Королёв. – Но Вероника этого не забудет. Она не из тех, кто прощает публичные противоречия.

Глеб отпил шампанское, наблюдая, как Бронская продолжает презентацию, представляя других гостей. Он знал, что Королёв прав. Бронская была опасным противником. Но сейчас его это мало волновало. В конце концов, что она могла сделать? У него была своя репутация, свой круг клиентов, своя ниша. Он не зависел от её благосклонности.

Или так ему казалось.

Остаток вечера прошёл в вынужденном общении, которое Глеб ненавидел. Бесконечные разговоры ни о чём, восторженные комплименты от людей, которых он едва знал, просьбы о консультациях «только для меня, по дружбе». Он отвечал вежливо, но отстранённо, ведя обратный отсчёт до момента, когда можно будет уйти, не вызвав осуждения.

Наконец, когда официальная часть завершилась, и гости разбрелись по залу, он решил, что пора уходить. Однако у выхода его перехватила Бронская.

– Уже уходите, Глеб Аркадьевич? – её тон был любезным, но взгляд холодным.

– Да, завтра рано вставать, – он улыбнулся своей профессиональной улыбкой. – Спасибо за приглашение, мероприятие было великолепным.

– Как и ваше выступление, – в её голосе появились ледяные нотки. – Хотя я ожидала от вас большего… энтузиазма.

– В отношении чего? – Глеб решил не притворяться, что не понимает.

– Проекта, конечно, – она понизила голос. – Вы уже встречались с Колесниковой?

– Да, сегодня, – кивнул он. – И должен сказать, что я рекомендовал ей гораздо более консервативный подход, чем тот, что был представлен в референсах.

Лицо Бронской на мгновение застыло, а затем она рассмеялась, словно он сказал что-то забавное.

– О, Глеб Аркадьевич, ваш перфекционизм всем известен. Но в данном случае мы говорим не просто об эстетической коррекции. Это часть большого проекта, который выходит далеко за рамки обычной пластической хирургии.

– Колесникова упомянула что-то о политическом значении, – осторожно заметил Глеб.

– Именно, – Бронская взяла его под руку и отвела в сторону от проходящих мимо гостей. – Это часть новой культурной стратегии. Мы создаём новое лицо России для международной аудитории. И это лицо должно быть… конкурентоспособным на глобальном рынке.

– То есть, европейским? – Глеб не скрывал скептицизма.

– Назовите это как хотите, – пожала плечами Бронская. – Важно, что это крупный проект с серьёзными инвестициями и поддержкой на самом высоком уровне. И Алина – первая ласточка. За ней последуют другие.

– И вы рассчитываете, что я буду принимать участие в этом… преображении? – Глеб посмотрел ей прямо в глаза.

– Не просто принимать участие, – её улыбка стала шире. – Вы будете ключевой фигурой. Нашим… как это модно говорить? Амбассадором новой русской красоты. Вы станете создавать лица, которые будут представлять нашу страну миру. Разве это не достойная задача для хирурга вашего уровня?

Глеб почувствовал внутреннее сопротивление. То, что предлагала Бронская, звучало как евгеническая программа, одетая в глянцевую обёртку. Создание «правильных» лиц для «правильного» образа страны.

– Вероника Валерьевна, – медленно произнёс он, – я врач, а не политтехнолог. Моя задача – помогать конкретным людям, а не реализовывать государственные стратегии.

Улыбка Бронской стала натянутой.

– Вы не понимаете масштаба возможностей, Глеб Аркадьевич. Участие в этом проекте откроет вам двери, о которых вы даже не мечтали. Международное признание, эксклюзивные контракты, финансовые перспективы, которые в разы превосходят ваш текущий уровень.

– Звучит заманчиво, – признал Глеб. – Но я предпочитаю оставаться верным своим профессиональным принципам. Каждый пациент для меня – индивидуальность, а не холст для воплощения чьих-то политических амбиций.

Бронская некоторое время смотрела на него, словно не веря своим ушам. Затем её лицо приобрело выражение холодной решимости.

– Вы не можете отказаться, – её голос стал жёстким. – Вы уже в проекте. Колесникова выбрала вас. И она всего лишь первая. Будут другие. Многие другие.

– Я буду работать с Колесниковой так, как считаю профессионально правильным, – твёрдо сказал Глеб. – И с любым другим пациентом. Но я не буду подгонять их под какой-то шаблон «нового русского лица».

– Вы пожалеете об этом решении, – Бронская резко отпустила его руку. – Очень скоро.

– Возможно, – Глеб слегка поклонился. – А теперь, если вы не возражаете, я действительно должен идти. Ещё раз спасибо за приглашение.

Он вышел из зала, ощущая на спине её взгляд. Что-то подсказывало ему, что он только что нажил себе серьёзного врага. Бронская не из тех, кто прощает отказы. Особенно публичные.

Ночной воздух Москвы был прохладным и свежим после душного зала. Глеб глубоко вдохнул, наслаждаясь мгновением тишины. Вдалеке сияли огни небоскрёбов, проносились автомобили, жила своей жизнью многомиллионная столица.

Он достал телефон и вызвал такси. Домой, в свой пентхаус на Мосфильмовской. В свой стерильный мир, созданный дизайнерами за большие деньги. Мир, который был таким же пустым и блестящим, как лица его пациентов после операций.

Пентхаус встретил его гулкой тишиной и идеальной чистотой. Минимализм, стекло, сталь, светлое дерево – всё выверено до миллиметра, всё идеально подобрано. И всё абсолютно безлично. Как операционная, только с лучшим видом на город.

Глеб прошёл в гостиную и налил себе виски – Macallan 18 лет, один из немногих материальных объектов, к которому он испытывал настоящую привязанность. Стакан, два кубика льда, ровно пятьдесят миллилитров янтарной жидкости. Идеальная пропорция, как и всё в его жизни.

Он подошёл к панорамному окну. Москва расстилалась у его ног, сияющая, беспокойная, противоречивая. Город возможностей, город денег, город грехов. Город, который он любил и ненавидел одновременно.

Телефон в кармане завибрировал. Он достал его, ожидая увидеть сообщение от Марины или от кого-то из коллег. Но на экране высветилось имя Королёва.

«Берегитесь Бронской. Она уже звонила своим людям в департаменте здравоохранения. Кажется, у вашей клиники будет внеплановая проверка».

Глеб усмехнулся. Бронская не теряла времени. Но если она думала, что может напугать его бюрократическими угрозами, она сильно ошибалась. Клиника «NeoПластика» была одним из самых законопослушных медицинских учреждений в Москве. Просто потому, что её клиенты могли позволить себе платить за абсолютную легальность и безопасность.

«Спасибо за предупреждение. Но беспокоиться не о чем», – ответил он.

Телефон снова завибрировал почти мгновенно.

«Дело не в клинике. Дело в вас. Она настроена серьёзно. Этот проект с «новыми лицами» – её пропуск в большую политику. Не становитесь на её пути».

Глеб задумался. Королёв был известным интриганом, но и очень информированным человеком. Если он предупреждал об опасности, значит, дело действительно серьёзное.

«Что вы предлагаете?» – набрал он.

«Встретимся завтра. В "Рафинаде", в 9 вечера. У меня есть информация, которая может вам пригодиться».

Глеб отправил короткое «Хорошо» и отложил телефон. Этот день принёс слишком много неожиданностей. Загадочная Колесникова с её политическим проектом, агрессивная Бронская с её амбициями, теперь ещё и таинственные предупреждения от Королёва.

Он сделал глоток виски, ощущая, как алкоголь согревает горло. Может быть, стоило просто согласиться с Бронской? Сделать Колесниковой ту операцию, которую хотят видеть продюсеры, получить свои деньги и репутационные бонусы, и забыть об этом? В конце концов, какая разница, как будет выглядеть очередная телезвезда?

Но что-то внутри противилось этой мысли. Возможно, остатки профессиональной этики. Или просто усталость от бесконечного потакания чужим прихотям. Или детская упрямость, унаследованная от отца – того самого отца, который до сих пор считал его работу бессмысленной.

Глеб допил виски и отправился в душ. Горячая вода смывала напряжение дня, но не могла смыть ощущение, что он стоит на пороге чего-то нехорошего. Что-то подсказывало ему, что это только начало, что проект Бронской и Колесниковой – лишь верхушка айсберга.

И он оказался прав.

Глава 2: Изнанка

Утро началось с гула кофемашины и звонка из клиники.

– Глеб Аркадьевич, это Марина, – голос анестезиолога звучал обеспокоенно. – У нас проблема. Пришли с проверкой из департамента здравоохранения. Говорят, внеплановая инспекция.

Глеб усмехнулся, вспомнив вчерашнее предупреждение Королёва. Бронская не теряла времени.

– Я буду через сорок минут, – сказал он, наливая себе кофе. – Пусть начинают без меня. И скажи Верещагину, чтобы не нервничал. У нас всё в порядке с документацией.

Верещагин Игорь Сергеевич, главврач и фактический руководитель клиники, был педантом в вопросах бюрократии. Каждая бумажка в «NeoПластике» была на своём месте, каждая процедура документировалась с немецкой точностью. Это была одна из причин, почему Глеб выбрал именно эту клинику – здесь можно было сосредоточиться на медицине, не беспокоясь об административной стороне вопроса.

– Уже предупредила, – отозвалась Марина. – Но он всё равно дёргается. Говорит, у инспекторов какие-то особые указания.

– Какие ещё указания? – Глеб почувствовал укол беспокойства.

– Не знаю подробностей, но они спрашивали конкретно про вас. Про ваших пациентов, про документацию, связанную с вашей практикой.

Вот оно. Бронская начала атаку.

– Хорошо, я выезжаю. Скажи Верещагину, чтобы не показывал им никаких документов без моего присутствия. Или без адвоката.

Он завершил звонок и отпил кофе. Утро не задалось, но он был к этому готов. В конце концов, он не делал ничего противозаконного. Пусть проверяют.

Глеб быстро принял душ, побрился и оделся. Сегодня он выбрал более строгий костюм тёмно-синего цвета – профессиональный, авторитетный, немного холодный. Образ, подходящий для встречи с бюрократами.

По дороге в клинику он размышлял о вчерашнем разговоре с Бронской. Что за проект она затеяла? И почему она так резко отреагировала на его нежелание участвовать? Это выходило за рамки обычной уязвлённой гордости.

Машина остановилась у входа в клинику. Стеклянный фасад блестел в утреннем солнце, отражая небо и соседние здания. Никаких внешних признаков проверки не было, но Глеб знал, что внутри его ждёт неприятный разговор.

В холле его перехватил Верещагин – невысокий полный мужчина с залысинами и вечно встревоженным лицом.

– Глеб Аркадьевич, наконец-то! – воскликнул он, вытирая платком вспотевший лоб. – Они уже час здесь. Требуют истории болезни, финансовые отчёты, документы на оборудование…

– Успокойтесь, Игорь Сергеевич, – Глеб положил руку на плечо главврача. – У нас всё в порядке с документацией. Пусть проверяют.

– Но они спрашивают конкретно про ваших пациентов! Это нарушение врачебной тайны!

– Именно, – кивнул Глеб. – Поэтому мы не предоставим им никакой информации о пациентах без соответствующего судебного решения. Где они сейчас?

– В конференц-зале, – Верещагин указал в сторону второго этажа. – Их трое. Очень… настойчивые.

– Понятно, – Глеб поправил галстук. – Я разберусь. А вы пока свяжитесь с нашим юристом. На всякий случай.

Верещагин кивнул и поспешил к телефону, а Глеб направился к конференц-залу. По пути он столкнулся с Мариной, которая выглядела не менее обеспокоенной, чем главврач.

– Что происходит? – спросила она, идя рядом с ним. – Это из-за вчерашней презентации? Вы что-то не то сказали?

– Похоже на то, – усмехнулся Глеб. – Но не беспокойся. Это просто попытка давления.

– Со стороны кого?

– Вероники Бронской, – Глеб остановился у дверей конференц-зала. – Она предложила мне участвовать в каком-то политическом проекте, а я отказался.

– И она сразу же натравила на вас проверку? – Марина покачала головой. – Это уже не просто связи. Это влияние.

– Да, – кивнул Глеб. – И меня это настораживает. Но сначала давай разберёмся с нашими гостями.

Он открыл дверь и вошёл в конференц-зал. За длинным столом сидели трое – двое мужчин в строгих костюмах и женщина средних лет с острым, неприятным взглядом. Перед ними лежали папки с документами и ноутбуки.

– Доброе утро, – Глеб вошёл уверенно, с профессиональной улыбкой. – Глеб Аркадьевич Савельев, ведущий хирург клиники. Чем могу помочь?

Женщина поднялась и протянула ему удостоверение.

– Карпова Ирина Дмитриевна, департамент здравоохранения. Внеплановая проверка соблюдения лицензионных требований.

– Понимаю, – кивнул Глеб, бегло изучив удостоверение. – Но обычно о таких проверках предупреждают заранее.

– В случае поступления жалоб мы имеем право на внеплановую проверку без предварительного уведомления, – отрезала Карпова. – И у нас есть основания полагать, что в вашей клинике имеются серьёзные нарушения.

– Какие именно? – Глеб сохранял спокойствие.

– Нарушения протоколов операций, использование незарегистрированных препаратов, некорректное ведение медицинской документации, – перечисляла она, глядя в свои бумаги. – И особенно нас интересуют ваши персональные пациенты, доктор Савельев. Те, кого вы оперируете лично.

– Боюсь, что здесь какая-то ошибка, – Глеб слегка улыбнулся. – Все наши протоколы соответствуют стандартам, мы не используем незарегистрированные препараты, а документация ведётся в строгом соответствии с требованиями законодательства. Что касается моих пациентов, то информация о них защищена врачебной тайной.

– Врачебная тайна не распространяется на случаи проверки соблюдения лицензионных требований, – возразила Карпова.

– Вы правы, – кивнул Глеб. – Но только в отношении обезличенной информации. Персональные данные пациентов могут быть предоставлены только по решению суда. Уверен, вы знакомы с соответствующими положениями закона.

Карпова на мгновение замолчала, явно не ожидав такого отпора. Затем она перевела взгляд на своих коллег, которые выглядели не менее растерянными.

– Мы можем составить протокол о препятствовании проверке, – наконец произнесла она.

– Вы можете, – согласился Глеб. – Но это будет необоснованно. Мы готовы предоставить вам всю документацию, которую вы имеете право запросить. Для этого я пригласил нашего юриста, который поможет нам действовать в рамках закона. Он будет здесь через двадцать минут.

Упоминание юриста произвело на проверяющих заметное впечатление. Они переглянулись, и один из мужчин что-то прошептал Карповой на ухо.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Мы подождём вашего юриста. Но предупреждаю, что наша проверка будет максимально тщательной.

– Мы только приветствуем это, – улыбнулся Глеб. – «NeoПластика» – клиника с безупречной репутацией, и мы заинтересованы в том, чтобы все наши процедуры соответствовали самым высоким стандартам.

Он вышел из конференц-зала, оставив проверяющих в некотором замешательстве. В коридоре его ждала Марина.

– Как прошло? – спросила она.

– Пока ничего серьёзного, – пожал плечами Глеб. – Обычное запугивание. Но они явно имеют конкретные указания насчёт меня. Интересно, кто подал жалобу?

– Вы же сами сказали – Бронская.

– Да, но формально должен быть какой-то повод. Жалоба от пациента, например.

– У вас есть недовольные пациенты? – Марина приподняла бровь.

– Нет, – задумчиво произнёс Глеб. – Или… не знаю. Может быть, кто-то из тех, кому я отказал в операции? Я не веду учёт обиженных.

Марина посмотрела на него с легким упрёком.

– Что? – он заметил её взгляд.

– Иногда вы бываете… резковаты с пациентами, которым отказываете.

– Я просто говорю правду, – пожал плечами Глеб. – Если я вижу, что операция не нужна или потенциально опасна, я отказываю. И не вижу смысла обёртывать это в сахарную вату.

– И именно поэтому у вас могут быть обиженные пациенты, – заметила Марина. – Не все готовы услышать правду, особенно если она противоречит их желаниям.

Глеб задумался. Возможно, она была права. Он никогда не церемонился с пациентами, которые приходили с неадекватными запросами или имели нереалистичные ожидания. Не исключено, что кто-то из них затаил обиду и теперь, воспользовавшись возможностью, решил отомстить.

– Возможно, ты права, – признал он. – Но сейчас это не имеет значения. Важно то, что за этой проверкой стоит Бронская, и ей нужно что-то от меня. Что-то связанное с проектом Колесниковой.

– А что это за проект? – поинтересовалась Марина. – Вы так и не рассказали.

Глеб оглянулся, проверяя, не слышит ли кто их разговор.

– Что-то политическое. Связанное с «новым образом России» и «европеизацией» внешности публичных лиц. Бронская хочет, чтобы я делал операции по некоему шаблону, создавая «правильные» лица для тех, кто будет представлять Россию на международной арене.

– И вы отказались? – Марина выглядела удивлённой.

– Конечно, – кивнул Глеб. – Я хирург, а не политтехнолог. Моя работа – помогать конкретным людям, а не обслуживать чьи-то геополитические амбиции.

– А как же Колесникова? Она ведь пришла к вам именно с этим запросом.

– Колесникову я буду оперировать так, как считаю нужным. Если она согласна с моим видением – прекрасно. Если нет – она вольна обратиться к другому хирургу.

Марина покачала головой.

– Вы не боитесь, что Бронская может серьёзно навредить клинике? Или вашей репутации?

– Боюсь, – честно признался Глеб. – Но я не собираюсь менять свои принципы из-за её угроз. В конце концов, я не какой-нибудь начинающий хирург. У меня есть имя, клиентура, репутация.

– Именно поэтому вы ей и нужны, – заметила Марина. – Ваше имя придало бы вес её проекту.

Глеб хотел ответить, но в этот момент к ним подошёл Верещагин.

– Юрист приехал, – сообщил он. – И я проверил журнал жалоб. За последний год было две официальные жалобы на вас, Глеб Аркадьевич.

– От кого? – Глеб напрягся.

– Одна от Зотовой, которой вы отказали в липосакции из-за проблем с сердцем. Вторая от Климентьева, которому вы не стали делать третью ринопластику.

– Я помню их, – кивнул Глеб. – Но эти жалобы были рассмотрены и отклонены ещё полгода назад. Вряд ли дело в них.

– Есть ещё кое-что, – Верещагин понизил голос. – Одна из проверяющих сказала нашей медсестре, что их особенно интересует пациентка Колесникова, которая была у вас на консультации вчера.

Глеб и Марина переглянулись.

– Ясно, – медленно произнёс Глеб. – Значит, всё-таки Бронская. И её интересует именно проект с Колесниковой.

– Что будем делать? – спросил Верещагин, нервно поправляя очки.

– То, что должны, – Глеб был спокоен. – Сотрудничать с проверкой в рамках закона, не предоставлять персональные данные пациентов без их согласия или решения суда, и продолжать работать как обычно.

– А что с Колесниковой? – поинтересовалась Марина.

– Ничего, – пожал плечами Глеб. – Она записана на моделирование на следующей неделе. Если придёт – я проведу процедуру, как и планировалось.

– Но если Бронская…

– Бронская не имеет права указывать мне, как лечить моих пациентов, – отрезал Глеб. – И я не собираюсь позволять ей это делать. Теперь, если позволите, у меня приём через двадцать минут.

Он развернулся и направился к своему кабинету, оставив Марину и Верещагина обмениваться обеспокоенными взглядами.

День шёл своим чередом, несмотря на проверку. Глеб принял шесть пациентов, все с рутинными случаями – постоперационные осмотры, консультации, обсуждения предстоящих процедур. Ничего, что требовало бы особой концентрации или творческого подхода.

Во время обеденного перерыва он закрылся в своём кабинете и набрал номер Королёва. Тот ответил после третьего гудка.

– Савельев! Как дела с проверкой? – в голосе продюсера слышалось неподдельное любопытство.

– А вы откуда знаете? – Глеб был удивлён.

– Вся Москва знает, – усмехнулся Королёв. – Точнее, вся тусовка. Бронская не скрывает, что объявила вам войну.

– И каковы мои шансы, по вашему мнению?

– Пятьдесят на пятьдесят, – оценил Королёв. – С одной стороны, у неё связи в правительстве, деньги и влияние в медиа. С другой – вы не какой-нибудь районный эскулап, а доктор с репутацией и собственной клиентурой. К тому же, насколько я знаю, вы не нарушаете закон.

– Не нарушаю, – подтвердил Глеб. – Но это не гарантирует защиту в нашей стране.

– Верно, – согласился Королёв. – Поэтому нам нужно встретиться. У меня есть информация, которая может вам помочь. Сегодня в «Рафинаде», как мы и договаривались?

– Да, в девять, – кивнул Глеб, хотя собеседник не мог его видеть. – Что это за информация?

– Не по телефону, – Королёв понизил голос. – Скажу только, что Бронская затеяла нечто большее, чем просто медийный проект. И ваше участие для неё критически важно.

– Почему? – Глеб недоумевал. – В Москве полно пластических хирургов, некоторые не менее квалифицированы, чем я.

– Но никто из них не имеет вашего статуса. Вы – бренд, Савельев. Символ успеха и совершенства. Именно то, что нужно для её проекта.

Глеб задумался. Возможно, Королёв прав. За годы работы он создал себе определённый образ – хирурга, который работает только с избранными, создаёт идеальные лица и берёт за

это суммы с пятью нулями. Для Бронской это, видимо, было важно – чтобы её проект ассоциировался с высшим классом, с элитарностью.

– Хорошо, встретимся вечером, – сказал он. – Надеюсь, ваша информация стоит потраченного времени.

– Поверьте, стоит, – заверил его Королёв и отключился.

Глеб отложил телефон и потёр виски. Головная боль, мучившая его с утра, усилилась. Слишком много событий, слишком много непонятных угроз и намёков. Он предпочитал простоту и ясность – в работе, в отношениях, в жизни. А сейчас всё стало запутанным и тревожным.

Стук в дверь прервал его размышления.

– Войдите, – сказал он, выпрямляясь в кресле.

В кабинет вошла Марина с планшетом в руках.

– Проверяющие уехали, – сообщила она. – Пробыли почти пять часов, изучили всю документацию, которую наш юрист счёл возможным предоставить. Составили акт с мелкими замечаниями, ничего серьёзного.

– А что насчёт Колесниковой? – Глеб напрягся.

– Они требовали её карту, но юрист не позволил её предоставить без согласия пациентки, – Марина слегка улыбнулась. – Карпова была очень недовольна, грозилась вернуться с решением суда.

– Пусть возвращается, – пожал плечами Глеб. – У нас всё в порядке с документацией.

– Да, но она явно ищет к чему придраться, – Марина присела на край стула напротив его стола. – И она найдёт, если будет очень стараться. Никто не застрахован от мелких нарушений или ошибок.

– Что ты предлагаешь? – Глеб посмотрел на неё с интересом.

– Может быть, стоит пойти на компромисс с Бронской? – Марина говорила осторожно, подбирая слова. – Не обязательно делать всё, что она хочет. Но хотя бы выслушать её предложения более внимательно?

– И стать частью её политического проекта? – Глеб покачал головой. – Нет. Я не собираюсь превращаться в инструмент чьих-то амбиций.

– Речь не об этом, – Марина наклонилась вперёд. – Речь о том, чтобы защитить клинику и свою репутацию. Если Бронская настроена серьёзно, она может создать вам серьёзные проблемы.

– Я знаю, – кивнул Глеб. – Но есть вещи важнее репутации и даже карьеры. Например, профессиональная этика. Я не могу делать операции по шаблону, игнорируя индивидуальные особенности пациентов, только потому что какая-то медиамагнатка решила создать «новое лицо России».

Марина внимательно посмотрела на него, словно видела впервые.

– Знаете, я не ожидала от вас такой… принципиальности. Обычно вы довольно прагматичны.

– Я прагматичен в том, что касается бизнеса, денег, карьеры, – согласился Глеб. – Но не в том, что касается моей работы как хирурга. Здесь у меня есть определённые принципы. И один из них – я не делаю операции, которые считаю ненужными или потенциально вредными для пациента, даже если он сам этого хочет.

– И даже если от этого зависит будущее клиники? – Марина не сдавалась.

– Клиника переживёт проверку, – уверенно сказал Глеб. – Верещагин – педант в вопросах документации. У нас всё в порядке.

– А ваша репутация?

– Моя репутация построена не на угождении власть имущим, а на качестве работы, – Глеб слегка улыбнулся. – И потом, мы ещё не знаем, что на самом деле происходит. Сегодня вечером у меня встреча с Королёвым. Он обещал рассказать что-то интересное о проекте Бронской.

– Вы ему доверяете? – Марина выглядела скептичной.

– Нет, – честно ответил Глеб. – Но информация лишней не бывает. Особенно когда тебе объявляют войну.

– Будьте осторожны, – Марина поднялась. – Королёв известен своими интригами. Не исключено, что он просто использует вас в каких-то своих целях.

– Я буду иметь это в виду, – кивнул Глеб. – А пока давай вернёмся к работе. У меня ещё два пациента сегодня.

Марина кивнула и направилась к двери, но остановилась на полпути.

– Глеб Аркадьевич, – она повернулась к нему. – Я знаю, что вы не любите личные вопросы, но… вы правда в порядке? Последние дни вы кажетесь… напряжённым.

Глеб был удивлён её заботой. Обычно они держали профессиональную дистанцию, несмотря на годы совместной работы.

– Я в порядке, – ответил он после паузы. – Просто много работы и мало сна. Ничего необычного.

Марина кивнула, явно не убеждённая его ответом, и вышла из кабинета.

Глеб откинулся в кресле, глядя на закрывшуюся дверь. Он солгал. Он не был в порядке. Уже давно. Но дело было не в работе и не в Бронской с её угрозами.

Дело было в нарастающей пустоте внутри. В ощущении, что его жизнь – это просто набор повторяющихся действий. Операции, консультации, светские мероприятия, редкие свидания с женщинами, которых он забывал через неделю. Он достиг всего, чего хотел – денег, статуса, профессионального признания. Но чем больше он получал, тем меньше это значило.

Иногда, в редкие моменты честности с самим собой, он задавался вопросом: а что если отец был прав? Что если всё это – пустая трата таланта? Что если вместо создания красивых лиц для богатых бездельников он мог бы делать что-то по-настоящему важное? Спасать жизни, как его отец, который за свою карьеру районного хирурга провёл тысячи операций, действительно нужных людям.

Но потом он вспоминал свою крохотную комнату в квартире родителей, их постоянную борьбу за выживание, бесконечную экономию на всём, унизительное положение интеллигента в 90-е… И понимал, что не хочет возвращаться к этому. Никогда.

Он создал себе другую жизнь. Жизнь, в которой он был не «сыном Аркадия Петровича из районной больницы», а «Глебом Савельевым, золотым скальпелем Москвы». И если цена этой новой жизни – работа с пустыми людьми и участие в их пустых играх… что ж, он был готов её платить.

По крайней мере, так он себя убеждал.

Остаток рабочего дня прошёл без происшествий. Глеб принял последних пациентов и уже собирался уходить, когда его телефон зазвонил. На экране высветилось неизвестное имя.

– Глеб Аркадьевич Савельев? – голос был женским, незнакомым.

– Да, это я. Кто говорит?

– Меня зовут Екатерина, я помощница Алины Колесниковой. Алина просила передать, что ей нужно срочно с вами поговорить. Это касается её предстоящей операции.

– Что-то случилось? – Глеб напрягся.

– Не по телефону, – голос понизился. – Она просит вас приехать к ней домой. Сегодня, если возможно.

Это было необычно. Пациенты редко приглашали его к себе домой, особенно для обсуждения медицинских вопросов.

– Я не уверен, что это хорошая идея, – осторожно сказал он. – Мы можем организовать встречу в клинике…

– Алина настаивает, – перебила его помощница. – Она сказала, что это очень важно и касается не только операции. Это связано с… проектом.

Глеб почувствовал укол любопытства. Возможно, Колесникова могла пролить свет на то, что происходит вокруг этого загадочного проекта и почему Бронская так настойчиво требует его участия.

– Хорошо, – согласился он после паузы. – Когда и где?

– Сегодня в семь вечера, – помощница продиктовала адрес в районе Патриарших прудов. – Алина будет вас ждать. И… она просила никому не говорить об этой встрече.

– Конечно, – Глеб нахмурился. – Конфиденциальность – основа отношений врача и пациента.

– Спасибо, – голос помощницы выдал облегчение. – До встречи вечером.

Звонок завершился, и Глеб задумчиво посмотрел на телефон. Что могло быть настолько важным и секретным, что телеведущая не могла обсудить это в клинике? И почему такая срочность?

Он посмотрел на часы. Было уже почти шесть. Если он поедет к Колесниковой в семь, то вряд ли успеет на встречу с Королёвым в девять. Придётся перенести.

Он набрал номер продюсера.

– Денис, это Савельев. Насчёт нашей сегодняшней встречи…

– Только не говорите, что хотите отменить, – в голосе Королёва слышалось разочарование. – У меня действительно важная информация.

– Не отменить, а перенести, – уточнил Глеб. – Возникли неотложные дела. Может быть, завтра?

– Завтра я улетаю в Питер на съёмки, – Королёв вздохнул. – Вернусь только через неделю. А информация не может ждать. Бронская уже привела свой план в действие.

– Какой план? – Глеб напрягся.

– Не по телефону, – Королёв понизил голос. – Слушайте, давайте так. Я подъеду к вам, где бы вы ни были, после ваших «неотложных дел». Даже если это будет поздно вечером.

Глеб задумался. Встреча с Колесниковой вряд ли затянется надолго. Он мог бы встретиться с Королёвым после неё.

– Хорошо, – согласился он. – Я напишу вам, когда освобожусь. Вероятно, около девяти или десяти.

– Договорились, – Королёв явно был доволен. – И, Савельев… будьте осторожны. Бронская – опасная женщина. Особенно когда её планы под угрозой.

– Я учту, – сухо ответил Глеб и завершил звонок.

Он собрал свои вещи и направился к выходу из клиники. По пути столкнулся с Мариной, которая тоже собиралась уходить.

– Уже домой? – спросила она.

– Не совсем, – уклончиво ответил Глеб. – Есть ещё одна встреча.

– С Королёвым? – Марина выглядела обеспокоенной.

– Нет, эту встречу я перенёс, – он не стал уточнять, с кем встречается. – Королёв будет позже.

– Вы сегодня какой-то таинственный, – заметила она.

– Просто осторожный, – слегка улыбнулся Глеб. – После сегодняшней проверки я предпочитаю не афишировать свои планы.

Марина кивнула, явно не вполне удовлетворённая ответом, но не стала расспрашивать дальше.

– Тогда до завтра, – она попрощалась и направилась к своей машине.

Глеб проводил её взглядом. Иногда ему казалось, что Марина знает о нём больше, чем он сам готов признать. И это странным образом беспокоило его.

Квартира Алины Колесниковой располагалась в одном из тех дореволюционных домов у Патриарших прудов, которые в последние годы были полностью реконструированы и превращены в элитное жильё. Высокие потолки, лепнина, паркет, огромные окна – всё это теперь стоило баснословных денег.

Глеб поднялся на лифте на пятый этаж и позвонил в дверь. Открыла не Колесникова, а, судя по всему, та самая помощница, которая звонила ему.

– Глеб Аркадьевич? – она была молодой, лет двадцати пяти, с коротко стриженными волосами и внимательным взглядом. – Проходите, Алина Сергеевна ждёт вас в гостиной.

Он прошёл в просторную прихожую, оформленную в светлых тонах. Никаких кричащих деталей, всё сдержанно и элегантно – не типичный интерьер для телезвезды. Это соответствовало его впечатлению о Колесниковой как о человеке с хорошим вкусом.

– Сюда, пожалуйста, – помощница указала на двери в конце коридора.

Гостиная оказалась под стать прихожей – просторная, светлая, с минималистичной мебелью и несколькими картинами современных художников на стенах. Колесникова сидела в кресле у окна, глядя на вечерние Патриаршие пруды. На ней было простое домашнее платье, волосы собраны в небрежный пучок.

– Глеб Аркадьевич, – она поднялась ему навстречу. – Спасибо, что приехали. Я знаю, это необычная просьба.

– Действительно необычная, – согласился он, пожимая её протянутую руку. – Что случилось?

– Присаживайтесь, – она указала на кресло напротив. – Катя, принеси нам, пожалуйста, чай. И после этого можешь быть свободна.

Помощница кивнула и исчезла, а Колесникова повернулась к Глебу.

– Я слышала, у вас сегодня была проверка в клинике, – сказала она без предисловий.

Глеб напрягся.

– Да, внеплановая. Откуда вы знаете?

– От Вероники Бронской, – Колесникова смотрела на него прямо. – Она сама мне об этом сказала. И о том, что это только начало.

– Начало чего? – Глеб сохранял внешнее спокойствие, хотя внутри всё напряглось.

– Давления на вас, – Колесникова вздохнула. – Она хочет, чтобы вы сделали мне операцию точно по тем референсам, которые были предоставлены. Без ваших творческих корректировок.

– И вы согласны с этим? – Глеб внимательно смотрел на неё.

Колесникова молчала несколько секунд, словно взвешивая, сколько можно рассказать.

– Я в сложном положении, – наконец произнесла она. – Проект, о котором я вам говорила… он действительно важен для меня. Это шанс выйти на международный уровень, получить контракты с крупнейшими медиакомпаниями. Но условия участия… жёсткие.

– Какие именно?

– Полное соответствие определённому образу. Включая внешность, – она провела рукой по лицу. – Вероника контролирует этот проект со стороны России. И она настаивает на точном соблюдении всех требований.

– Даже если эти требования идут вразрез с медицинскими показаниями? – Глеб не скрывал скептицизма.

– В том-то и дело, – Колесникова подалась вперёд. – Я видела ваши наброски, ваш вариант коррекции. И он мне нравится гораздо больше, чем то, что предлагает Вероника. Её вариант… слишком радикальный. Я не хочу терять свою индивидуальность.

В этот момент вернулась помощница с чаем. Она расставила чашки, положила на столик печенье и, кивнув Колесниковой, удалилась.

– Так зачем вы меня пригласили? – спросил Глеб, когда они остались одни. – Чтобы сказать, что предпочитаете мой вариант операции?

– Не только, – Колесникова понизила голос, хотя они были одни в квартире. – Я хочу предупредить вас. Бронская не остановится на проверке клиники. У неё есть связи в Минздраве, в медицинских ассоциациях, в надзорных органах. Она может создать вам серьёзные проблемы.

– Почему вы меня предупреждаете? – Глеб был удивлён. – Мы едва знакомы.

– Потому что я не согласна с её методами, – твёрдо сказала Колесникова. – И потому что… я тоже её боюсь.

Последняя фраза прозвучала так искренне, что Глеб невольно поверил.

– Что именно она может сделать? – спросил он.

– Многое, – Колесникова отпила чай. – Она может инициировать проверки, может распустить слухи о врачебных ошибках, может настроить против вас влиятельных клиентов. Она уже начала.

– Это серьёзные обвинения, – заметил Глеб.

– Но правдивые, – Колесникова была серьёзна. – Вероника контролирует не только свой журнал, но и несколько крупных телеграм-каналов, имеет связи во многих СМИ. Она может создать или разрушить репутацию любого человека в Москве.

– И что вы предлагаете? – Глеб отпил чай, наблюдая за своей собеседницей.

– У меня есть предложение, – Колесникова выпрямилась. – Давайте обманем её. Официально вы соглашаетесь на её условия, обещаете сделать операцию по её шаблону. Но фактически делаете так, как считаете нужным. Более… щадяще.

Глеб приподнял бровь.

– И как вы объясните Бронской, почему результат не соответствует ожиданиям?

– Скажем, что это особенности моей анатомии, что нельзя было сделать больше без риска для здоровья, – Колесникова улыбнулась. – Она не хирург, она не поймёт деталей. Главное, что внешне я изменюсь, стану более… подходящей для проекта.

Глеб задумался. Предложение было рискованным, но имело смысл. Он мог бы сделать Колесниковой щадящую операцию, которая визуально изменит её внешность, но не настолько радикально, как хотела Бронская. И при этом сохранить её природную индивидуальность.

– Это может сработать, – медленно произнёс он. – Но есть риск. Если Бронская поймёт, что мы её обманули…

– Она не поймёт, – уверенно сказала Колесникова. – Главное, чтобы я выглядела достаточно хорошо на камере, чтобы соответствовала общей концепции проекта. Детали её не интересуют.

– А что за проект такой, что требует столь радикальных мер? – Глеб решил попробовать ещё раз выяснить детали.

Колесникова на мгновение замолчала, словно решая, сколько можно рассказать.

– Это международное шоу, – наконец сказала она. – Своего рода культурный мост между Россией и Западом. Я буду ведущей русской версии и соведущей международной. Проект курирует очень высокопоставленный человек, который хочет улучшить имидж России за рубежом.

– И для этого нужно изменить ваше лицо? – Глеб не скрывал иронии.

– Не только моё, – покачала головой Колесникова. – Всей команды проекта с российской стороны. Они хотят, чтобы мы выглядели… определённым образом.

– Как европейцы, – кивнул Глеб, вспоминая слова Бронской.

– Да, – признала Колесникова. – Более… глобально, скажем так. Без ярко выраженных славянских черт.

– И вас это не смущает? – Глеб был удивлён. – Это же своего рода… расизм наоборот.

– Смущает, – она вздохнула. – Но я хочу участвовать в этом проекте. Он даст мне возможность выйти на международный уровень, получить контракты с западными компаниями. Это шанс, который выпадает раз в жизни.

Глеб внимательно смотрел на неё, пытаясь понять, что за человек перед ним. Амбициозная телеведущая, готовая изменить свою внешность ради карьеры? Или жертва системы, вынужденная подчиняться абсурдным требованиям?

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я согласен с вашим предложением. Я сделаю операцию так, как считаю нужным, с учётом общих требований проекта. Но сохраняя вашу индивидуальность и не подвергая вас неоправданному риску.

– Спасибо, – Колесникова улыбнулась с явным облегчением. – Я знала, что могу на вас рассчитывать.

– Но у меня есть условие, – добавил Глеб. – Вы должны рассказать мне больше о проекте и о роли Бронской в нём. Я хочу понимать, с чем имею дело.

Колесникова заметно напряглась.

– Я не могу рассказать всё, – осторожно произнесла она. – Есть соглашение о конфиденциальности. Но кое-что… возможно.

– Начните с того, кто на самом деле стоит за проектом, – предложил Глеб. – Бронская лишь исполнитель, верно?

– Да, – кивнула Колесникова после паузы. – Проект курирует один из заместителей главы президентской администрации. Не буду называть имя, вы наверняка его знаете.

Глеб присвистнул. Это было серьёзнее, чем он предполагал. Если проект имел поддержку на таком уровне, неудивительно, что Бронская была так настойчива.

– А как она сама оказалась в этом проекте? – спросил он.

– У неё давние связи с некоторыми людьми во власти, – уклончиво ответила Колесникова. – Плюс её журнал – идеальная платформа для продвижения определённого образа России. Элегантного, современного, близкого к европейскому.

– И для этого образа нужны люди с определённым типом внешности, – Глеб начинал понимать.

– Именно, – кивнула Колесникова. – Люди, которые будут представлять Россию на международной арене. Телеведущие, журналисты, модели, актёры… Те, кого увидит зарубежная аудитория.

– И вы первая в этом списке?

– Одна из первых, – уточнила она. – Есть ещё несколько человек, которые уже согласились на участие. Но я – самое узнаваемое лицо.

Глеб задумался. То, что рассказывала Колесникова, звучало как масштабная PR-кампания, направленная на изменение имиджа России за рубежом. И частью этой кампании было создание определённого визуального образа – более «европейского», более привычного для западного зрителя.

– Понятно, – наконец сказал он. – Что ж, мое предложение остаётся в силе. Я сделаю операцию, которая удовлетворит общие требования проекта, но сохранит вашу индивидуальность.

– Спасибо, – Колесникова выглядела искренне благодарной. – И… что вы скажете Бронской?

– Что согласен с её условиями, – Глеб слегка улыбнулся. – Технически, это даже не будет ложью. Я действительно учту требования проекта при планировании операции. Просто интерпретирую их по-своему.

– Идеально, – Колесникова тоже улыбнулась. – Когда мы можем начать? Времени не так много.

– Моделирование на следующей неделе, как мы и планировали, – сказал Глеб. – Затем дополнительные обследования, и если всё будет в порядке, операцию можно будет провести через две-три недели.

– Отлично, – Колесникова выглядела удовлетворённой. – Я свяжусь с Вероникой и скажу, что вы согласились на её условия. Это должно остановить её атаку на вашу клинику.

– Надеюсь, – кивнул Глеб. – Хотя я бы не был так уверен. Бронская не производит впечатление человека, который легко верит на слово.

– Она поверит мне, – уверенно сказала Колесникова. – Мы давно знакомы. Она была моим ментором, когда я только начинала карьеру на телевидении.

Глеб хотел спросить ещё что-то, но в этот момент его телефон завибрировал. Он извинился и достал его. На экране высветилось имя Королёва.

– Мне нужно идти, – сказал он, вставая. – У меня ещё одна встреча сегодня.

– Конечно, – Колесникова тоже поднялась. – Спасибо, что приехали. И за понимание.

– Не за что, – Глеб направился к выходу. – Увидимся на следующей неделе в клинике.

Колесникова проводила его до двери.

– Будьте осторожны, – сказала она на прощание. – Вероника может быть очень… настойчивой.

– Я уже заметил, – сухо улыбнулся Глеб и вышел.

Уже в лифте он проверил сообщение от Королёва. «Где вы? Мне нужно срочно с вами поговорить. Дело не терпит отлагательств».

Глеб быстро набрал ответ: «Освободился. Могу встретиться через 30 минут в "Рафинаде"».

Ответ пришёл мгновенно: «Буду ждать. Есть новости».

Глеб вышел из подъезда и направился к своей машине, припаркованной неподалёку. Вечерние Патриаршие пруды были полны людей – молодые пары, собачники, хипстеры с модными бородами, девушки в дорогих пальто. Обычная московская тусовка, живущая в своём мире глянца и престижа.

Мире, частью которого был и он сам.

Клуб «Рафинад» располагался в одном из переулков Арбата, в старинном особняке, отреставрированном с показной роскошью. Заведение позиционировало себя как закрытый клуб для избранных – бизнесменов, политиков, деятелей культуры. На деле это было место, где одни богатые люди демонстрировали другим богатым людям, насколько они богаты.

Глеб не любил «Рафинад» за его показную элитарность, но признавал удобство места – здесь можно было поговорить в приватной обстановке, не опасаясь нежелательных ушей. И здесь никогда не фотографировали посетителей без их согласия – одно из правил клуба, которое строго соблюдалось.

Охранник у входа узнал его и почтительно кивнул.

– Добрый вечер, Глеб Аркадьевич. Денис Игоревич уже ждёт вас. Приватная комната номер три.

– Спасибо, – Глеб передал ключи от машины парковщику и вошёл в клуб.

Внутри было полутемно, играла ненавязчивая джазовая музыка. Несколько человек сидели у бара, в дальнем углу зала компания бизнесменов обсуждала что-то за бутылкой виски.

Глеб прошёл мимо них к лестнице, ведущей на второй этаж, где располагались приватные комнаты для особых гостей.

Комната номер три была одной из самых дорогих – с антикварной мебелью, баром, заполненным элитным алкоголем, и видом на старый московский дворик. Королёв уже был там, сидя в кресле с бокалом чего-то янтарного.

– Наконец-то! – воскликнул он, увидев Глеба. – Я уж думал, вы не придёте. Налейте себе что-нибудь, разговор будет серьёзным.

Глеб подошёл к бару и выбрал виски – тот же Macallan 18, что и у него дома. Налив себе немного, он сел в кресло напротив Королёва.

– Я слушаю, – сказал он, отпивая виски. – Что за срочная информация?

Королёв наклонился вперёд, понизив голос, хотя они были одни в комнате.

– Проект Бронской гораздо серьёзнее, чем мы думали. Это не просто медийная инициатива. Это часть большой политической игры.

– Я уже знаю, – кивнул Глеб. – Проект курирует один из заместителей главы администрации президента. Цель – улучшение имиджа России на Западе.

Королёв выглядел удивлённым.

– Откуда вы знаете?

– У меня свои источники, – уклончиво ответил Глеб. – Но мне интересно, что именно вы считаете важным рассказать?

Королёв отпил виски, собираясь с мыслями.

– Дело в том, что проект имеет и другую сторону. Не только PR-кампанию для Запада, но и… определённые внутренние цели.

– Какие? – Глеб напрягся.

– Создание нового образа «идеального россиянина», – Королёв сделал воздушные кавычки. – Более европейского, более… космополитичного. И это не просто для внешнего потребления. Это попытка изменить… эстетические предпочтения внутри страны.

– То есть, сделать европейскую внешность более желанной? – Глеб нахмурился. – Зачем?

– Долгосрочная стратегия, – Королёв понизил голос ещё больше. – Постепенное изменение национальной идентичности. Создание образа русского как «европейца с восточными корнями», а не наоборот.

Глеб недоверчиво покачал головой.

– Звучит как теория заговора. И слишком масштабно для инициативы одной медиамагнатки.

– Бронская лишь исполнитель, – Королёв махнул рукой. – Хотя и очень амбициозный. Она видит в этом проекте свой шанс войти в большую политику. Стать не просто владелицей глянцевого журнала, а влиятельной фигурой, определяющей культурную политику страны.

– И при чём тут я? – Глеб всё ещё не понимал. – Почему ей так важно моё участие?

– Потому что вы – символ, – Королёв наклонился ещё ближе. – «Золотой скальпель Москвы». Хирург, создающий красоту для элиты. Если вы будете участвовать в проекте, это придаст ему легитимность и престиж. Если же вы откажетесь…

– То что? – Глеб напрягся.

– То вы станете препятствием, которое нужно устранить, – Королёв был серьёзен. – Бронская уже начала кампанию против вас. Проверка клиники – лишь первый шаг. Дальше будут статьи о врачебных ошибках, слухи о использовании запрещённых препаратов, возможно, даже заявления от «недовольных пациентов».

– У неё нет доказательств, – Глеб пожал плечами. – Я не совершал ошибок и не использовал запрещённые препараты.

– Доказательства можно создать, – мрачно сказал Королёв. – Особенно когда у тебя есть деньги и связи. Вы же понимаете, как работает наша система?

Глеб понимал. В России с правильными связями и достаточным количеством денег можно было создать проблемы даже для кристально честного человека.

– И что вы предлагаете? – спросил он, отпивая виски. – Подчиниться Бронской? Стать частью её проекта?

– Нет, – Королёв покачал головой. – Я предлагаю вам союзничество. У меня тоже есть связи и ресурсы. И я не заинтересован в успехе Бронской. Мы могли бы… нейтрализовать её усилия.

– Почему вы решили помочь мне? – Глеб был скептичен. – Мы даже не друзья.

– У нас общий враг, – просто ответил Королёв. – Бронская несколько лет назад увела у меня крупный телепроект. Использовала свои связи, чтобы меня отстранили. Я давно жду возможности отплатить ей той же монетой.

Глеб задумался. Он не доверял Королёву, но то, что он говорил о Бронской, совпадало с тем, что рассказывала Колесникова. И с его собственными наблюдениями.

– Допустим, я соглашусь, – медленно произнёс он. – Что конкретно вы предлагаете?

– Для начала – информацию, – Королёв отпил виски. – У меня есть данные о финансовых махинациях Бронской. О том, как она получает государственные контракты, как отмывает деньги через свой журнал и связанные с ним структуры. Достаточно, чтобы как минимум создать ей проблемы, а как максимум – отправить под следствие.

– И вы просто так делитесь этой информацией? – Глеб с сомнением посмотрел на собеседника.

– Не просто так, – Королёв усмехнулся. – В обмен на вашу помощь.

– Какую именно?

– Информацию о её проекте. Чем больше мы знаем, тем эффективнее сможем ей противостоять. А вы, благодаря Колесниковой, имеете доступ к инсайдерской информации.

Глеб напрягся. Он не говорил Королёву о своей встрече с Колесниковой. Как тот узнал?

– Я не понимаю, о чём вы, – попытался уклониться Глеб.

– Бросьте, Савельев, – Королёв махнул рукой. – Я знаю, что вы были у Колесниковой сегодня вечером. Собственно, поэтому и перенесли нашу встречу.

– У вас что, слежка за мной? – Глеб начал злиться.

– Не за вами, а за Бронской и её окружением, – Королёв выглядел невозмутимым. – Колесникова – её протеже и ключевая фигура в проекте. Естественно, я за ней наблюдаю.

Глеб молча отпил виски, пытаясь решить, насколько можно доверять Королёву. С одной стороны, продюсер явно вёл свою игру и использовал Глеба как пешку. С другой – у них действительно мог быть общий враг в лице Бронской.

– Допустим, – наконец сказал он. – Что конкретно вы предлагаете?

– Объединить усилия, – Королёв подался вперёд. – Я предоставляю вам информацию о финансовых махинациях Бронской – как страховку, если она решит атаковать вас слишком агрессивно. Вы, в свою очередь, держите меня в курсе проекта и планов Бронской, которые узнаёте от Колесниковой.

– И что вы будете делать с этой информацией?

– Использовать в своих интересах, – честно ответил Королёв. – Возможно, создам конкурирующий проект. Или сольют компромат нужным людям. Детали зависят от того, что именно мы узнаем.

Глеб задумался. Предложение Королёва было рискованным, но имело смысл. Информация о финансовых махинациях Бронской могла стать хорошей страховкой. И если он всё равно собирался работать с Колесниковой, то какая разница, расскажет ли он кое-что Королёву или нет?

– Хорошо, – наконец сказал он. – Но у меня есть условия. Во-первых, вся информация, которую я вам предоставляю, не должна использоваться во вред Колесниковой. Она в этой ситуации скорее жертва, чем соучастница.

– Согласен, – кивнул Королёв.

– Во-вторых, я не буду активно шпионить или выведывать информацию. Я расскажу вам только то, что узнаю в ходе обычного общения с Колесниковой как с пациенткой.

– Это усложняет задачу, но… пусть будет так, – Королёв выглядел не слишком довольным, но согласился.

– И в-третьих, – Глеб посмотрел продюсеру прямо в глаза, – если я узнаю, что вы используете меня или подставляете, наше сотрудничество мгновенно прекращается. И я использую все свои связи, чтобы создать проблемы уже вам.

Королёв некоторое время изучал лицо Глеба, затем медленно кивнул.

– Справедливо. Я принимаю ваши условия, – он протянул руку для рукопожатия. – Партнёры?

Глеб помедлил секунду, затем пожал протянутую руку.

– Партнёры. Временно.

Королёв улыбнулся и откинулся в кресле, явно довольный исходом разговора.

– Отлично. Тогда давайте начнём с обмена информацией. Что именно рассказала вам Колесникова о проекте?

Глеб кратко пересказал свою сегодняшнюю встречу с телеведущей, опустив детали их договорённости об операции. Королёв слушал внимательно, время от времени делая заметки в телефоне.

– Интересно, – сказал он, когда Глеб закончил. – Значит, проект имеет поддержку в администрации президента и направлен на изменение имиджа России на Западе. И Колесникова – одна из первых «лиц» этого нового имиджа.

– Да, – подтвердил Глеб. – Но что во всём этом странного? Звучит как обычная PR-кампания, хоть и с сомнительными методами.

– Странно то, – Королёв понизил голос, – что проект запускается именно сейчас, когда отношения с Западом и так на подъёме. Зачем дополнительные усилия по улучшению имиджа? И почему такой акцент на внешности, а не на содержании?

Глеб задумался. Действительно, странно. Если верить Колесниковой, проект должен был стать «культурным мостом» между Россией и Западом. Но почему тогда такое внимание к изменению внешности участников? Разве не важнее было бы содержание программ, уровень дискуссий, темы для обсуждения?

– У вас есть теория? – спросил он Королёва.

– Есть предположение, – осторожно ответил тот. – Я думаю, что истинная цель проекта – внутренняя, а не внешняя. Это попытка изменить эстетические представления внутри страны, постепенно вытесняя традиционный образ русского человека и заменяя его более… глобализированным.

– Зачем? – Глеб не понимал.

– Долгосрочная стратегия по изменению национальной идентичности, – Королёв говорил тихо, словно боялся, что их могут подслушать. – Часть большого плана по интеграции России в западный мир. Не просто экономически или политически, а культурно. На уровне самоидентификации.

Глеб скептически покачал головой.

– Звучит как теория заговора.

– Возможно, – согласился Королёв. – Но объясните тогда, почему такой акцент на изменении внешности? Почему так важно, чтобы русские телеведущие выглядели «менее славянскими»?

Глеб не знал, что ответить. Действительно, странно.

– В любом случае, – продолжил Королёв, – нам нужно больше информации. И вы можете её получить через Колесникову. Она доверяет вам как врачу.

– Я не буду злоупотреблять этим доверием, – твёрдо сказал Глеб. – Я хирург, а не шпион.

– Конечно, – Королёв поднял руки в примирительном жесте. – Просто… держите ушки на макушке. И делитесь тем, что узнаете. А я, со своей стороны, предоставлю вам кое-что на Бронскую.

Он достал из внутреннего кармана пиджака небольшую флешку и протянул Глебу.

– Здесь финансовая документация по двум офшорным компаниям, связанным с Бронской. Доказательства того, как она получает госконтракты через подставных лиц и отмывает деньги. Достаточно, чтобы заинтересовать правоохранительные органы. Используйте это как страховку.

Глеб взял флешку и спрятал в карман.

– Надеюсь, мне не придётся её использовать, – сказал он.

– Я тоже на это надеюсь, – кивнул Королёв. – Но в нашем мире лучше иметь козырь в рукаве.

Они допили виски и обменялись ещё несколькими замечаниями о ситуации. Затем Глеб посмотрел на часы – было уже почти одиннадцать.

– Мне пора, – сказал он, поднимаясь. – Завтра рабочий день.

– Конечно, – Королёв тоже встал. – Я свяжусь с вами, когда узнаю что-то новое. И жду того же от вас.

Они пожали руки и вышли из комнаты. В основном зале клуба было уже немноголюдно – пара человек у бара, компания в дальнем углу. Глеб направился к выходу, но Королёв остановил его, положив руку на плечо.

– И ещё кое-что, – сказал он, понизив голос. – Будьте осторожны. Бронская не из тех, кто играет по правилам. Если она узнает о нашем союзе…

– Я учту, – кивнул Глеб и вышел из клуба.

Ночной воздух был прохладным и свежим после душного помещения. Глеб глубоко вдохнул, пытаясь привести мысли в порядок. Последние два дня принесли слишком много информации, слишком много странных событий и непонятных угроз.

Он сел в свою машину и некоторое время сидел неподвижно, глядя на ночную Москву. Город за окном жил своей жизнью – сияли витрины дорогих магазинов, проносились такси, спешили куда-то припозднившиеся прохожие.

Мир, в котором он жил и работал, вдруг показался ему чужим и враждебным. Миром интриг, манипуляций, скрытых мотивов. Миром, где даже красота, которую он создавал своими руками, была лишь инструментом в чьих-то политических играх.

И он сам был частью этого мира. Его создателем и его жертвой одновременно.

Дорога до дома заняла меньше получаса – ночью Москва была свободна от пробок. Глеб припарковался в подземном гараже своего дома и поднялся на лифте в пентхаус. Квартира встретила его всё той же стерильной тишиной и идеальным порядком.

Он налил себе ещё виски – третий за вечер, что было для него редкостью – и вышел на террасу. С тридцатого этажа Москва выглядела как россыпь огней, простирающихся до горизонта. Прекрасный вид, который он когда-то так ценил. Который был одной из причин, почему он купил именно эту квартиру.

Теперь же эти огни вызывали в нём странное чувство отчуждения. Словно он смотрел на чужой город из своей стеклянной башни.

Глеб сделал глоток виски, ощущая, как алкоголь согревает горло. День выдался странным и тревожным. Проверка клиники, визит к Колесниковой, разговор с Королёвым… Всё это складывалось в какую-то непонятную, тревожную картину.

И в центре этой картины была Вероника Бронская – женщина, которую он едва знал, но которая почему-то объявила ему войну из-за его нежелания участвовать в её проекте. Что она скрывала? Что было в этом проекте такого, что требовало его участия любой ценой?

Глеб допил виски и вернулся в квартиру. Усталость наваливалась на него, голова начинала болеть от напряжения и алкоголя. Он принял душ, надеясь смыть не только физическую, но и ментальную усталость, затем лёг в постель.

Но сон не шёл. Мысли кружились в голове, возвращаясь к событиям дня, к загадкам, которые он пока не мог разгадать.

Проект Бронской. Колесникова с её амбициями. Королёв с его теориями заговора и предложением союза. Всё это складывалось в какую-то сложную головоломку, часть деталей которой явно отсутствовала.

В какой-то момент его мысли переключились на воспоминания. Он вдруг увидел себя двадцатилетним – амбициозным студентом-медиком, приехавшим покорять Москву из провинциального городка. Увидел свою первую комнату в общежитии, свою первую подработку лаборантом, свои первые успехи и неудачи.

Он вспомнил момент, когда решил специализироваться на пластической хирургии, а не на кардиологии, как хотел его отец. Вспомнил их первую серьёзную ссору из-за этого решения.

– Ты выбираешь лёгкий путь, – говорил тогда Аркадий Петрович. – Хирурги твоего профиля не спасают жизни, они потакают тщеславию богатых бездельников.

– А ты выбрал сложный путь и что получил? – отвечал Глеб. – Нищенскую зарплату и никакого признания. Тридцать лет спасать жизни в районной больнице, а в итоге даже на приличную машину денег нет!

Лицо отца тогда застыло, словно маска. Он ничего не ответил, просто развернулся и ушёл. Они не разговаривали несколько месяцев после этого.

Глеб перевернулся на другой бок, пытаясь отогнать неприятные воспоминания. Но они продолжали приходить, словно прорвав какую-то плотину в его сознании.

Он вспомнил свою первую самостоятельную операцию. Нервозность, дрожащие руки, бешено колотящееся сердце. И чувство триумфа, когда всё прошло успешно. Вспомнил первого VIP-клиента, первый гонорар с пятью нулями, первое приглашение на закрытую вечеринку в мире московской элиты.

Шаг за шагом он строил свою карьеру, свою репутацию, свой образ. «Золотой скальпель Москвы». Хирург, превращающий обычных женщин в красавиц и берущий за это баснословные деньги. Человек, вхожий в высшие круги общества, желанный гость на любом светском мероприятии.

Но чего это стоило? Что он потерял на этом пути?

Глеб посмотрел на часы – три ночи. Сна не было ни в одном глазу. Он встал, накинул халат и прошёл на кухню. Выпил стакан воды, затем вернулся в гостиную и сел в кресло, глядя на ночной город за панорамными окнами.

В такие моменты одиночества и бессонницы его иногда посещала мысль: а что, если всё это было ошибкой? Что, если отец был прав, и он выбрал не ту дорогу? Что, если вместо создания искусственной красоты для богатых он мог бы делать что-то по-настоящему важное?

Но потом он смотрел вокруг – на свой пентхаус с видом на Москву, на дизайнерскую мебель, на коллекцию дорогих часов, на все символы статуса и успеха, которые он собрал за годы карьеры. И понимал, что не готов от этого отказаться. Не готов вернуться к той жизни, от которой так отчаянно бежал.

И всё же… иногда, в такие вот ночи, его охватывала странная тоска по чему-то настоящему. По работе, которая имела бы смысл помимо денег и статуса. По отношениям, которые были бы глубже, чем поверхностные связи в его нынешнем кругу общения.

Эти мысли обычно приходили и уходили, не оставляя следа. Утром он снова становился Глебом Савельевым, успешным пластическим хирургом, создателем красоты, человеком, вхожим в высшие круги московского общества. И эта роль, примеренная за годы, ощущалась уже как вторая кожа.

Но сейчас, в три часа ночи, один в огромной пустой квартире, он вдруг почувствовал, как эта кожа трескается, обнажая что-то другое под ней. Что-то более настоящее, более уязвимое. Того Глеба, которым он был когда-то давно, до того, как Москва изменила его.

Он потёр лицо руками, словно пытаясь стереть эти мысли. Нет, это просто усталость. И алкоголь. И стресс от последних событий. Утром всё встанет на свои места. Утром он снова будет тем, кем должен быть.

Но сейчас, в эти тихие ночные часы, он мог признаться себе в том, в чём никогда бы не признался днём: он боялся. Боялся, что вся его жизнь, все его достижения, весь его успех – всё это оказалось бы пустым и бессмысленным, если посмотреть на него с другой стороны. Со стороны того мальчика, который когда-то хотел стать врачом, чтобы помогать людям, а не чтобы зарабатывать миллионы на их тщеславии.

Глеб закрыл глаза, ощущая внезапную волну усталости. Может быть, всё-таки удастся поспать несколько часов перед новым рабочим днём.

Днём, который обещал принести новые вызовы и новые откровения.

Утро началось с головной боли и звонка от Марины.

– Глеб Аркадьевич, извините за ранний звонок, – её голос звучал встревоженно. – Но у нас новая проблема. Бронская дала интервью для «Коммерсанта», где упомянула вас в не самом приятном контексте.

Глеб сел в кровати, пытаясь прогнать остатки сна. Часы показывали 7:30 – на удивление рано для звонка от Марины.

– Что именно она сказала? – спросил он, потирая виски.

– Цитирую: «В нашей индустрии есть, к сожалению, специалисты, которые ставят свои амбиции выше интересов пациентов. Которые отказываются идти в ногу со временем, предпочитая устаревшие методики и взгляды. Я не буду называть имён, но один из таких – известный пластический хирург, недавно отказавшийся участвовать в важном национальном проекте из-за личных амбиций».

– Она не назвала меня по имени, – заметил Глеб.

– Но все поймут, о ком речь, – возразила Марина. – Особенно после вчерашней проверки клиники. Слухи уже поползли.

Глеб вздохнул. Бронская действительно начала кампанию против него, как и предупреждал Королёв. И это был только первый шаг.

– Есть ещё что-то, что я должен знать? – спросил он, направляясь в ванную.

– Пока нет, – ответила Марина. – Но Верещагин на взводе. Боится, что клиентки начнут отказываться от ваших услуг из-за слухов.

– Не начнут, – уверенно сказал Глеб. – Мои клиенты выбирают меня не из-за статей в газетах, а из-за результатов работы. И кстати, сегодня у нас кто по расписанию?

– Три послеоперационных осмотра и две консультации, – доложила Марина. – Никто не отменил запись после статьи, если вы об этом.

– Вот видишь, – Глеб слегка усмехнулся. – Всё в порядке. Я буду в клинике через час.

Он завершил звонок и посмотрел на своё отражение в зеркале ванной. Лицо выглядело усталым, под глазами залегли тени – результат бессонной ночи и трёх порций виски. Ничего, что нельзя было бы исправить холодным душем и чашкой крепкого кофе.

Пока вода стекала по телу, смывая остатки ночных сомнений и страхов, Глеб думал о статье Бронской. Она решила действовать через медиа, подрывая его профессиональную репутацию. Умный ход. Прямой атакой его не взять – слишком хорошая репутация, слишком много связей в определённых кругах. Но если посеять сомнения, намекнуть на устаревшие методы, на отказ от инноваций…

Впрочем, у него теперь был свой козырь – флешка от Королёва с компроматом на Бронскую. Он мог бы использовать эту информацию, если ситуация станет критической.

Но пока он предпочитал действовать более тонко. В конце концов, он договорился с Колесниковой, что официально согласится на условия Бронской, а фактически сделает операцию по своему усмотрению. Это должно было временно успокоить медиамагнатку и дать ему время разобраться, что на самом деле происходит вокруг этого загадочного проекта.

После душа Глеб быстро оделся, выпил кофе и вышел из квартиры. В машине по дороге в клинику он включил новости, надеясь услышать что-то о загадочном международном проекте, в котором должна была участвовать Колесникова. Но ничего конкретного не прозвучало – обычные политические и экономические новости, немного спорта, прогноз погоды.

Возможно, проект действительно был засекречен, как намекала телеведущая. Или Королёв преувеличивал его значимость, пытаясь втянуть Глеба в свои интриги против Бронской.

В любом случае, ему нужно было больше информации. И следующая встреча с Колесниковой, запланированная на следующую неделю, была шансом эту информацию получить.

В клинике всё шло своим чередом, несмотря на вчерашнюю проверку и утреннюю статью. Пациенты приходили, операции проводились, жизнь продолжалась. Глеб провёл три послеоперационных осмотра – все с отличными результатами – и принял двух новых пациентов на консультацию.

Во время обеденного перерыва он сидел в своём кабинете, просматривая медицинские журналы и изучая новые методики в пластической хирургии. Несмотря на слова Бронской, он всегда следил за инновациями в своей области и применял самые современные подходы. Просто не любил экспериментировать на пациентах ради сомнительных эстетических трендов.

Стук в дверь прервал его размышления.

– Войдите, – сказал он, поднимая взгляд от журнала.

В кабинет вошла Марина с планшетом в руках.

– У меня результаты первичного обследования Колесниковой, – сказала она. – Все показатели в норме, противопоказаний к операции нет.

– Хорошо, – кивнул Глеб. – А что с моделированием? Она подтвердила запись на следующую неделю?

– Да, её помощница звонила утром, подтвердила дату и время.

Глеб задумчиво постучал пальцами по столу.

– Что-нибудь ещё?

Марина помедлила, словно решая, говорить или нет.

– Есть кое-что… странное, – наконец произнесла она. – В её медицинской карте есть запись о пластической операции, сделанной два года назад. Ринопластике. Но никаких следов вмешательства я не вижу.

Глеб нахмурился.

– Возможно, операция была очень щадящей. Или запись ошибочная.

– Возможно, – согласилась Марина. – Но в карте указано имя хирурга – Владимир Немчинов. Он работал в клинике «ЭстетМед».

– Я его знаю, – кивнул Глеб. – Хороший специалист, хотя и не из первого эшелона. Но он умер год назад. Сердечный приступ.

– Именно, – Марина подала ему планшет с открытой медицинской картой Колесниковой. – И ещё одна странность. В карте указано, что операция проводилась с использованием экспериментальной методики. Но никаких деталей.

Глеб внимательно изучил запись. Действительно, формулировки были необычными. «Экспериментальная методика коррекции костно-хрящевых структур с минимальным вмешательством». Никаких подробностей, никаких фотографий «до и после».

– Это может быть важно? – спросила Марина.

– Не знаю, – задумчиво ответил Глеб. – Но странно, что Колесникова не упомянула о предыдущей операции во время консультации. Обычно пациенты сообщают о таких вещах.

– Может, она не хотела, чтобы вы знали, что уже делала пластику? – предположила Марина. – Многие скрывают это, особенно публичные личности.

– Возможно, – Глеб вернул планшет. – В любом случае, я спрошу её об этом во время моделирования. Это важно для планирования операции.

Марина кивнула, но не спешила уходить.

– Ещё кое-что, – сказала она. – Я проверила, что за проект такой, в котором участвует Колесникова. В медиа нет никакой информации о международном шоу с её участием. Ни анонсов, ни утечек, ни слухов. Ничего.

– И что ты думаешь? – Глеб с интересом посмотрел на неё.

– Думаю, что либо проект действительно засекречен, либо… – она замялась.

– Либо его не существует, – закончил за неё Глеб. – Либо он совсем не то, что нам говорят.

– Да, – кивнула Марина. – И это странно. Обычно о таких проектах заранее трубят во всех медиа, это часть PR-кампании.

Глеб задумался. Действительно, странно. Если проект был таким важным, как утверждали Колесникова и Бронская, почему о нём не было ни слова в медиа? Почему такая секретность?

– Спасибо за информацию, – сказал он Марине. – Я учту это при общении с Колесниковой.

Она кивнула и направилась к двери, но остановилась на пороге.

– Глеб Аркадьевич, – сказала она, не поворачиваясь. – Будьте осторожны. Что-то здесь не так.

И с этими словами вышла, оставив Глеба наедине с его мыслями.

Он откинулся в кресле, размышляя о ситуации. Марина была права – что-то здесь определённо было не так. Загадочный проект, о котором никто не знал. Странная запись о предыдущей операции Колесниковой. Агрессивная реакция Бронской на его отказ. Всё это складывалось в какую-то тревожную картину, детали которой он пока не мог разглядеть.

Он вспомнил слова Королёва о том, что проект имеет какие-то скрытые цели, связанные с изменением национальной идентичности. Тогда эти слова показались ему параноидальной фантазией. Но сейчас, в свете новых странностей, они начинали обретать некий смысл.

Что, если проект действительно был чем-то большим, чем просто PR-кампанией для улучшения имиджа России? Что, если за ним стояло что-то более зловещее?

Глеб покачал головой, отгоняя эти мысли. Нет, это уже слишком. Он начинал видеть заговоры там, где, вероятно, была лишь обычная борьба амбиций и интересов в мире медиа и политики.

Он вернулся к медицинскому журналу, пытаясь сосредоточиться на профессиональных вопросах. В конце концов, он был хирургом, а не шпионом или конспирологом. Его дело – оперировать людей, а не раскрывать политические интриги.

Но мысль о том, что он невольно оказался втянут в нечто большее, чем просто профессиональный конфликт с влиятельной медиамагнаткой, не давала ему покоя.

Оставшаяся часть рабочего дня прошла без происшествий. Глеб выполнил все запланированные консультации и даже успел заглянуть в операционную, где его коллега проводил плановую маммопластику. Всё шло своим чередом, как будто не было ни вчерашней проверки, ни утренней статьи Бронской.

Вечером, собираясь домой, он встретил в коридоре Марину, которая тоже заканчивала работу.

– Уже уходите? – спросила она, накидывая лёгкое пальто.

– Да, на сегодня всё, – кивнул Глеб. – Планы на вечер?

Это был необычный вопрос с его стороны. Обычно они не обсуждали личную жизнь, сохраняя профессиональную дистанцию.

– Ничего особенного, – ответила Марина, слегка удивлённая его интересом. – Дома ждёт недочитанная книга и бокал вина.

– Звучит неплохо, – улыбнулся Глеб. – А меня ждёт пустая квартира и, вероятно, тоже бокал чего-нибудь.

Он сам не понимал, зачем сказал это. Может быть, после бессонной ночи и странных мыслей о пустоте своей жизни ему просто не хотелось возвращаться в свой стерильный пентхаус. Может быть, ему нужно было человеческое общение, выходящее за рамки профессиональных контактов.

Марина внимательно посмотрела на него, словно пытаясь что-то прочесть в его лице.

– Знаете, – сказала она после паузы, – если вам не хочется быть одному, мы могли бы поужинать вместе. Есть хороший ресторан недалеко отсюда. Ничего особенного, но готовят прилично.

Глеб колебался. Ужин с сотрудницей явно выходил за рамки той профессиональной дистанции, которую он всегда старался соблюдать. С другой стороны, Марина была не просто сотрудницей – они работали вместе уже несколько лет, и она была, пожалуй, единственным человеком в клинике, кому он в какой-то степени доверял.

– Почему бы и нет, – наконец сказал он. – Давно не ел ничего, кроме доставки и ресторанов бизнес-класса.

– Тогда вам точно понравится, – улыбнулась Марина. – Там нет мишленовских звёзд, зато есть настоящая домашняя еда.

Они вышли из клиники вместе, что уже само по себе было необычно. Обычно Глеб уходил один, погружённый в свои мысли, едва кивая на прощание коллегам.

– Пройдёмся? – предложила Марина. – Ресторан буквально за углом, а вечер прекрасный.

Глеб кивнул, и они направились по улице в сторону, противоположную той, где он обычно парковал машину. Вечерняя Москва была полна жизни – люди спешили домой с работы, сидели в уличных кафе, прогуливались по бульварам. Обычная городская суета, на которую Глеб обычно не обращал внимания.

– Вы любите Москву? – неожиданно спросила Марина, когда они проходили мимо красивого старинного здания.

– Сложный вопрос, – ответил Глеб после паузы. – Я благодарен этому городу за возможности, которые он мне предоставил. Но не уверен, что можно это назвать любовью.

– А я люблю, – просто сказала Марина. – Несмотря на все её недостатки. Суету, пробки, вечную спешку. Мне нравится её энергия, её постоянное движение. То, как она сочетает в себе старое и новое.

Глеб внимательно посмотрел на свою спутницу. Он вдруг понял, что почти ничего не знает о ней, кроме профессиональных качеств. Сколько ей лет? Откуда она? Есть ли у неё семья, дети? Почему она работает именно в их клинике, хотя с её квалификацией могла бы найти место и получше?

– А откуда вы? – спросил он. – Вы родились в Москве?

– Нет, – покачала головой Марина. – Я из Нижнего Новгорода. Приехала в Москву десять лет назад, после медицинского. Здесь больше возможностей, особенно в моей специальности.

– И не жалеете?

– Иногда, – она слегка улыбнулась. – Особенно когда стою в пробках или плачу за аренду квартиры. Но в целом нет. Я нашла здесь то, что искала. Интересную работу, профессиональный рост. Возможность работать с лучшими специалистами, – она бросила на него быстрый взгляд.

Глеб почувствовал неожиданное смущение от её слов. Он никогда не думал о себе как о «лучшем специалисте», с которым кто-то хотел бы работать именно из профессиональных соображений. Деньги, статус, связи – да. Но чистый профессионализм?

– А вы? – спросила Марина. – Вы откуда приехали покорять столицу?

– Из Ярославля, – ответил Глеб. – Типичная история провинциального мальчика, мечтавшего о большом городе и больших возможностях.

– И как, сбылась мечта? – в её голосе не было иронии, только искренний интерес.

Глеб задумался. Сбылась ли его мечта? Он добился успеха, денег, признания. У него была репутация одного из лучших пластических хирургов Москвы. Его услуги стоили баснословных денег, и всё равно к нему стояла очередь из желающих.

Но была ли это та мечта, с которой он когда-то приехал в Москву?

– Не знаю, – честно ответил он. – Я добился многого. Но иногда мне кажется, что моя настоящая мечта была о чём-то другом.

– О чём же? – Марина смотрела на него с неподдельным интересом.

– О медицине, которая действительно помогает людям, – слова вырвались сами собой, прежде чем он успел их обдумать. – О работе, которая имеет смысл помимо денег и статуса.

Он тут же пожалел о своей откровенности. Это было слишком личное, слишком уязвимое. Не то, чем он привык делиться, особенно с коллегами.

Но Марина, к его удивлению, не выглядела удивлённой или смущённой его словами.

– Я понимаю, – просто сказала она. – Иногда я тоже думаю об этом. О том, что могла бы работать в обычной больнице, помогать действительно нуждающимся, а не тем, кто может позволить себе элитную клинику.

– И почему не работаете? – спросил Глеб, внезапно заинтересованный.

– По той же причине, что и вы, наверное, – она слегка пожала плечами. – Деньги, комфорт, профессиональные возможности. И ещё… мне нравится работать именно с вами. В профессиональном смысле, конечно, – быстро добавила она.

Глеб почувствовал, как тепло разливается по его груди от этих слов. Он не привык к таким прямым комплиментам, особенно от коллег.

– Спасибо, – сказал он, и это прозвучало неожиданно искренне.

Они дошли до небольшого ресторана, спрятанного в одном из арбатских переулков. Вывеска была неприметной, но внутри оказалось уютно – деревянные столы, приглушённый свет, негромкая музыка. Совсем не похоже на те пафосные заведения, где Глеб обычно ужинал с деловыми партнёрами или случайными знакомыми.

Их встретила приветливая хозяйка, которая, судя по всему, хорошо знала Марину.

– Ваш обычный столик, Марина Олеговна? – спросила она.

– Да, спасибо, Нина, – улыбнулась Марина.

Их провели к столику в углу зала, откуда открывался вид на весь ресторан, но в то же время было достаточно уединенно для спокойного разговора.

– Вы здесь частый гость, как я понимаю, – заметил Глеб, когда они сели.

– Довольно частый, – кивнула Марина. – Я живу неподалёку, и здесь действительно хорошо готовят. Плюс атмосфера – никакой показухи, никакого пафоса. Просто хорошая еда и спокойная обстановка.

Подошла официантка, и они сделали заказ – Марина выбрала салат и рыбу, Глеб, по её рекомендации, заказал борщ и стейк. К еде они взяли бутылку красного вина – выбор, который удивил Глеба, привыкшего к дорогим виски и коньякам.

– Итак, – сказала Марина, когда официантка удалилась, – расскажите мне что-нибудь о себе. Что-то, чего я не знаю из нашей совместной работы.

Глеб растерялся. Он не привык к таким просьбам, особенно от коллег.

– Например? – спросил он.

– Не знаю, – она слегка улыбнулась. – Что вы любите, кроме работы? Какие книги читаете? Какую музыку слушаете? Где предпочитаете отдыхать?

Глеб задумался. Что он действительно любил, кроме работы? В последние годы его жизнь сводилась к операциям, консультациям, светским мероприятиям, необходимым для поддержания статуса, и редким вылазкам на курорты для «перезагрузки».

– Я люблю классическую музыку, – наконец сказал он. – Особенно Баха и Моцарта. Слушаю во время операций, это помогает сосредоточиться.

– Я знаю, – кивнула Марина. – Я работаю с вами в операционной, помните?

– Ах да, – он слегка смутился. – Что ж, тогда… я люблю историческую литературу. Биографии великих врачей, историю медицины. И иногда научную фантастику – для отдыха.

– Это уже интереснее, – улыбнулась Марина. – Какая именно фантастика?

– Классика в основном. Азимов, Кларк, Саймак, – Глеб почувствовал, что начинает расслабляться. – В детстве зачитывался до дыр. Мечтал о космосе, других планетах. О мире, где наука решает все проблемы.

– А потом решили стать врачом, – заметила Марина.

– Да, – кивнул Глеб. – Отчасти под влиянием отца, но не только. Я действительно верил, что медицина – это способ изменить мир к лучшему. Избавить людей от страданий, продлить жизнь, улучшить её качество.

– А теперь? – тихо спросила Марина.

Глеб помедлил, глядя на своё отражение в бокале с вином. Честный ответ был бы слишком мрачным для ужина, который начинался так приятно.

– А теперь я делаю то, что умею лучше всего, – уклончиво ответил он. – И стараюсь не думать о том, что могло бы быть, выбери я другой путь.

Марина внимательно посмотрела на него, словно видела насквозь его попытку уйти от прямого ответа.

– Знаете, Глеб Аркадьевич, – сказала она после паузы, – я вас немного боялась, когда только пришла в клинику. Вы казались таким… недоступным. Холодным. Идеальным профессионалом без эмоций и сомнений. И только работая с вами в операционной, я поняла, что за этой маской скрывается человек, который действительно заботится о своих пациентах. Который делает всё возможное, чтобы результат был идеальным – не ради денег или статуса, а потому что не может работать иначе.

Глеб почувствовал, как что-то внутри него дрогнуло от этих слов. Неужели она действительно видела в нём что-то, чего он сам уже не замечал?

– Вы меня идеализируете, – сказал он, пытаясь скрыть смущение. – Я такой же, как и все в нашей сфере. Работаю за деньги, создаю красоту для тех, кто может за неё заплатить.

– Нет, – твёрдо сказала Марина. – Если бы вы были таким, вы бы не отказывали пациентам, когда считаете операцию ненужной или рискованной. Вы бы не тратили часы на планирование каждого вмешательства, добиваясь идеального результата. Вы бы не контролировали каждый этап послеоперационного восстановления так тщательно. И вы бы точно согласились на проект Бронской, не задумываясь.

Глеб не нашёлся с ответом. В её словах была доля правды, которую он давно не признавал даже перед собой. Возможно, где-то глубоко внутри он всё ещё был тем идеалистом, который когда-то приехал в Москву с мечтой о настоящей медицине.

Подали закуски, и разговор перешёл на более нейтральные темы. Они обсуждали книги, фильмы, путешествия. Глеб с удивлением обнаружил, что Марина была интересным собеседником – начитанным, с острым умом и неожиданным чувством юмора. Как он мог работать с ней столько лет и не замечать этого?

К десерту они перешли на обсуждение профессиональных тем – новых методик в пластической хирургии, сложных случаев из их практики, этических дилемм, с которыми сталкивается современная эстетическая медицина.

– А как вы относитесь к идее «нового русского лица», которую продвигает Бронская? – спросила Марина, когда разговор коснулся проекта. – С профессиональной точки зрения.

Глеб задумался, отпивая вино.

– Я считаю это опасной тенденцией, – наконец сказал он. – Не только с этической, но и с медицинской точки зрения. Каждое лицо уникально, его структура определяется множеством факторов – генетикой, анатомическими особенностями, индивидуальными пропорциями. Попытка подогнать разные лица под один шаблон – это путь к медицинским ошибкам и неудачным результатам.

– Но разве не существуют универсальные каноны красоты? – возразила Марина. – Золотое сечение, симметрия, определённые пропорции, которые считаются привлекательными в большинстве культур?

– Существуют, – согласился Глеб. – Но они не абсолютны. И, что важнее, они не отменяют индивидуальности. Моя задача как хирурга – не создать типовое «красивое лицо», а найти идеальный баланс между общепринятыми канонами красоты и уникальностью конкретного человека.

– И поэтому вы отказались от проекта Бронской, – кивнула Марина. – Потому что он противоречит вашим профессиональным принципам.

– Да, – подтвердил Глеб. – Хотя… есть и другая причина. Более личная.

– Какая? – Марина подалась вперёд с интересом.

Глеб сделал глоток вина, собираясь с мыслями. То, что он собирался сказать, он никогда не говорил вслух. Даже самому себе он не всегда признавался в этом.

– Я не хочу быть инструментом в чужих руках, – наконец произнёс он. – Не хочу, чтобы моё искусство, моё мастерство использовались для каких-то политических целей, о которых мне даже не говорят прямо. Я врач, а не политтехнолог. Моя работа – помогать конкретным людям, а не обслуживать чьи-то амбиции.

Марина внимательно слушала, не перебивая.

– Знаете, – продолжил Глеб, – когда я только начинал карьеру, мой отец сказал мне, что пластическая хирургия – это не настоящая медицина. Что я выбрал лёгкий путь, что буду просто потакать тщеславию богатых бездельников. Тогда я злился на него, считал старомодным и ограниченным. Но сейчас… иногда я думаю, что он был прав.

– Вы несправедливы к себе, – мягко сказала Марина. – То, что вы делаете, – это тоже помощь людям. Может быть, не такая героическая, как спасение жизней в экстренной хирур-

гии, но не менее важная. Вы помогаете людям чувствовать себя лучше, увереннее. Исправляете дефекты, которые мешают им жить полноценной жизнью.

– Возможно, – Глеб слабо улыбнулся. – Но иногда я всё же думаю, что мог бы делать что-то более… значимое. Более соответствующее той клятве Гиппократа, которую давал когда-то.

– И что вас останавливает? – спросила Марина.

Глеб усмехнулся.

– Деньги. Статус. Комфорт. Всё то, к чему я так привык за годы работы в элитной клинике. Я не готов от этого отказаться. И это, пожалуй, самое честное, что я могу сказать.

Марина некоторое время молчала, обдумывая его слова.

– Знаете, – наконец сказала она, – я думаю, что человек может измениться в любой момент своей жизни. Может найти новый смысл, новую цель. И для этого не обязательно отказываться от всего, что у него есть. Может быть, вам просто нужно найти способ сочетать вашу нынешнюю карьеру с чем-то более… значимым для вас лично?

Глеб задумался. В её словах был смысл. Может быть, это действительно не должен быть выбор «или-или»? Может быть, он мог бы найти какой-то компромисс?

– Возможно, вы правы, – сказал он. – Но пока я не представляю, как это могло бы выглядеть.

– Время покажет, – улыбнулась Марина. – Главное – не закрывать для себя эту возможность.

Они закончили ужин в приятной, почти дружеской атмосфере. Глеб не помнил, когда в последний раз чувствовал себя так комфортно в чьём-то обществе. Без необходимости поддерживать образ успешного хирурга, без светских условностей и показной вежливости.

Когда они вышли из ресторана, уже стемнело. Весенний воздух был прохладным и свежим после тепла помещения.

– Позвольте, я вызову вам такси, – предложил Глеб.

– Спасибо, но я живу буквально в двух кварталах отсюда, – ответила Марина. – Предпочитаю пройтись.

– Тогда я провожу вас, – неожиданно для себя сказал Глеб. – Если вы не возражаете.

Марина выглядела удивлённой, но согласно кивнула. Они медленно шли по вечерним улицам, продолжая разговор, начатый в ресторане. Глеб ловил себя на мысли, что давно не чувствовал такого… умиротворения. Словно тяжесть, которую он носил на плечах, временно исчезла.

– Вот мой дом, – сказала Марина, останавливаясь у старинного здания в одном из арбатских переулков. – Спасибо за приятный вечер, Глеб Аркадьевич.

– Это вам спасибо, – искренне ответил он. – И, пожалуйста, давайте оставим официоз для клиники. Просто Глеб.

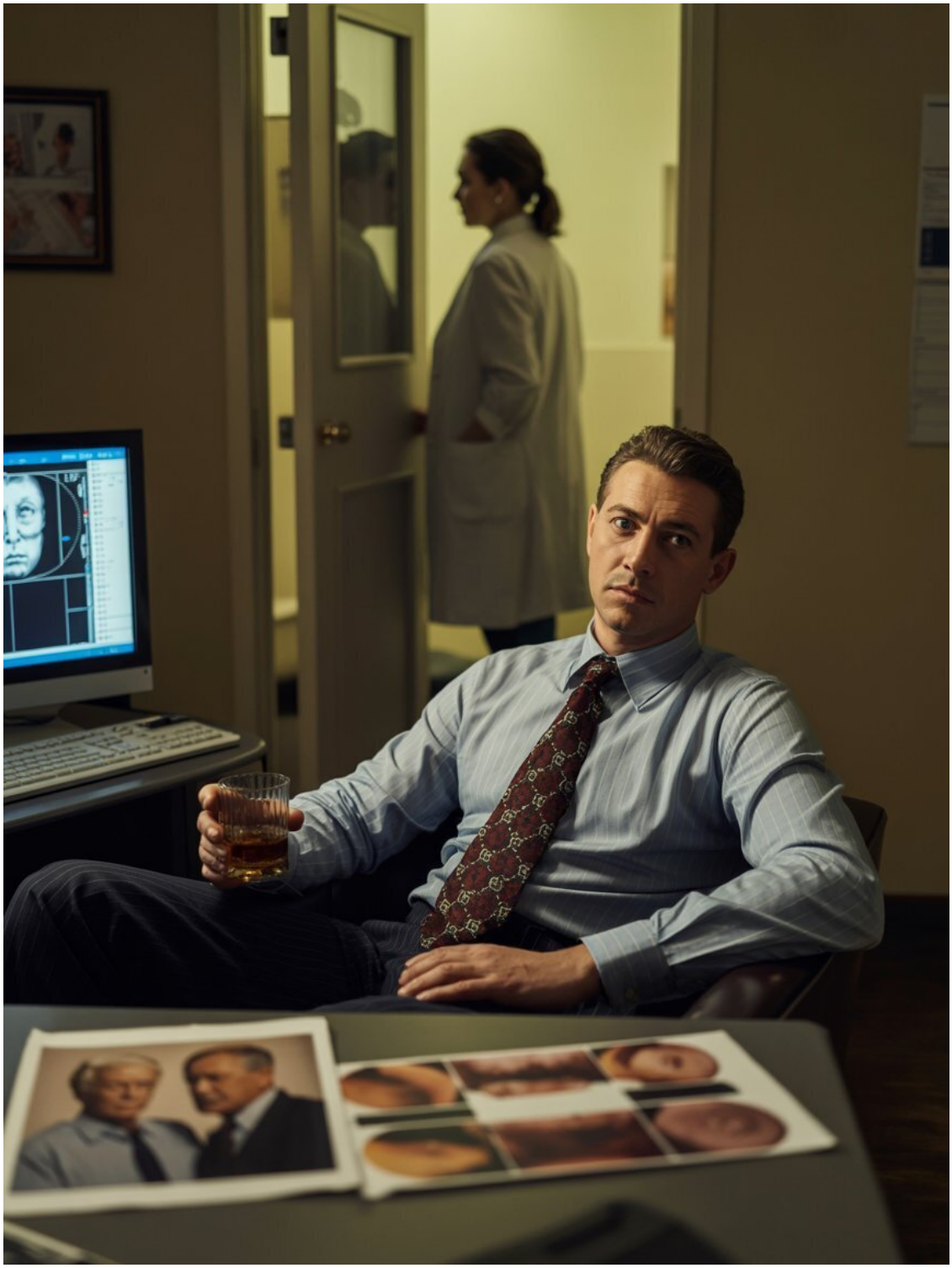
– Хорошо… Глеб, – она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило его сердце биться чуть быстрее. – Тогда до завтра.

Она протянула руку для прощания, но Глеб, повинуясь внезапному порыву, вместо рукопожатия слегка коснулся губами её щеки.

– До завтра, Марина, – сказал он и, развернувшись, пошёл в сторону главной улицы, чтобы поймать такси до своей машины, оставленной у клиники.

Идя по вечерней Москве, он вдруг поймал себя на мысли, что улыбается. Впервые за долгое время он чувствовал себя не «золотым скальпелем Москвы», а просто человеком. Живым, настоящим, способным на эмоции, которые он так долго подавлял.

И это было странное, но удивительно приятное чувство.



Глава 3: Красивое лицо для некрасивой игры

Следующие несколько дней прошли в обычном ритме работы. Глеб проводил консультации, выполнял плановые операции, участвовал в совещаниях врачей клиники. Всё как обычно, за исключением одной детали – его отношения с Мариной изменились.

Ничего явного, никаких публичных проявлений. Просто более тёплые взгляды, случайные прикосновения в операционной, короткие разговоры после рабочего дня. Они не обсуждали тот вечер в ресторане, но оба помнили его как некий поворотный момент.

Бронская пока не предпринимала новых шагов против Глеба. Возможно, её отвлекли другие дела, или она ждала подходящего момента для следующей атаки. В любом случае, затишье было кстати – у Глеба было время подготовиться к встрече с Колесниковой, которая должна была состояться в начале следующей недели.

В пятницу, когда он уже собирался уходить домой, его телефон зазвонил. На экране высветилось имя Королёва.

– Савельев, – произнёс продюсер без приветствия, – у меня новости. Не телефонные. Можем встретиться?

– Сегодня? – Глеб посмотрел на часы. Было уже почти семь вечера.

– Да, чем скорее, тем лучше. Это касается Колесниковой и проекта Бронской. Я нашёл кое-что интересное.

Глеб задумался. У него не было особых планов на вечер, разве что смутная надежда, что Марина снова предложит поужинать вместе. Но она сегодня работала в другую смену и уже давно ушла.

– Хорошо, – согласился он. – Где и когда?

– В «Рафинаде», через час, – ответил Королёв. – Та же приватная комната, что и в прошлый раз.

– Буду, – коротко сказал Глеб и завершил звонок.

Он закончил с документами, попрощался с коллегами и вышел из клиники. Погода была прекрасной – тёплый весенний вечер, голубое небо, лёгкий ветерок. Глеб решил не сразу ехать в клуб, а прогуляться немного по центру города.

Идя по бульварам, он думал о предстоящей встрече. Что такого Королёв мог узнать о Колесниковой и проекте Бронской? И можно ли доверять информации, которую предоставляет этот человек?

С одной стороны, Королёв явно преследовал свои интересы и использовал Глеба как пешку в своей игре против Бронской. С другой – его предыдущие предупреждения оказались верными. Бронская действительно начала кампанию против Глеба, как и предсказывал продюсер.

Размышляя об этом, Глеб не заметил, как дошёл до здания, в котором располагался клуб «Рафинад». Охранник у входа узнал его и почтительно кивнул.

– Добрый вечер, Глеб Аркадьевич. Денис Игоревич уже ждёт вас.

Глеб кивнул в ответ и вошёл в клуб. Внутри было немноголюдно – пятница, время ужина, большинство постоянных клиентов ещё не подтянулись. Он поднялся на второй этаж и прошёл к знакомой приватной комнате.

Королёв сидел в кресле с бокалом виски, задумчиво глядя в окно. Услышав, как открывается дверь, он обернулся.

– А, Савельев! Рад, что вы пришли, – он указал на кресло напротив. – Присаживайтесь, налейте себе что-нибудь. Разговор будет долгим.

Глеб подошёл к бару, выбрал свой обычный Macallan и сел в кресло, внимательно глядя на Королёва.

– Итак, что за новости? – спросил он, отпивая виски.

Королёв наклонился вперёд, понизив голос, хотя они были одни в комнате.

– Я нашёл информацию о предыдущей пластической операции Колесниковой, – сказал он. – Той, что проводил Немчинов два года назад.

Глеб напрягся. Он не говорил Королёву об этой операции, информация о которой была в медицинской карте Колесниковой. Как тот узнал?

– И что в ней такого особенного? – осторожно спросил Глеб.

– Всё, – Королёв выглядел возбуждённым. – Операция проводилась по экспериментальной методике, разработанной в рамках секретной программы, финансируемой одной из ком-

паний, связанных с администрацией президента. И знаете, что самое интересное? Бронская была куратором этой программы.

– Что за методика? – Глеб подался вперёд, заинтересованный.

– В том-то и дело, что информации почти нет, – Королёв развёл руками. – Все документы засекречены. Но мне удалось найти упоминание в личной переписке одного из участников проекта. Что-то связанное с минимально инвазивными вмешательствами, позволяющими значительно изменить внешность без обширной операции.

– Это звучит… странно, – задумчиво произнёс Глеб. – В пластической хирургии нет методик, которые могли бы значительно изменить внешность без серьёзного вмешательства. Особенно когда речь идёт о костно-хрящевых структурах, как в случае ринопластики.

– Вот именно, – Королёв многозначительно поднял палец. – И что ещё интереснее – Немчинов умер вскоре после операции. Официально от сердечного приступа. Но есть свидетели, которые утверждают, что перед смертью он был крайне встревожен, даже напуган. Говорил, что «связался не с теми людьми».

Глеб отпил виски, пытаясь осмыслить информацию. Если верить Королёву, ситуация была гораздо серьёзнее, чем он предполагал. Речь шла не просто о политическом PR-проекте, а о чём-то более зловещем, связанном с экспериментальными медицинскими методиками.

– У вас есть доказательства? – спросил он. – Что-то конкретное, что подтверждает связь между операцией Колесниковой, программой Бронской и смертью Немчинова?

– Прямых доказательств нет, – признал Королёв. – Но есть косвенные улики. Взгляните.

Он достал планшет и открыл какой-то файл.

– Это фотография Колесниковой до операции у Немчинова. Из её актёрского портфолио, когда она только начинала карьеру на телевидении.

Глеб внимательно изучил фотографию. На ней была Алина, но… не совсем та Алина, которую он знал. Разница была тонкой, почти неуловимой, но как хирург он видел её ясно. Нос был немного шире и чуть более вздёрнутым, скулы менее выраженными, овал лица более круглым.

– А это она после операции, – Королёв показал другую фотографию, сделанную примерно год назад. – Посмотрите внимательно. Изменения значительные, но они не выглядят как результат стандартной пластической операции. Нет видимых шрамов, нет признаков вмешательства. И при этом лицо изменилось радикально.

Глеб сравнил фотографии, и ему пришлось признать, что Королёв прав. Изменения были значительными, но не выглядели как результат обычной пластической операции. Они были слишком… органичными, как будто лицо Колесниковой просто естественным образом эволюционировало в другую форму.

– Странно, – признал он. – Но это может быть результат филлеров, ботокса, нитевого лифтинга, комбинированных с профессиональным макияжем и освещением.

– А может быть результатом экспериментальной методики, о которой мы ничего не знаем, – возразил Королёв. – Методики, которая так напугала Немчинова, что он собирался о ней рассказать. И которая сейчас может быть частью проекта Бронской.

Глеб задумался. Гипотеза Королёва звучала почти как научная фантастика. Но факты были странными и не поддавались простому объяснению.

– И как это связано с нынешним проектом Бронской? – спросил он. – Вы думаете, они хотят использовать эту же методику для других участников проекта? Для Колесниковой снова?

– Именно, – кивнул Королёв. – И им нужен кто-то с вашей репутацией, чтобы придать легитимность этим экспериментам. Представьте: известный пластический хирург с безупречной репутацией проводит операции по новой методике, которая даёт потрясающие результаты. Никто не будет задавать вопросов, особенно если результаты будут впечатляющими.

Глеб покачал головой.

– Это звучит как теория заговора. Я не могу в это поверить без более весомых доказательств.

– Конечно, это лишь теория, – согласился Королёв. – Но объясните тогда, почему Бронская так настаивает на вашем участии? Почему угрожает, давит, использует свои связи? Это явно не просто вопрос престижа или личных амбиций.

– Я не знаю, – честно ответил Глеб. – Но я буду иметь это в виду при общении с Колесниковой. Возможно, она сама не знает, во что оказалась втянута.

– Возможно, – кивнул Королёв. – Или знает, но боится рассказать. В любом случае, будьте осторожны, Савельев. Если моя теория верна, мы имеем дело с чем-то гораздо более опасным, чем просто политический PR-проект.

Глеб допил виски, обдумывая слова продюсера. Вся эта история становилась всё более запутанной и тревожной. Экспериментальные методики, секретные программы, смерть хирурга… Звучало как сюжет дешёвого триллера, а не реальная жизнь.

– Спасибо за информацию, – наконец сказал он. – Я буду осторожен. Но нужны более конкретные доказательства, чтобы делать какие-то выводы.

– Я работаю над этим, – заверил его Королёв. – И как только что-то найду, сразу же сообщу. А вы держите меня в курсе вашего общения с Колесниковой. Особенно после моделирования на следующей неделе.

– Конечно, – кивнул Глеб, не уточняя, насколько подробно он планирует делиться информацией.

Они ещё некоторое время обсуждали ситуацию, затем Глеб посмотрел на часы – было уже почти десять.

– Мне пора, – сказал он, поднимаясь. – Завтра рабочий день.

– Конечно, – Королёв тоже встал. – Держите меня в курсе. И будьте осторожны, Савельев. Очень осторожны.

Выйдя из клуба, Глеб некоторое время стоял на улице, глубоко вдыхая свежий вечерний воздух. Разговор с Королёвым оставил неприятный осадок. Если хотя бы часть того, что говорил продюсер, была правдой, он оказался втянут в нечто гораздо более опасное, чем простой конфликт с влиятельной медиамагнаткой.

Он вызвал такси и поехал домой, погружённый в тревожные мысли. Информация о странной операции Колесниковой, о смерти Немчинова, о секретной программе… Всё это складывалось в картину, которая выглядела всё более зловещей.

И в центре этой картины была Вероника Бронская – женщина, которая, похоже, была готова на многое ради своих амбиций. Женщина, которая сейчас, возможно, видела в Глебе препятствие, которое нужно устранить.

Эта мысль заставила его поёжиться, несмотря на тёплый вечер.

Выходные Глеб провёл дома, стараясь отвлечься от тревожных мыслей. Он читал, слушал музыку, даже попытался приготовить что-то сложнее обычного омлета – с переменным успехом. В воскресенье он позвонил родителям, коротко рассказал им о своих делах, избегая упоминаний о проблемах с Бронской. Не хотел их беспокоить.

Несколько раз он порывался позвонить Марине, просто чтобы услышать её голос, но каждый раз останавливал себя. Их новые отношения были слишком хрупкими, слишком неопределёнными, чтобы нарушать их звонком без особой причины.

В понедельник он вернулся к работе, как обычно собранный и сосредоточенный. День был загружен – три операции, две консультации, совещание с руководством клиники. Марина работала с ним в операционной, и они обменивались короткими взглядами, которые говорили больше, чем слова.

Во вторник, когда была назначена встреча с Колесниковой для 3D-моделирования, Глеб пришёл в клинику раньше обычного. Он хотел ещё раз просмотреть медицинскую карту телеведущей, особенно запись о той загадочной операции, которую она сделала два года назад.

В карте было мало деталей – просто запись о ринопластике, выполненной Немчиновым с использованием «экспериментальной методики». Никаких фотографий «до и после», никаких подробных описаний хода операции. Это было необычно для медицинской документации, особенно в их клинике, где всё фиксировалось с педантичной точностью.

В дверь кабинета постучали, и вошла Марина.

– Колесникова приехала, – сообщила она. – Ждёт в комнате для 3D-моделирования.

– Спасибо, – кивнул Глеб, закрывая карту. – Ты будешь ассистировать?

– Да, если вы не против, – Марина слегка улыбнулась.

– Совсем не против, – Глеб тоже улыбнулся, и между ними снова возникло то неуловимое напряжение, которое появилось после их совместного ужина.

Они вместе направились в специальное помещение, оборудованное для 3D-моделирования лица. Это была одна из самых современных технологий в пластической хирургии – возможность увидеть результат операции ещё до её проведения, скорректировать план, подобрать идеальные пропорции.

Колесникова ждала их, сидя в кресле у компьютера. На ней был простой серый костюм, минимум макияжа, волосы собраны в пучок. Она выглядела напряжённой, но при виде Глеба её лицо немного расслабилось.

– Глеб Аркадьевич, – она поднялась ему навстречу. – Рада вас видеть.

– Взаимно, Алина Сергеевна, – кивнул Глеб. – Позвольте представить, Марина Олеговна Климова, мой анестезиолог. Она будет ассистировать при моделировании и, если всё пойдёт по плану, при самой операции.

Марина и Колесникова обменялись рукопожатиями.

– Итак, – сказал Глеб, садясь за компьютер, – давайте начнём с создания 3D-модели вашего лица в текущем состоянии.

Колесникова кивнула и села в специальное кресло, окружённое камерами и сканерами. Процесс создания трёхмерной модели лица был быстрым и безболезненным – серия снимков с разных ракурсов, сканирование структуры костей и мягких тканей, компьютерная обработка данных.

Через несколько минут на экране появилось точное трёхмерное изображение лица Колесниковой, которое можно было вращать, увеличивать, изучать под любым углом.

– Впечатляюще, – заметила телеведущая, глядя на своё цифровое отражение. – Технологии не стоят на месте.

– Именно, – кивнул Глеб, манипулируя изображением. – Это позволяет нам планировать операцию с максимальной точностью и показать вам, как будет выглядеть результат.

Он начал работать с моделью, показывая Колесниковой, какие изменения он предлагает сделать. Утончение кончика носа, лёгкая коррекция переносицы, минимальное вмешательство в скуловую область для подчёркивания структуры лица.

– Видите? – он показал на экран, где теперь можно было сравнить исходное лицо и результат предлагаемых изменений. – Разница есть, но она не кардинальная. Ваше лицо останется узнаваемым, сохранит индивидуальность, но при этом будет более… выразительным, если можно так сказать.

Колесникова внимательно изучала изображение, затем достала из сумочки планшет.

– А можно сравнить с тем вариантом, который предлагает Вероника? – спросила она, протягивая планшет с открытым файлом.

Глеб взял планшет и увидел обработанную фотографию Колесниковой – ту самую, которую она показывала ему при первой встрече. Сейчас, имея перед глазами 3D-модель её реального лица, различия были ещё более очевидными.

– Конечно, – он загрузил изображение в компьютер и создал на его основе третью модель.

Теперь на экране было три варианта: исходное лицо Колесниковой, вариант Глеба и вариант Бронской. Различия были разительными. Версия Бронской предполагала радикальное изменение всех черт лица – гораздо более тонкий нос, высокие скулы, заострённый подбородок, более вытянутый овал лица. Это было практически другое лицо, хоть и с узнаваемыми чертами Колесниковой.

– Вот что предлагает Вероника, – сказал Глеб, указывая на третью модель. – И вот что предлагаю я, – он указал на вторую модель. – Как видите, разница существенная.

Колесникова некоторое время молчала, переводя взгляд с одного изображения на другое.

– Ваш вариант мне нравится больше, – наконец сказала она. – Он более… естественный. Но Вероника настаивает на своей версии. Она говорит, что это требование проекта.

– Мы договорились, что я формально соглашусь на её условия, но фактически сделаю операцию по своему усмотрению, – напомнил Глеб. – Если вы всё ещё согласны с этим планом.

– Согласна, – кивнула Колесникова. – Но есть одна проблема. Вероника хочет присутствовать при операции. Или, по крайней мере, прислать своего представителя.

Глеб нахмурился. Это усложняло ситуацию. Если Бронская или её представитель будут наблюдать за операцией, он не сможет отклониться от её плана.

– Это невозможно, – твёрдо сказал он. – Операционная – стерильная зона, доступ туда имеет только медицинский персонал. Это правило безопасности, которое нельзя нарушать даже для VIP-клиентов.

– Я так и сказала Веронике, – кивнула Колесникова. – Но она настаивает. Говорит, что это вопрос контроля качества для проекта.

– Может быть, компромисс? – вмешалась Марина. – Мы можем организовать видеотрансляцию из операционной в отдельное помещение. Так госпожа Бронская сможет наблюдать за процессом, не нарушая правила стерильности.

Глеб бросил на неё быстрый взгляд. Это был умный ход – создать видимость согласия, но при этом сохранить контроль над ситуацией. В конце концов, камеру можно расположить так, чтобы не все детали операции были видны.

– Это возможно, – медленно сказал он. – Хотя нестандартно. Но если это требование проекта…

– Спасибо, – с облегчением выдохнула Колесникова. – Это должно удовлетворить Веронику. По крайней мере, на время.

Глеб вернулся к компьютеру и начал более детально прорабатывать модель, показывая Колесниковой, какие именно изменения он планирует внести и как будет выглядеть результат с разных ракурсов.

– Кстати, Алина Сергеевна, – как бы между делом сказал он, – я заметил в вашей медицинской карте запись о предыдущей ринопластике. Два года назад, у доктора Немчинова. Почему вы не упомянули об этом во время нашей первой консультации?

Колесникова заметно напряглась. Её руки, до этого спокойно лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

– Я… не считала это важным, – наконец произнесла она. – Та операция была очень минимальной, практически незаметной.

– И всё же, это важная информация для планирования новой операции, – настаивал Глеб. – Особенно учитывая, что в карте упоминается какая-то «экспериментальная методика». Что это была за методика?

Колесникова бросила быстрый взгляд на Марину, словно оценивая, можно ли говорить при ней.

– Это была часть… проекта, – тихо сказала она. – Раннего прототипа того проекта, в котором я участвую сейчас. Немчинов тестировал новую методику минимально инвазивной коррекции, разработанную специально для нас. Для людей, которые должны представлять Россию на международной арене.

– И в чём заключалась эта методика? – Глеб старался, чтобы его голос звучал профессионально заинтересованно, а не подозрительно.

– Я не знаю деталей, – покачала головой Колесникова. – Мне сказали, что это инновационный подход, позволяющий добиться значительных изменений при минимальном вмешательстве. Что-то связанное с использованием новых материалов и техник.

– И результат вас удовлетворил? – Глеб внимательно смотрел на неё.

– Да, вполне, – кивнула она. – Изменения были заметными, но при этом естественными. Именно то, что нужно было для проекта.

– Тогда почему вы снова хотите делать операцию? – этот вопрос задала Марина, и Глеб был ей благодарен – он сам хотел это спросить, но опасался выглядеть слишком настойчивым.

Колесникова помедлила, словно подбирая слова.

– Проект эволюционировал, – наконец сказала она. – Требования изменились. Теперь нужны более… выраженные черты. Более запоминающийся образ.

– И Бронская настаивает именно на хирургическом вмешательстве, а не на повторении той экспериментальной методики? – спросил Глеб.

– Да, – Колесникова выглядела неуверенно. – Она сказала, что та методика… больше недоступна. После смерти Немчинова.

Глеб и Марина переглянулись. Это было странно. Если методика была такой успешной и важной для проекта, почему она «больше недоступна»? Разве она не была задокументирована, не использовалась другими хирургами?

– Понимаю, – медленно сказал Глеб. – Что ж, вернёмся к нашему моделированию. Я предлагаю следующий план операции…

Он продолжил объяснять технические детали предстоящей операции, но его мысли были далеко. Загадка экспериментальной методики Немчинова, смерть хирурга, настойчивость Бронской… Всё это складывалось в какую-то тревожную картину, детали которой он пока не мог разглядеть.

После завершения моделирования они обсудили дату операции – через две недели, после завершения всех необходимых обследований и подготовки. Колесникова выглядела довольной результатом встречи, хотя и немного нервничала, когда разговор касался Бронской или предыдущей операции.

Когда телеведущая ушла, Глеб и Марина остались в комнате для моделирования, обсуждая результаты.

– Что думаешь? – спросил Глеб, глядя на 3D-модель, всё ещё отображавшуюся на экране.

– Думаю, что эта история становится всё более странной, – ответила Марина. – Экспериментальная методика, которая «больше недоступна» после смерти одного хирурга? Это не имеет смысла. Любая медицинская инновация документируется, патентуется, публикуется в научных журналах. Особенно если она настолько успешна.

– Именно, – кивнул Глеб. – И ещё одна странность – я не вижу следов предыдущей операции на лице Колесниковой. Никаких шрамов, никаких признаков вмешательства. И при этом, судя по фотографиям, которые показал мне Королёв, изменения были значительными.

– Что это может значить? – Марина нахмурилась.

– Не знаю, – честно ответил Глеб. – Но я намерен выяснить. Особенно учитывая, что мне предстоит оперировать Колесникову. Я должен знать все детали её предыдущих вмешательств, чтобы избежать осложнений.

– Будь осторожен, – Марина положила руку на его плечо. – Что бы ни скрывалось за этим проектом, это явно что-то серьёзное. Бронская не та женщина, с которой стоит играть в игры.

– Знаю, – Глеб накрыл её руку своей. – Но я должен разобраться. Хотя бы ради собственной безопасности.

Они постояли так несколько секунд, глядя друг другу в глаза, затем Марина мягко отстранилась.

– Мне пора идти, – сказала она. – У меня ещё две операции сегодня. Увидимся вечером?

– Конечно, – Глеб улыбнулся. Они не договаривались о встрече, но каким-то образом оба знали, что проведут вечер вместе. Это было новое, непривычное чувство – иметь с кем-то такое взаимопонимание.

После ухода Марины Глеб ещё некоторое время сидел, изучая 3D-модель лица Колесниковой. Что-то в этой истории не складывалось, и он намеревался выяснить, что именно, прежде чем приступать к операции.

Вечер они с Мариной провели в том же уютном ресторанчике, что и в прошлый раз. Разговор неизбежно вернулся к загадке Колесниковой и её предыдущей операции.

– Я поискала информацию о Немчинове, – сказала Марина, когда они сидели за десертом. – Он действительно умер год назад от сердечного приступа. Было расследование, так как смерть наступила внезапно, но никаких признаков насильственной смерти не обнаружили.

– И что известно о его работе? – спросил Глеб.

– Немного, – Марина покачала головой. – Он работал в клинике «ЭстетМед», специализировался на ринопластике. Имел хорошую репутацию, хотя и не был звездой первой величины. Никаких публикаций об экспериментальных методиках я не нашла.

– Странно, – задумчиво произнёс Глеб. – Если методика была успешной, почему он не опубликовал результаты? Это могло бы сделать его имя в профессиональных кругах.

– Может быть, методика была засекречена? – предположила Марина. – Если это действительно часть какого-то государственного проекта, как намекала Колесникова…

– Возможно, – кивнул Глеб. – Но в таком случае, почему методика «больше недоступна» после его смерти? Разве она не должна была быть задокументирована где-то ещё?

Они обсуждали различные теории, но ни одна не казалась полностью убедительной. Наконец Глеб сменил тему, не желая, чтобы весь их вечер был посвящён этой загадке.

– Расскажи мне о себе, – попросил он. – О чём-то, что не связано с работой. О том, кем ты мечтала стать в детстве, например.

Марина улыбнулась, явно довольная сменой темы.

– Я хотела быть балериной, – призналась она. – Занималась балетом с пяти лет, была довольно успешна. Но в тринадцать получила травму колена, и с профессиональной карьерой пришлось распрощаться.

– И тогда ты решила стать врачом? – предположил Глеб.

– Не сразу, – покачала головой Марина. – Сначала я хотела быть писательницей. Сочиняла рассказы, даже начала роман. Но мой отец, он был хирургом, как и твой, убедил меня выбрать более «практичную» профессию. И я не жалею. Медицина даёт ощущение… полезности, которого мне не хватало в творчестве.

– Ты всё ещё пишешь? – с интересом спросил Глеб.

– Иногда, – она слегка смутилась. – Для себя. Короткие рассказы, наблюдения. Ничего серьёзного.

– Я бы хотел когда-нибудь почитать, – искренне сказал Глеб.

– Может быть, когда-нибудь, – Марина улыбнулась. – А ты? О чём ты мечтал в детстве?

– Я хотел быть космонавтом, – признался Глеб. – Как и многие мальчишки моего поколения. Потом – изобретателем. Придумывал различные устройства, даже пытался собирать их из подручных материалов. В основном, конечно, безуспешно.

– А потом решил пойти по стопам отца? – предположила Марина.

– Да, – кивнул Глеб. – Хотя изначально я хотел быть кардиохирургом, а не пластическим хирургом. Спасать жизни, а не исправлять носы и подтягивать обвисшую кожу.

– Что изменило твоё решение? – тихо спросила Марина.

Глеб задумался. Он редко говорил об этом, даже с собой наедине.

– Деньги, – наконец честно сказал он. – Я увидел, как живут пластические хирурги, и как – кардиохирурги. Разница была… существенной. Особенно в девяностые, когда я учился. И ещё… я хотел доказать отцу, что могу добиться большего, чем он. Что его путь – не единственно возможный.

– И ты доказал, – заметила Марина.

– В материальном смысле – да, – согласился Глеб. – Но иногда я думаю… Был ли я прав? Может быть, его путь был честнее, достойнее? Он спас тысячи жизней за свою карьеру. А я… делаю богатых красивее.

– Ты слишком строг к себе, – Марина мягко коснулась его руки. – То, что ты делаешь, тоже важно. Ты помогаешь людям обрести уверенность в себе, избавиться от комплексов, начать новую жизнь.

– Может быть, – Глеб слабо улыбнулся. – Но иногда мне кажется, что я просто обслуживаю тщеславие богатых бездельников, как сказал бы мой отец.

– А что бы ты хотел делать? – спросила Марина. – Если бы мог всё изменить, начать заново?

Глеб задумался. Этот вопрос он задавал себе не раз в последнее время, особенно после того, как начались проблемы с Бронской.

– Не знаю, – честно ответил он. – Может быть, я бы хотел использовать свои навыки для чего-то более… значимого. Помогать людям, которые действительно нуждаются в помощи, а не тем, кто может позволить себе элитную клинику. Может быть, работать с детьми, исправлять врождённые дефекты… Что-то в этом роде.

– Ещё не поздно, – тихо сказала Марина. – Ты в расцвете карьеры, у тебя репутация, опыт. Ты мог бы… диверсифицировать свою практику. Часть времени уделять благотворительным проектам, например.

Глеб посмотрел на неё с удивлением. Странно, но эта мысль никогда не приходила ему в голову. Он всегда думал в категориях «или-или»: или элитная практика, или общественная медицина. Но почему не совместить?

– Это интересная идея, – медленно произнёс он. – Стоит подумать.

Они закончили ужин и вышли на вечерние улицы. Был тёплый весенний вечер, идеальный для прогулки. Они медленно шли по бульварам, разговаривая обо всём и ни о чём, наслаждаясь обществом друг друга.

Возле дома Марины они остановились, и возникла та неловкая пауза, которая бывает перед прощанием.

– Спасибо за вечер, – сказала Марина, глядя Глебу в глаза. – Было очень приятно.

– Мне тоже, – он сделал шаг ближе. – Может быть… завтра повторим?

– С удовольствием, – она улыбнулась.

Глеб наклонился и мягко поцеловал её – не в щёку, как в прошлый раз, а в губы. Легкий, почти невесомый поцелуй, но в нём было обещание чего-то большего.

– До завтра, – прошептал он, отстраняясь.

– До завтра, – эхом отозвалась Марина и, ещё раз улыбнувшись, скрылась за дверью подъезда.

Глеб постоял ещё несколько секунд, глядя на закрывшуюся дверь, затем развернулся и пошёл к главной улице, чтобы поймать такси. Он чувствовал странную лёгкость, которой не испытывал уже много лет. Словно что-то новое и светлое входило в его жизнь, вытесняя привычную пустоту и цинизм.

И это чувство было приятным, хоть и немного пугающим.

Следующие несколько дней прошли в обычном рабочем ритме. Глеб проводил операции, консультировал пациентов, участвовал в совещаниях клиники. Вечера он проводил с Мариной – они ужинали вместе, гуляли по городу, разговаривали обо всём на свете. Их отношения развивались медленно, но уверенно, переходя от просто дружеских к чему-то более глубокому.

В пятницу, за неделю до запланированной операции Колесниковой, Глеб получил неожиданный звонок от Вероники Бронской.

– Глеб Аркадьевич, – её голос звучал обманчиво приветливо, – как давно мы не общались! Как ваши дела?

– Благодарю, всё хорошо, – сухо ответил Глеб, не поддаваясь на её тон. – Чем обязан звонку?

– Хотела пригласить вас на небольшое мероприятие в эти выходные, – сказала Бронская. – На моей даче в Подмосковье. Небольшой круг избранных гостей, приятное общение, обсуждение интересных проектов. В том числе нашего с Колесниковой.

Глеб напрягся. Приглашение было неожиданным, учитывая их последнее взаимодействие и последовавшую за ним проверку клиники.

– Спасибо за приглашение, – осторожно ответил он. – Но я не уверен, что смогу присутствовать. У меня планы на выходные.

– Отмените их, – в её голосе уже не было притворной приветливости. – Это важно, Глеб Аркадьевич. Для вас, для Колесниковой, для проекта. Для всех нас.

– Вероника Валерьевна, – Глеб решил прояснить ситуацию, – насколько я понимаю, вы не в восторге от моего подхода к операции Колесниковой. Я предлагаю более консервативное вмешательство, чем то, что вы хотите видеть. Так зачем нам встречаться? Я не изменю своё профессиональное мнение.

– О, Глеб Аркадьевич, – Бронская рассмеялась, и этот смех не предвещал ничего хорошего, – я не собираюсь переубеждать вас. Совсем наоборот. Я хочу показать вам кое-что. Кое-что, что может изменить ваше представление о проекте. И, возможно, о многом другом.

– Что именно? – Глеб почувствовал укол любопытства.

– Не по телефону, – её голос снова стал деловым. – Приезжайте в субботу, к шести вечера. Адрес я пришлю сообщением. И приезжайте один, без вашей… анестезиолога.

Глеб напрягся. Откуда Бронская знала о его отношениях с Мариной? Они были очень осторожны, не афишировали свою связь в клинике или на публике.

– Не понимаю, о чём вы, – попытался он сохранить лицо.

– Конечно, понимаете, – в голосе Бронской слышалась усмешка. – У меня свои источники информации, Глеб Аркадьевич. Я знаю всё, что происходит в определённых кругах Москвы. В том числе и в вашей личной жизни.

– Это звучит как угроза, – холодно заметил Глеб.

– Вовсе нет, – возразила Бронская. – Просто констатация факта. Ваша личная жизнь меня не интересует. Меня интересует проект и ваше в нём участие. Так что… до встречи в субботу?

Глеб колебался. С одной стороны, приглашение Бронской явно скрывало какую-то ловушку. С другой – это был шанс узнать больше о загадочном проекте и, возможно, о странной операции Колесниковой.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я приеду.

– Прекрасно, – в голосе Бронской слышалось удовлетворение. – Жду с нетерпением. И, Глеб Аркадьевич… не разочаруйте меня.

Звонок завершился, и Глеб задумчиво посмотрел на телефон. Что задумала Бронская? Что она хотела ему показать? И как она узнала о его отношениях с Мариной?

Он решил позвонить Королёву, чтобы поделиться новостью, но телефон продюсера был недоступен. Тогда Глеб отправил сообщение: «Бронская пригласила меня на мероприятие в свою подмосковную дачу в субботу. Говорит, хочет показать что-то важное, связанное с проектом. Что думаешь?»

Ответ пришёл через час: «Будь осторожен. Её дача – территория, где она контролирует всё. Не ешь, не пей ничего. И возьми с собой какое-нибудь записывающее устройство. Что бы она ни хотела тебе показать, это может быть важно».

Глеб перечитал сообщение несколько раз. Совет Королёва был разумным, хоть и параноидальным. Но учитывая странности, связанные с проектом Бронской, небольшая паранойя не помешает.

Вечером он рассказал о приглашении Марине, когда они ужинали в её квартире – маленькой, но уютной квартирке недалеко от Арбата.

– Ты правда собираешься поехать? – обеспокоенно спросила она. – Это может быть опасно. Особенно если Бронская знает о нас.

– Я должен выяснить, что происходит, – Глеб взял её за руку. – Особенно перед операцией Колесниковой. Я хочу знать, во что ввязываюсь.

– Тогда я поеду с тобой, – решительно сказала Марина.

– Нет, – Глеб покачал головой. – Бронская специально сказала, чтобы я приехал один. Я не хочу подвергать тебя риску. К тому же, если что-то пойдёт не так, кто-то должен знать, где я и с кем.

Марина нахмурилась, но в конце концов согласилась. Они договорились, что Глеб будет держать телефон включённым и отправлять ей сообщения каждый час. Если он перестанет выходить на связь, она обратится в полицию.

– Это звучит как сценарий шпионского триллера, – нервно рассмеялась Марина. – Не могу поверить, что мы всерьёз это обсуждаем.

– Я тоже, – признался Глеб. – Но что-то подсказывает мне, что с проектом Бронской не всё так просто. И я хочу знать правду, прежде чем браться за операцию Колесниковой.

Они проговорили допоздна, обсуждая возможные сценарии и планы действий. Затем Глеб остался на ночь – впервые за всё время их отношений. Они занимались любовью медленно, нежно, как люди, которые только открывают друг друга и боятся спешить.

Засыпая в объятиях Марины, Глеб думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё месяц назад он был успешным, но одиноким хирургом, полностью поглощённым своей карьерой. Теперь у него были отношения, которые, казалось, могли перерасти во что-то серьёзное, и он оказался втянут в какую-то таинственную историю с политическим подтекстом.

И почему-то эти перемены не пугали его, а, наоборот, заставляли чувствовать себя более живым, чем когда-либо.

В субботу Глеб выехал из Москвы в направлении Рублёвки около четырёх часов дня. Дача Бронской находилась в одном из самых элитных посёлков, где стоимость недвижимости

измерялась десятками миллионов долларов. Дорога заняла больше времени, чем он рассчитывал, из-за пробок на выезде из города.

По пути он несколько раз созванивался с Мариной, которая всё ещё беспокоилась о его решении ехать одному. Также он получил сообщение от Королёва: «Будь на связи. Если что-то пойдёт не так, немедленно сообщи. У меня есть контакты, которые могут помочь».

Наконец, GPS привёл его к внушительным воротам, за которыми виднелось огромное поместье в стиле неоклассицизма – трёхэтажный особняк, окружённый ухоженным парком. Охранник на въезде проверил его имя в списке гостей и пропустил на территорию.

Глеб припарковал свой Audi на площадке перед домом, где уже стояло несколько дорогих автомобилей. Он заметил представительский Mercedes с правительственными номерами и несколько других машин класса люкс. Похоже, Бронская собрала действительно избранное общество.

У входа его встретил дворецкий – статный мужчина в безупречном костюме.

– Добрый вечер, господин Савельев, – поприветствовал он с лёгким акцентом, говорившим о не российском происхождении. – Госпожа Бронская ожидает вас в главной гостиной. Позвольте провести вас.

Глеб следовал за дворецким через анфиладу роскошных комнат. Интерьер дома был выдержан в стиле современной роскоши – много света, дорогие материалы, авторская мебель и произведения искусства, явно стоившие баснословных денег.

В главной гостиной, огромном помещении с панорамными окнами, выходящими на сад, собралось около двадцати человек. Глеб узнал нескольких известных лиц – политиков, бизнесменов, деятелей культуры. Элита российского общества в самом прямом смысле этого слова.

Вероника Бронская заметила его сразу и направилась к нему, элегантная в платье от Chanel и с бокалом шампанского в руке.

– Глеб Аркадьевич! – её улыбка не затрагивала глаз. – Рада, что вы смогли приехать. Позвольте предложить вам напиток.

– Спасибо, но я за рулём, – отказался Глеб, помня предупреждение Королёва. – Впечатляющий дом и впечатляющее общество.

– О, это лишь малая часть моего окружения, – небрежно махнула рукой Бронская. – Самые близкие друзья и партнёры. Многие из них заинтересованы в нашем с вами проекте.

– Вы говорили, что хотите показать мне что-то важное, – напомнил Глеб, не желая тратить время на светскую болтовню.

– Всему своё время, – Бронская загадочно улыбнулась. – Сначала позвольте представить вас некоторым гостям. Это важно для вашего понимания масштаба проекта.

Она взяла его под руку и повела через комнату, представляя различным людям. Среди гостей были высокопоставленные чиновники, владельцы крупных медиакомпаний, известные продюсеры. Все они говорили о «проекте» с энтузиазмом, хотя никто не упоминал конкретных деталей.

– Видите, какой уровень поддержки, – тихо сказала Бронская, когда они отошли от очередной группы гостей. – Это не просто медийная инициатива, Глеб Аркадьевич. Это часть государственной стратегии по изменению имиджа России на международной арене. И ваше участие в этом проекте могло бы открыть перед вами двери, о которых вы даже не мечтали.

– Я всё ещё не понимаю, что конкретно от меня требуется, – Глеб решил сыграть в неведение. – Кроме проведения операции Колесниковой.

– О, гораздо больше, – Бронская понизила голос. – Но это не для публичного обсуждения. Пройдёмте со мной, я покажу вам то, о чём говорила.

Она повела его через дом к отдельному крылу, где располагался, по её словам, её рабочий кабинет. Это было просторное помещение с огромным столом, стеллажами книг и большими мониторами на стенах.

– Присаживайтесь, – Бронская указала на кресло у стола. – То, что я хочу вам показать, может шокировать вас поначалу. Но я прошу сохранять открытый ум.

Она села за компьютер и ввела сложный пароль. На одном из больших экранов появилась презентация с логотипом, который Глеб видел мельком на планшете Колесниковой – стилизованное изображение двуглавого орла, трансформирующегося в голубя мира.

– Проект «Новое лицо России», – торжественно произнесла Бронская. – Инициатива, которая изменит восприятие нашей страны во всём мире. И не только восприятие, но и сущность.

Она начала показывать слайды, комментируя их. На экране мелькали графики, диаграммы, фотографии известных российских деятелей культуры и политики.

– Суть проекта в том, – объясняла Бронская, – чтобы создать новый образ России и русского человека в глазах международного сообщества. Более европейский, более… привлекательный для западного восприятия. Мы хотим, чтобы русские лица ассоциировались не с медведями, водкой и суровыми чертами, а с утончённостью, интеллигентностью, эстетической привлекательностью.

– И для этого вы предлагаете массово менять внешность публичных лиц? – Глеб не скрывал скептицизма. – Это звучит как…

– Как рациональный подход к решению имиджевой проблемы, – перебила его Бронская. – Мы живём в мире, где внешность имеет значение, Глеб Аркадьевич. Особенно в медиа, в дипломатии, в международных отношениях. Первое впечатление формируется за секунды, и оно основано на внешнем виде. Мы хотим, чтобы это первое впечатление о России и русских было максимально позитивным.

– И вы считаете, что для этого нужно сделать русских менее… русскими? – Глеб поднял бровь.

Бронская рассмеялась, но в её смехе не было тепла.

– Вы неправильно понимаете, Глеб Аркадьевич. Мы не хотим сделать русских менее русскими. Мы хотим показать миру, что русские – это не только те стереотипные образы, которые сложились исторически. Что русский человек может быть эстетически привлекательным по международным стандартам.

– Международным стандартам, – медленно повторил Глеб. – Которые, по совпадению, основаны на западных представлениях о красоте?

– А разве это плохо? – Бронская наклонилась к нему. – Глеб Аркадьевич, посмотрите на себя. Вы успешный человек, вхожий в высшие круги общества. Вы сами придерживаетесь этих стандартов – в одежде, в манерах, во внешности. Это помогает вам быть успешным, помогает располагать к себе клиентов. Мы просто хотим распространить этот подход шире, сделать его частью национальной стратегии.

Глеб задумался. В её словах была доля истины. Он действительно тщательно культивировал свой образ успешного, элегантного профессионала, соответствующего международным стандартам стиля. Но одно дело личный выбор, и совсем другое – государственная стратегия по изменению внешности граждан.

– И как далеко вы планируете зайти в этой стратегии? – спросил он. – Колесникова – только начало?

– Именно, – кивнула Бронская. – У нас уже есть список из тридцати ключевых фигур российских медиа, которым рекомендована пластическая коррекция внешности в рамках проекта. Телеведущие, журналисты, актёры – те, кто будет представлять Россию на международной арене. А дальше, если проект будет успешным, мы планируем распространить его шире.

– Шире? – Глеб напрягся.

– На дипломатический корпус, на руководителей госкорпораций, на ключевых чиновников, работающих с иностранными партнёрами, – Бронская говорила с нарастающим энтузиаз-

мом. – Представьте: каждый, кто представляет Россию миру, имеет эстетически привлекательную внешность по международным стандартам. Как это изменит восприятие нашей страны! Как это поможет в переговорах, в международных отношениях!

Глеб смотрел на неё с нарастающим беспокойством. То, что описывала Бронская, выходило за рамки простого PR-проекта. Это была попытка изменить национальную идентичность на уровне внешности, что-то из области евгеники, одетой в глянцевую обёртку.

– И всё это основано только на пластической хирургии? – осторожно спросил он, вспоминая загадку экспериментальной операции Колесниковой.

Бронская внимательно посмотрела на него, словно оценивая, готов ли он услышать то, что она собиралась сказать.

– Не только, – наконец произнесла она. – Пластическая хирургия – это старая технология, Глеб Аркадьевич. У неё есть ограничения. Длительный период реабилитации, видимые шрамы, риск осложнений. Мы используем нечто более… инновационное.

– Экспериментальная методика, которую применили к Колесниковой два года назад? – прямо спросил Глеб.

Бронская слегка вздрогнула, явно не ожидав, что он знает об этом.

– Да, – после паузы подтвердила она. – Колесникова была одной из первых, кто опробовал новую технологию. И результаты превзошли все ожидания.

– Что это за технология? – Глеб подался вперёд. – И почему она «больше недоступна» после смерти Немчинова?

Бронская встала и подошла к одному из шкафов. Достала оттуда папку с документами и положила перед Глебом.

– Это не для широкого распространения, – предупредила она. – Вы сможете ознакомиться только здесь, в моём присутствии.

Глеб открыл папку и увидел документы с грифом «Совершенно секретно». Это были исследования, проведённые группой учёных из институтов, названия которых ему ничего не говорили. В центре внимания было вещество, обозначенное как «Препарат RFM-7».

– Что это? – спросил он, просматривая страницы с химическими формулами, графиками и таблицами.

– Прорыв в биомедицине, – с гордостью сказала Бронская. – Препарат, который позволяет модифицировать костно-хрящевые структуры без хирургического вмешательства. Вводится инъекционно, действует на молекулярном уровне, стимулируя клетки к перестройке в заданном направлении.

Глеб недоверчиво покачал головой.

– Это невозможно, – сказал он. – Нельзя изменить структуру кости или хряща простой инъекцией. Это противоречит всему, что мы знаем о физиологии.

– Обычными методами – да, невозможно, – согласилась Бронская. – Но RFM-7 – не обычный препарат. Это результат десяти лет исследований в области регенеративной медицины и генной инженерии. Он содержит модифицированные стволовые клетки и наночастицы, которые доставляют специфические сигнальные молекулы к целевым тканям, запуская процесс их реконструкции.

Глеб листал документы, пытаясь осмыслить информацию. То, что описывала Бронская, звучало как научная фантастика. Но графики и данные испытаний выглядели убедительно. Судя по отчётам, препарат действительно мог вызывать значительные изменения в костных и хрящевых структурах без хирургического вмешательства, хотя и требовал нескольких недель для полного эффекта.

– И это было опробовано на Колесниковой? – спросил он.

– Да, и ещё на нескольких добровольцах, – кивнула Бронская. – Результаты вы можете видеть сами.

Она открыла на компьютере папку с фотографиями «до и после». На них были люди, чьи лица изменились значительно, но удивительно естественно – как если бы они просто родились с другими чертами. Никаких шрамов, никаких признаков вмешательства.

– Впечатляет, – признал Глеб, хотя внутри него нарастала тревога. – Но почему технология «больше недоступна» после смерти Немчинова? Разве её не могут использовать другие врачи?

Бронская помедлила, словно решая, сколько можно рассказать.

– Немчинов был ключевым специалистом в адаптации препарата для эстетического применения, – наконец сказала она. – У него была особая методика введения, особый протокол. После его смерти… возникли сложности с воспроизведением результатов.

– Осложнения? – прямо спросил Глеб.

– Некоторые неудачные случаи, – уклончиво ответила Бронская. – Ничего критического, но достаточно, чтобы руководство проекта решило приостановить применение препарата до доработки.

– И поэтому вам нужен я, – Глеб начинал понимать. – Вы хотите, чтобы я делал обычные пластические операции, пока препарат не будет доработан?

– Не совсем, – Бронская внимательно смотрела на него. – Мы хотим, чтобы вы возглавили новую фазу исследований. Стали тем, кем был Немчинов, но с вашим уровнем квалификации и репутации. Чтобы вы помогли усовершенствовать методику, сделать её безопасной и эффективной.

Глеб откинулся в кресле, пытаясь осмыслить предложение. То, что предлагала Бронская, было одновременно заманчивым и пугающим. С одной стороны, если препарат действительно работал так, как она описывала, это был настоящий прорыв в эстетической медицине. С другой – всё это было окружено секретностью, политическими интригами и, возможно, связано со смертью Немчинова.

– Почему я должен вам верить? – спросил он прямо. – И почему я должен участвовать в проекте, о котором ничего не знал до недавнего времени?

– Потому что это шанс, который выпадает раз в жизни, – Бронская наклонилась ближе. – Шанс стать не просто успешным хирургом, а пионером новой эры в эстетической медицине. Имя в учебниках, Глеб Аркадьевич. Не говоря уже о финансовых перспективах, которые, поверьте, превосходят всё, что вы можете заработать обычной практикой.

– А если я откажусь? – Глеб смотрел ей прямо в глаза.

– Тогда вы останетесь в стороне от истории, – она пожала плечами. – И, возможно, пожалеете об этом, когда технология будет доработана без вашего участия и произведёт революцию в вашей области. Но я надеюсь, что вы достаточно умны, чтобы увидеть перспективы.

Глеб молчал, обдумывая ситуацию. То, что предлагала Бронская, могло быть или величайшей возможностью в его карьере, или опасной авантюрой, связанной с непроверенными технологиями и политическими интригами.

– Мне нужно подумать, – наконец сказал он. – Это слишком серьёзное решение, чтобы принимать его сразу.

– Конечно, – Бронская улыбнулась, но её глаза оставались холодными. – У вас есть время до операции Колесниковой. После неё мы ждём вашего окончательного ответа.

Она собрала документы обратно в папку и убрала их в шкаф.

– А теперь, – сказала она, вставая, – давайте вернёмся к гостям. Некоторые из них очень хотят с вами пообщаться. И, возможно, они смогут лучше объяснить вам важность проекта.

Они вернулись в главную гостиную, где вечеринка была в разгаре. Бронская представила Глеба ещё нескольким влиятельным гостям, среди которых был заместитель министра здравоохранения и крупный бизнесмен, известный своими связями с администрацией президента.

– Глеб Аркадьевич, – заместитель министра пожал ему руку, – наслышан о вашем мастерстве. Вероника Валерьевна говорит, что вы можете стать ключевой фигурой в нашем проекте.

– Я всё ещё обдумываю это предложение, – осторожно ответил Глеб. – У меня много вопросов о технологии и её безопасности.

– Понимаю ваши сомнения, – кивнул чиновник. – Но уверяю вас, препарат проходит все необходимые испытания. Просто… в ускоренном режиме, учитывая его стратегическую важность.

– Стратегическую важность для чего именно? – Глеб не собирался упускать шанс получить больше информации.

– Для укрепления позиций России в мировом сообществе, конечно, – заместитель министра говорил с уверенностью человека, повторяющего выученную фразу. – В современном мире имидж страны так же важен, как её экономический или военный потенциал.

Глеб заметил, что чиновник избегает прямого взгляда, словно не полностью верит в то, что говорит. Это усилило его подозрения – возможно, проект имел и другие цели, о которых не говорили открыто.

Вечер продолжался, и Глеб общался с разными гостями, стараясь выглядеть заинтересованным, но держа дистанцию. Он отказывался от алкоголя и еды, ссылаясь на диету и необходимость вести машину, хотя на самом деле помнил предупреждение Королёва.

Около десяти вечера он решил, что получил достаточно информации и пора уезжать. Он нашёл Бронскую, беседующую с группой гостей, и вежливо попрощался, ссылаясь на раннюю операцию на следующий день.

– Уже уходите, Глеб Аркадьевич? – в её голосе слышалось разочарование. – Но вечер только начинается. У нас ещё будет особый гость позже.

– К сожалению, я должен, – твёрдо сказал Глеб. – Профессиональные обязательства. Но благодарю за приглашение и за… откровенный разговор.

– Надеюсь, вы примете правильное решение, – Бронская пожала ему руку, задержав её чуть дольше необходимого. – В ваших интересах, Глеб Аркадьевич.

Эти слова прозвучали как ненавязчивая угроза, и Глеб почувствовал холодок по спине. Но он сохранил невозмутимое выражение лица.

– Уверен, что так и будет, – спокойно ответил он и направился к выходу.

Дворецкий проводил его до машины, и вскоре Глеб уже ехал по ночному шоссе в сторону Москвы. Голова была полна мыслей о том, что он узнал. Таинственный препарат RFM-7, способный изменять структуру тканей без хирургического вмешательства. Проект по изменению внешности российской элиты для создания «нового лица России». Смерть Немчинова и намёки на какие-то осложнения после применения препарата.

Всё это складывалось в тревожную картину, и Глеб не был уверен, что хочет быть частью этого. С другой стороны, если технология действительно работала, это был настоящий прорыв в его области. Возможность стать пионером нового направления в эстетической медицине.

Он был так погружён в свои мысли, что едва не пропустил поворот на МКАД. Вернувшись к реальности, он решил сначала поделиться информацией с Мариной и Королёвым, прежде чем принимать какое-либо решение.

Марина ждала его в своей квартире, куда он приехал сразу после встречи у Бронской. Она выглядела обеспокоенной и заметно расслабилась, увидев Глеба целым и невредимым.

– Ну, рассказывай, – сказала она, наливая ему чай. – Что хотела показать тебе Бронская?

Глеб подробно рассказал о встрече, о проекте «Новое лицо России» и, самое главное, о загадочном препарате RFM-7.

– Это звучит как научная фантастика, – Марина покачала головой. – Препарат, который может изменять костно-хрящевые структуры без хирургического вмешательства? Это… невозможно.

– Я тоже так думал, – Глеб отпил чай. – Но документы, которые я видел, выглядели убедительно. И результаты на фотографиях… Если это подделка, то очень качественная.

– Допустим, это правда, – Марина наклонилась вперёд. – Что ты собираешься делать? Принять предложение Бронской?

Глеб задумался. Это был ключевой вопрос, который он задавал себе всю дорогу от дачи Бронской.

– Не знаю, – честно признался он. – С одной стороны, если препарат действительно работает, это революция в эстетической медицине. Шанс, который выпадает раз в жизни, как сказала Бронская. С другой – слишком много неясностей и рисков. Смерть Немчинова, какие-то осложнения, о которых Бронская не захотела говорить подробно…

– И не забывай о политической составляющей, – напомнила Марина. – Этот проект явно имеет какие-то цели помимо простого улучшения имиджа России.

– Именно, – кивнул Глеб. – Вся эта идея с изменением внешности российской элиты для соответствия «международным стандартам»… В этом есть что-то неприятное, почти евгеническое. Как будто мы стыдимся своей национальной идентичности.

Марина молча смотрела на него, и в её глазах Глеб видел отражение своих собственных сомнений и тревог.

– Я должен узнать больше, – наконец сказал он. – О препарате, о его разработке, о результатах испытаний. И о том, что на самом деле случилось с Немчиновым.

– Как ты собираешься это сделать? – спросила Марина. – Если всё засекречено…

– У меня есть источник, – Глеб вспомнил о Королёве. – Человек, у которого есть доступ к информации, которой нет в открытом доступе. Он может помочь.

– Ты доверяешь этому человеку? – Марина выглядела скептичной.

– Не особо, – признался Глеб. – Но у нас общий интерес в этом деле. И он уже предоставил мне полезную информацию.

Он решил позвонить Королёву прямо сейчас, не откладывая. Продюсер ответил после нескольких гудков.

– Савельев! Как прошла встреча? – в его голосе слышалось нетерпение.

– Интересно, – лаконично ответил Глеб. – Нам нужно встретиться. У меня есть информация, которая может вас заинтересовать.

– Сейчас? – удивился Королёв.

– Да, если возможно. Дело не терпит отлагательства.

– Хорошо, – после паузы согласился Королёв. – «Рафинад» через час. Та же комната.

Глеб завершил звонок и повернулся к Марине.

– Ты со мной? – спросил он.

– Конечно, – она решительно кивнула. – Я хочу знать, во что мы ввязываемся.

Через час они уже сидели в приватной комнате клуба «Рафинад», ожидая Королёва. Глеб заказал минеральную воду для себя и Марины, всё ещё избегая алкоголя после предупреждения продюсера.

Королёв появился точно в назначенное время, выглядя немного взволнованным. Увидев Марину, он бросил вопросительный взгляд на Глеба.

– Марина в курсе всего, – сказал Глеб. – И я ей полностью доверяю.

– Как скажете, – пожал плечами Королёв, устраиваясь в кресле напротив. – Итак, что вы узнали?

Глеб подробно рассказал о встрече с Бронской, о проекте «Новое лицо России» и о таинственном препарате RFM-7. Королёв слушал внимательно, время от времени делая заметки в телефоне.

– Значит, всё-таки препарат, – задумчиво произнёс он, когда Глеб закончил. – Я слышал слухи об этом, но не имел подтверждений. RFM-7… интересно.

– Вы что-нибудь знаете об этом препарате? – спросил Глеб.

– Только слухи, – Королёв покачал головой. – Говорили, что в одном из закрытых НИИ разрабатывают что-то революционное в области регенеративной медицины. Но конкретики не было.

– А что насчёт Немчинова? – вмешалась Марина. – Вы говорили, что его смерть была подозрительной.

Королёв внимательно посмотрел на неё, словно оценивая, насколько можно доверять.

– Да, – наконец сказал он. – Официальная версия – сердечный приступ. Но за несколько дней до смерти Немчинов связывался с одним журналистом, который специализируется на медицинских расследованиях. Назначил встречу, но не пришёл. Умер накануне.

– И что это доказывает? – скептически спросил Глеб.

– Само по себе – ничего, – признал Королёв. – Но в сочетании с другими фактами… Немчинов был полностью здоров, никаких проблем с сердцем раньше не было. Он занимался спортом, следил за здоровьем. И вдруг – сердечный приступ в 46 лет.

– Такое случается, – заметил Глеб. – Статистически редко, но случается.

– А ещё он был напуган перед смертью, – продолжил Королёв. – Его медсестра говорила, что последние недели он был как на иголках, постоянно оглядывался, проверял телефон на предмет прослушки. Говорил что-то о «побочных эффектах», которые «скрывают».

Глеб и Марина переглянулись. Это уже больше походило на доказательство того, что со смертью Немчинова было что-то не так.

– Какие побочные эффекты? – спросил Глеб. – Бронская упомянула какие-то «неудачные случаи» после применения препарата, но не стала вдаваться в детали.

– Не знаю, – Королёв развёл руками. – Но я пытаюсь выяснить. У меня есть контакты в медицинских кругах, возможно, они что-то знают.

– Мне это всё не нравится, – Марина покачала головой. – Препарат с неизвестными побочными эффектами, загадочная смерть врача, политический проект по изменению внешности… Звучит как сюжет триллера, а не реальная жизнь.

– И всё же это реальность, – мрачно сказал Королёв. – И вопрос в том, что вы собираетесь делать, Савельев. Бронская явно хочет вас в проекте, и она не из тех, кто легко принимает отказы.

Глеб задумался. Ситуация была сложной и опасной, но в то же время интригующей. Если препарат RFM-7 действительно работал так, как утверждала Бронская, это могло изменить всю эстетическую медицину. И быть частью этого прорыва…

– Я хочу узнать больше, – решительно сказал он. – О препарате, о его действии, о побочных эффектах. И о том, что на самом деле случилось с Немчиновым.

– Разумно, – кивнул Королёв. – Но времени мало. Операция Колесниковой через неделю, и Бронская ждёт вашего ответа до неё.

– Значит, у нас неделя, чтобы найти правду, – Глеб выглядел решительным. – Вы можете помочь?

– Я сделаю всё, что в моих силах, – пообещал Королёв. – У меня есть несколько источников, которые могут знать что-то о препарате или о проекте. Я свяжусь с ними и сообщу, если найду что-то важное.

– А я могу проверить медицинские базы данных, – предложила Марина. – У меня есть доступ к некоторым закрытым ресурсам через профессиональные ассоциации. Может быть, найду упоминания о RFM-7 или о работе Немчинова.

– Отлично, – Глеб кивнул. – А я займусь Колесниковой. Она была одной из первых, кто опробовал препарат. Возможно, она знает больше, чем говорит. И если у неё были какие-то побочные эффекты…

– Будьте осторожны, – предупредил Королёв. – Если Бронская узнает, что вы копаете под её проект, она может принять меры. У неё серьёзные связи и ресурсы.

– Я буду осторожен, – заверил его Глеб. – Но я должен знать правду, прежде чем принимать решение об участии в проекте.

Они обсудили детали своего импровизированного расследования и договорились созвониться через два дня, чтобы обменяться найденной информацией. Затем Глеб и Марина покинули клуб, оставив Королёва допивать свой виски.

По дороге домой они обсуждали странную ситуацию, в которой оказались. Марина была встревожена и предлагала Глебу просто отказаться от проекта и операции Колесниковой, не углубляясь в расследование.

– Это может быть опасно, – настаивала она. – Если Бронская действительно причастна к смерти Немчинова…

– Тем более я должен узнать правду, – твёрдо сказал Глеб. – Особенно учитывая, что Колесникова может быть в опасности. Если препарат имеет серьёзные побочные эффекты, и она была одной из первых испытуемых…

Марина понимающе кивнула. Конечно, как врач, Глеб не мог игнорировать потенциальную угрозу здоровью пациента.

– Хорошо, – она сжала его руку. – Но давай будем осторожны. Очень осторожны.

Глеб кивнул и поцеловал её, благодарный за поддержку и понимание. Впервые за долгое время он чувствовал, что не один в своих проблемах и решениях. И это ощущение было неожиданно приятным, хоть и непривычным.

Следующие несколько дней Глеб пытался узнать больше о препарате RFM-7 и проекте «Новое лицо России», не привлекая при этом внимания Бронской. Он обращался к коллегам из научных институтов, изучал профессиональную литературу по регенеративной медицине, искал любую информацию, которая могла бы пролить свет на таинственный препарат.

Результаты были скудными. О RFM-7 не было никаких упоминаний в открытых источниках, что только подтверждало его секретный статус. Несколько специалистов в области регенеративной медицины, с которыми Глеб связался, слышали о каких-то «прорывных исследованиях» в одном из закрытых институтов, но ничего конкретного не знали.

Марина тоже не нашла ничего существенного в медицинских базах данных. Единственной зацепкой было упоминание в одном малоизвестном журнале о «перспективном исследовании в области направленной регенерации костной и хрящевой ткани», проводимом группой российских учёных. Но никаких деталей, никаких имён.

Королёв звонил ежедневно, но и у него не было значительных новостей. Его источники подтверждали существование какого-то секретного медицинского проекта с государственным финансированием, но деталей не знали или не хотели делиться.

– Люди боятся говорить, – сказал он Глебу во время их очередного телефонного разговора. – Это плохой знак. Значит, проект действительно серьёзный и кто-то очень влиятельный заинтересован в его успехе.

Времени становилось всё меньше. До операции Колесниковой оставалось три дня, и Глеб всё ещё не решил, как поступить. Принять предложение Бронской и стать частью проекта, о

котором он знал так мало? Или отказаться, рискуя навлечь на себя гнев влиятельной женщины и стоящих за ней сил?

Вечером, накануне предоперационной консультации с Колесниковой, он сидел у Марины дома, обсуждая сложившуюся ситуацию.

– Я всё ещё не знаю, что делать, – признался он, глядя в окно на ночную Москву. – С одной стороны, если препарат действительно так революционен, быть частью этого прорыва… Это мечта любого врача. С другой – слишком много тайн, слишком много рисков.

– А что говорит твоя интуиция? – тихо спросила Марина, сидя рядом с ним на диване.

Глеб задумался. Обычно он не доверял интуиции, предпочитая логические решения, основанные на фактах и анализе. Но в данном случае фактов было слишком мало.

– Моя интуиция говорит, что здесь что-то не так, – наконец сказал он. – Что проект имеет какие-то цели, о которых Бронская не говорит. И что препарат может быть опаснее, чем они признают.

– Тогда, возможно, ответ очевиден? – Марина положила руку ему на плечо. – Ты не должен участвовать в том, что противоречит твоей профессиональной этике и интуиции.

– Но что насчёт Колесниковой? – Глеб повернулся к ней. – Если препарат действительно имеет опасные побочные эффекты, и она была одной из первых испытуемых… Я не могу просто отказаться от её операции. Я должен убедиться, что с ней всё в порядке.

– Тогда проведи операцию, как планировалось, – предложила Марина. – По твоему методу, не по плану Бронской. Но откажись от дальнейшего участия в проекте.

– Бронская этого не примет, – покачал головой Глеб. – Она явно дала понять, что ожидает моего полного участия в проекте после операции Колесниковой.

– И что ты будешь делать? – Марина выглядела встревоженной.

– Я должен поговорить с Колесниковой, – решительно сказал Глеб. – Завтра, во время предоперационной консультации. Расспросить её о препарате, о её опыте, о возможных побочных эффектах. Если она подтвердит мои опасения… это может помочь мне принять решение.

– А если Бронская узнает? – Марина нахмурилась.

– Я буду осторожен, – заверил её Глеб. – Представлю это как стандартные вопросы о предыдущих вмешательствах перед операцией. Ничего подозрительного.

Марина не выглядела полностью убеждённой, но кивнула. Они провели остаток вечера, обсуждая возможные сценарии и разрабатывая план действий на случай различных ситуаций. Глеб ценил её поддержку и рациональный подход – Марина не паниковала, но и не преуменьшала опасность.

Когда они наконец легли спать, Глеб долго лежал без сна, глядя в потолок. Завтра он должен был встретиться с Колесниковой и, возможно, узнать больше о загадочном препарате и его последствиях. Это могло приблизить его к пониманию того, что на самом деле происходило за кулисами проекта «Новое лицо России».

И, возможно, помочь ему принять решение, которое могло изменить всю его жизнь и карьеру.

Предоперационная консультация с Колесниковой была назначена на утро, за два дня до самой операции. Глеб пришёл в клинику раньше обычного, чтобы подготовиться и продумать стратегию разговора. Он хотел получить информацию о препарате RFM-7 и его последствиях, не вызвав при этом подозрений.

Марина тоже пришла пораньше, чтобы ассистировать на консультации. Они коротко обсудили план действий, затем разошлись по своим кабинетам, чтобы не привлекать внимания коллег своей близостью.

Колесникова прибыла точно в назначенное время, элегантная в строгом сером костюме и с минимальным макияжем. Она выглядела немного нервной, что было нормально перед операцией, но держалась уверенно.

– Доброе утро, Глеб Аркадьевич, – она пожала ему руку. – Всё готово к послезавтрашней процедуре?

– Всё идёт по плану, Алина Сергеевна, – кивнул Глеб. – Сегодня мы проведём финальное обследование и обсудим последние детали.

Марина помогла Колесниковой устроиться в кресле для обследования, пока Глеб просматривал результаты последних анализов. Всё было в норме – никаких противопоказаний к операции.

– Марина Олеговна, не могли бы вы принести файлы 3D-моделирования из архива? – попросил Глеб, создавая предлог, чтобы на несколько минут остаться с Колесниковой наедине.

Марина понимающе кивнула и вышла из кабинета. Глеб повернулся к пациентке.

– Алина Сергеевна, – начал он как бы между делом, – я ещё раз изучил запись о вашей предыдущей операции у доктора Немчинова. Там упоминается «экспериментальная методика», но нет никаких деталей. Для планирования новой операции мне важно знать точно, что было сделано раньше. Вы не могли бы рассказать подробнее?

Колесникова заметно напряглась, её руки, до этого спокойно лежавшие на коленях, сжались.

– Я… не знаю технических деталей, – осторожно ответила она. – Как я уже говорила, это была минимально инвазивная процедура. Серия инъекций, насколько я помню. Немчинов объяснял что-то про «направленную регенерацию тканей», но я не особо вникала в научные термины.

– Понимаю, – Глеб кивнул, пытаясь говорить непринуждённо. – А были ли какие-то побочные эффекты после тех инъекций? Дискомфорт, боль, необычные ощущения?

Колесникова на мгновение замерла, словно решая, что можно рассказать.

– Ничего серьёзного, – наконец сказала она. – Небольшой дискомфорт в первые дни, лёгкое онемение. Немчинов сказал, что это нормальная реакция.

Глеб заметил, что она не смотрела ему в глаза, говоря это. Похоже, она что-то скрывала.

– А в последнее время? – он решил зайти с другой стороны. – Никаких необычных симптомов? Головные боли, проблемы со зрением, необъяснимые боли?

Колесникова напряглась ещё больше.

– Почему вы спрашиваете? – в её голосе появилась настороженность. – Есть повод для беспокойства?

– Просто стандартные вопросы перед операцией, – Глеб постарался выглядеть непринуждённо. – Особенно учитывая, что ваша предыдущая процедура была экспериментальной. Мне нужно учесть все факторы, чтобы избежать осложнений.

Колесникова помолчала, внимательно изучая его лицо. Затем, словно приняв решение, тихо сказала:

– У меня бывают мигрени. Начались примерно полгода назад. И… иногда я вижу вспышки света перед глазами, даже в полной темноте.

Глеб старался сохранять нейтральное выражение лица, хотя внутри у него всё напряглось. Мигрени и фотопсия могли быть признаками серьёзных неврологических проблем.

– Вы обращались к врачу с этими симптомами? – спросил он.

– Да, к тому, кого рекомендовала Вероника, – кивнула Колесникова. – Он сказал, что это стресс и переутомление, прописал витамины и больше отдыха.

– И симптомы уменьшились? – Глеб старался, чтобы его голос звучал профессионально заинтересованно, а не встревоженно.

– Не особо, – призналась Колесникова. – Но я научилась с этим жить. В конце концов, моя работа связана с постоянным стрессом и яркими студийными огнями. Это могло бы объяснить симптомы, верно?

– Могло бы, – осторожно согласился Глеб. – Но всё же я рекомендую пройти полное неврологическое обследование. Просто для исключения более серьёзных причин.

– После операции, – быстро сказала Колесникова. – Сейчас нет времени. Проект начинается через месяц, я должна быть готова.

Глеб хотел возразить, сказать, что здоровье важнее любого проекта, но в этот момент вернулась Марина с файлами 3D-моделирования, и момент был упущен.

Они продолжили консультацию, обсуждая технические детали предстоящей операции, план реабилитации, ожидаемые результаты. Всё это время Глеб наблюдал за Колесниковой, отмечая признаки, которые раньше не замечал или на которые не обращал внимания – лёгкую бледность, морщинку между бровей, возможно, от постоянной боли, то, как она время от времени щурилась, словно свет в кабинете был слишком ярким для её глаз.

Когда консультация закончилась, и Колесникова собралась уходить, Глеб решился на последний вопрос.

– Алина Сергеевна, – сказал он, когда они шли к двери, – я слышал, что доктор Немчинов скончался вскоре после вашей операции. Вы общались с ним незадолго до его смерти? Не замечали ничего необычного в его поведении?

Колесникова резко остановилась и посмотрела на него с явным испугом.

– Почему вы спрашиваете? – её голос был тихим, почти шёпотом.

– Просто интересуюсь, – Глеб старался выглядеть непринуждённо. – Он был коллегой, хоть мы и не были знакомы лично.

Колесникова несколько секунд молчала, затем, понизив голос ещё больше, сказала:

– Он был напуган. Очень напуган. Я видела его за неделю до смерти, пришла на плановый осмотр. Он выглядел нервным, постоянно оглядывался, говорил, что за ним следят. Я решила, что у него нервный срыв или что-то в этом роде.

– Он не говорил, чего именно боится? – осторожно спросил Глеб.

– Нет, не прямо, – Колесникова покачала головой. – Но он сказал что-то странное… Что я должна быть осторожна, следить за любыми необычными симптомами. Что «не все последствия известны». Я не придала этому значения тогда, списала на его состояние. А через неделю узнала о его смерти.

Глеб почувствовал, как по спине пробежал холодок. Слова Немчинова звучали как предупреждение, и тот факт, что Колесникова действительно начала испытывать необычные симптомы полгода спустя, был тревожным.

– Спасибо за откровенность, – сказал он. – И я действительно рекомендую пройти неврологическое обследование. Если хотите, я могу порекомендовать хорошего специалиста.

– Может быть, после операции, – повторила Колесникова, но в её голосе уже не было прежней уверенности. – Я… я должна подумать.

Она попрощалась и быстро ушла, оставив Глеба и Марину обмениваться обеспокоенными взглядами.

– Ты слышала? – спросил Глеб, когда они вернулись в кабинет.

– Да, – Марина выглядела встревоженной. – Мигрени, фотопсия, напуганный Немчинов… Это не выглядит как простое совпадение.

– Именно, – Глеб сел за стол, обдумывая полученную информацию. – Похоже, препарат действительно имеет серьёзные побочные эффекты, о которых Бронская предпочитает не упоминать. И Немчинов, возможно, собирался предупредить об этом, но не успел.

– Что мы будем делать? – спросила Марина. – Ты всё ещё планируешь оперировать Колесникову?

Глеб задумался. С одной стороны, наличие неврологических симптомов вызывало серьёзные опасения. С другой – отказ от операции в последний момент мог вызвать подозрения и навлечь гнев Бронской не только на него, но и на Колесникову. И, что самое важное, если симптомы телеведущей действительно связаны с препаратом, отказ от операции никак не поможет ей.

– Да, я проведу операцию, как планировалось, – наконец решил он. – Но я должен предупредить Колесникову о возможных рисках и настоять на полном медицинском обследовании после реабилитации.

– А как быть с Бронской? – Марина нахмурилась. – Она ждёт твоего ответа по поводу участия в проекте.

– Я скажу ей, что мне нужно больше информации о препарате и его действии, прежде чем я приму окончательное решение, – Глеб потёр виски, чувствуя начинающуюся головную боль. – Это даст мне время выяснить больше о RFM-7 и его побочных эффектах.

– Она может не согласиться на отсрочку, – предупредила Марина.

– Тогда мне придётся принять решение раньше, – Глеб пожал плечами. – Но сейчас мне нужно сосредоточиться на Колесниковой и её здоровье. Это приоритет.

Марина кивнула, соглашаясь. Они оба были врачами, и благополучие пациента всегда стояло на первом месте, несмотря на все политические интриги и личные интересы.

Глеб решил позвонить Королёву и поделиться новой информацией. Возможно, продюсер сможет узнать что-то о неврологических побочных эффектах препарата или найти других пациентов, которые могли испытывать похожие симптомы.

Но сначала ему нужно было подготовиться к операции Колесниковой – изучить последние анализы, просмотреть 3D-модели, составить детальный план. Несмотря на все странности и тревоги, связанные с этим случаем, он был прежде всего хирургом, и его профессиональный долг требовал безупречной подготовки к каждой операции.

Вечером Глеб встретился с Королёвым в «Рафинаде» и рассказал о своём разговоре с Колесниковой. Продюсер выслушал внимательно, делая заметки в своём телефоне.

– Мигрени, фотопсия, напуганный Немчинов перед смертью… – задумчиво повторил он. – Это действительно выглядит подозрительно. Я попытаюсь узнать, были ли подобные симптомы у других участников эксперимента.

– У вас есть такие контакты? – удивился Глеб.

– Есть некоторые возможности, – уклончиво ответил Королёв. – Моя работа связана с медийными личностями, многие из которых могли быть потенциальными кандидатами для проекта Бронской.

– А что насчёт самого препарата? – спросил Глеб. – Вам удалось узнать что-нибудь новое о RFM-7?

– Немного, – Королёв понизил голос. – По моим данным, это действительно экспериментальный препарат, разработанный в одном из закрытых НИИ. Основа – модифицированные стволовые клетки и какие-то наночастицы. Точный состав и принцип действия засекречены, но суть в том, что препарат действительно может вызывать реструктуризацию костной и хрящевой ткани без хирургического вмешательства.

– Звучит почти как научная фантастика, – покачал головой Глеб.

– Но это реальность, – Королёв был серьёзен. – И, судя по симптомам Колесниковой, эта реальность имеет тёмную сторону. Неврологические проблемы могут быть только верхушкой айсберга.

– Вы думаете, есть и другие побочные эффекты? – Глеб напрягся.

– Возможно, – кивнул Королёв. – Я пытаюсь это выяснить. Но всё очень засекречено. Люди боятся говорить.

– А что насчёт целей проекта? – Глеб вспомнил свой разговор с Бронской. – Это действительно просто PR-кампания для улучшения имиджа России?

Королёв задумался, словно решая, сколько можно рассказать.

– Я думаю, это лишь часть истины, – наконец сказал он. – Улучшение имиджа – это публичная сторона проекта, то, что показывают всем. Но есть и другой аспект, о котором говорят только в узком кругу.

– Какой? – Глеб подался вперёд.

– Создание… определённого типа людей, – Королёв говорил тихо, почти шёпотом. – Людей с определёнными физическими характеристиками, которые делают их более… эффективными в определённых ситуациях.

– Что за ситуации? – Глеб нахмурился.

– Дипломатические переговоры, международные медиа, политические встречи, – перечислил Королёв. – Ситуации, где первое впечатление и невербальное воздействие могут быть решающими.

– Вы говорите об использовании внешности как оружия влияния? – Глеб не скрывал скептицизма.

– Именно, – кивнул Королёв. – Представьте: переговоры ведёт человек, чья внешность неосознанно вызывает доверие и симпатию у представителей другой стороны. Человек, чьи черты лица соответствуют культурным паттернам красоты и надёжности в восприятии этих людей. Это даёт неявное, но значительное преимущество.

Глеб задумался. В словах Королёва был смысл. Исследования действительно показывали, что внешность влияет на первое впечатление и последующее отношение, часто на подсознательном уровне. И если существовала возможность целенаправленно модифицировать внешность для усиления этого эффекта…

– Это звучит как манипуляция, – сказал он.

– Политика всегда включает элементы манипуляции, – пожал плечами Королёв. – Вопрос в масштабе и методах. И в данном случае методы вызывают серьёзные опасения – экспериментальный препарат с неизвестными долгосрочными последствиями, смерть врача, неврологические симптомы у Колесниковой…

– Я должен предупредить её, – решительно сказал Глеб. – Рассказать о возможных рисках, связанных с препаратом.

– Будьте осторожны, – предупредил Королёв. – Если Бронская узнает…

– Я врач, – твёрдо сказал Глеб. – Мой долг – защищать здоровье пациента, даже если это противоречит чьим-то политическим или личным интересам.

Королёв внимательно посмотрел на него, затем медленно кивнул.

– Уважаю вашу принципиальность, Савельев, – сказал он. – Но всё же будьте осторожны. Бронская не та женщина, с которой стоит шутить. И люди, стоящие за ней, тем более.

Они обсудили ещё несколько деталей, затем разошлись, договорившись созвониться на следующий день. Королёв обещал продолжить поиски информации о препарате и его побочных эффектах.

По дороге домой Глеб размышлял о сложившейся ситуации. С каждым днём она становилась всё более запутанной и тревожной. Экспериментальный препарат с неизвестными побочными эффектами, политический проект с сомнительными целями, смерть врача при загадочных обстоятельствах… И в центре всего этого – Алина Колесникова, его пациентка, которая, возможно, уже страдала от последствий первой экспериментальной процедуры.

Как врач, он не мог игнорировать потенциальную угрозу её здоровью. Он должен был предупредить её, даже если это означало конфликт с Бронской и провал операции.

Решено: завтра, за день до операции, он встретится с Колесниковой и расскажет ей всё, что знает о препарате и его возможных побочных эффектах. Она имела право знать, с чем имеет дело, и принимать решение, обладая всей доступной информацией.

Это был его долг как врача и как человека.

На следующий день Глеб позвонил Колесниковой и попросил о встрече вне клиники. Она согласилась, хотя и звучала настороженно, и они договорились встретиться в небольшом кафе недалеко от её дома.

Кафе было тихим и уютным, с отдельными кабинками, обеспечивающими приватность. Глеб пришёл заранее, выбрал столик в дальнем углу и заказал кофе. Колесникова появилась точно в назначенное время, одетая просто, но элегантно, в джинсы и свободный свитер, с минимумом макияжа и солнцезащитными очками, несмотря на пасмурный день.

– Глеб Аркадьевич, – она пожала ему руку и села напротив. – Ваш звонок меня удивил. Что-то случилось с завтрашней операцией?

– Не совсем, – Глеб выглядел серьёзным. – Алина Сергеевна, то, что я собираюсь вам рассказать, может показаться странным или даже пугающим. Но как ваш врач, я считаю своим долгом поделиться с вами всей информацией, которая может повлиять на ваше здоровье.

Колесникова сняла очки, и Глеб заметил, что её глаза выглядели усталыми, с лёгким покраснением, будто от недосыпания или постоянного напряжения.

– Я слушаю, – тихо сказала она.

Глеб глубоко вдохнул и начал рассказывать – о своей встрече с Бронской, о проекте «Новое лицо России», о препарате RFM-7 и его возможных побочных эффектах. Он старался быть объективным, не драматизировать, но и не скрывать потенциальных рисков.

Колесникова слушала внимательно, не перебивая, хотя её лицо постепенно бледнело, а руки, держащие чашку с кофе, начали заметно дрожать.

– Я считаю, что ваши симптомы – мигрени и фотопсия – могут быть связаны с предыдущей процедурой, с введением препарата RFM-7, – закончил Глеб. – И как врач, я не могу игнорировать эту возможность. Вам необходимо пройти полное неврологическое обследование, прежде чем принимать решение о новой операции.

Колесникова долго молчала, глядя в свою чашку. Когда она наконец подняла взгляд, в её глазах стояли слёзы.

– Я знала, что что-то не так, – тихо сказала она. – Эти головные боли, вспышки света… Они становятся всё сильнее. Но врач, которого рекомендовала Вероника, настаивал, что это просто стресс и переутомление.

– Возможно, он не знал о вашем участии в эксперименте с RFM-7, – предположил Глеб. – Или… знал, но получил указания не связывать ваши симптомы с препаратом.

– Думаете, Вероника причастна к этому? – Колесникова выглядела потрясённой.

– Я не знаю, – честно ответил Глеб. – Но факт в том, что она активно продвигает проект, связанный с этим препаратом, несмотря на возможные риски. И она не упомянула о неврологических побочных эффектах, когда рассказывала мне о RFM-7.

Колесникова закрыла лицо руками, пытаясь справиться с эмоциями. Когда она снова посмотрела на Глеба, её взгляд был полон страха и решимости одновременно.

– Что мне делать? – спросила она. – Если я откажусь от операции, Вероника будет в ярости. Я могу потерять контракт, карьеру…

– Здоровье важнее карьеры, – мягко сказал Глеб. – И мы не знаем наверняка, что ваши симптомы связаны с препаратом. Но мы должны это проверить. Я могу порекомендовать хорошего невролога, который проведёт обследование конфиденциально.

– А операция? – Колесникова выглядела неуверенной. – Вы всё ещё можете её провести?

Глеб задумался. С медицинской точки зрения, стандартная пластическая операция не должна была усугубить неврологические симптомы, если они не были связаны с повышенным внутричерепным давлением. Но без полного обследования он не мог быть в этом уверен.

– Я бы предпочёл отложить операцию до получения результатов неврологического обследования, – наконец сказал он. – Но я понимаю вашу ситуацию с проектом и контрактом. Если вы настаиваете, я могу провести операцию, как планировалось, но с минимальным вмешательством. Меньше, чем предлагал изначально. И при первых признаках каких-либо осложнений я немедленно прерву процедуру.

Колесникова молчала, обдумывая его слова. Затем медленно кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Проведите операцию, но с минимальным вмешательством. И после реабилитации я пройду полное обследование у того невролога, которого вы порекомендуете.

– Вы уверены? – Глеб внимательно смотрел на неё. – Это ваше здоровье, Алина Сергеевна. И оно бесценно.

– Я знаю, – она слабо улыбнулась. – Но у меня есть обязательства, контракты… Я не могу всё бросить в одночасье. Но я обещаю, что после операции займусь своим здоровьем всерьёз.

Глеб кивнул, хотя внутри него оставались сомнения. Он понимал её ситуацию, но как врач не мог полностью одобрить решение отложить обследование.

– Ещё кое-что, – сказал он. – Бронская будет наблюдать за операцией через видеотрансляцию. Она ожидает, что я выполню операцию по её плану, с более радикальными изменениями. Но я буду следовать своему профессиональному суждению и сделаю минимальное необходимое вмешательство.

– А что вы скажете ей потом? – обеспокоенно спросила Колесникова.

– Что были медицинские ограничения, не позволившие сделать более радикальные изменения, – Глеб пожал плечами. – Это правда – ваше здоровье для меня важнее её ожиданий.

– Она будет в ярости, – Колесникова покачала головой. – Вы не знаете Веронику так, как я. Она не терпит, когда её планы нарушаются.

– Я готов к последствиям, – твёрдо сказал Глеб. – А вам я рекомендую быть осторожной в общении с ней. И подумать о том, стоит ли продолжать участие в проекте, который может представлять угрозу для вашего здоровья.

Колесникова кивнула, но в её глазах всё ещё был страх. Они обсудили ещё несколько деталей предстоящей операции, затем попрощались. Колесникова надела солнцезащитные очки и быстро вышла из кафе, оглядываясь, словно боялась, что за ней следят.

Глеб остался сидеть, размышляя о ситуации. Он сделал то, что считал правильным – предупредил пациентку о возможных рисках и предложил медицинскую помощь. Но он понимал, что этим навлёк на себя гнев Бронской и стоящих за ней сил.

И завтра, во время операции, этот конфликт достигнет кульминации. Бронская ожидала, что он выполнит операцию по её плану и затем присоединится к проекту. Но теперь, зная о возможных рисках препарата RFM-7 и видя симптомы у Колесниковой, он не мог этого сделать.

Он должен был поступить в соответствии со своей профессиональной этикой, даже если это означало конфронтацию с влиятельной женщиной и крах карьеры, которую он строил годами.

Глеб расплатился за кофе и вышел из кафе. Ему нужно было подготовиться к завтрашней операции – не только профессионально, но и морально. И предупредить Марину и Королёва о возможных последствиях своего решения.

Это будет непростой день. Возможно, один из самых сложных в его карьере.

Глава 4: Побочные эффекты

Утро дня операции Глеб встретил с тяжёлым чувством. Он плохо спал, просыпаясь каждый час, мысли о предстоящей конфронтации с Бронской не давали покоя. В шесть утра он окончательно оставил попытки уснуть и встал, чтобы начать свои обычные утренние ритуалы.

Завтрак, контрастный душ, тщательное бритьё – всё это он проделывал автоматически, погружённый в мысли о том, что ждало его в клинике. Операция Колесниковой была назначена на десять утра, и Бронская должна была наблюдать за ней через видеотрансляцию из специальной комнаты.

Глеб знал, что она ожидает увидеть радикальное вмешательство, которое значительно изменит внешность телеведущей в соответствии с её видением «нового русского лица». Но после вчерашнего разговора с Колесниковой, после того, как он узнал о её неврологических симптомах и связи с препаратом RFM-7, он решил провести минимальное вмешательство, достаточное лишь для заметного, но не кардинального улучшения внешности.

Это был компромисс между медицинской этикой и практической необходимостью. Он не мог отказаться от операции совсем – это поставило бы Колесникову в сложное положение с Бронской и проектом. Но он также не мог пойти на поводу у амбиций медиамагнатки, рискуя здоровьем пациентки.

По дороге в клинику Глеб позвонил Марине.

– Доброе утро, – её голос звучал так же напряжённо, как он себя чувствовал. – Как настроение перед операцией?

– Решительное, – коротко ответил Глеб. – Я буду придерживаться плана, о котором мы говорили. Минимальное вмешательство, достаточное для видимых, но не радикальных изменений. И ты будешь особенно внимательно следить за жизненными показателями Колесниковой. При любых отклонениях от нормы я немедленно прерву операцию.

– Понимаю, – Марина говорила тихо, словно боялась, что её могут подслушать. – А что насчёт Бронской? Она будет в ярости, когда поймёт, что ты не следуешь её плану.

– Я готов к последствиям, – твёрдо сказал Глеб. – Моя первая ответственность – перед пациенткой, а не перед чьими-то политическими амбициями.

– Ты уверен, что хочешь идти на этот конфликт? – в голосе Марины слышалась тревога. – Бронская не из тех, кто прощает такие вещи. Она может серьёзно навредить твоей карьере, твоей репутации…

– Я знаю, – Глеб вздохнул. – Но я не могу поступить иначе. Не после того, что я узнал о препарате и о симптомах Колесниковой.

– Я понимаю, – мягко сказала Марина. – И я на твоей стороне, что бы ни случилось.

Эти слова придали Глебу сил. Впервые за долгое время он не был один в своих решениях и конфликтах. У него был человек, который поддерживал его не из личной выгоды, а из искренней привязанности и общих ценностей.

– Спасибо, – искренне сказал он. – Это много для меня значит. Увидимся в клинике через час.

Он завершил звонок и продолжил путь, чувствуя странное спокойствие. Решение было принято, и теперь оставалось только действовать в соответствии с ним, принимая все последствия, какими бы они ни были.

В клинике уже кипела подготовка к операции. Медсёстры готовили операционную, анестезиолог – Марина – проверяла оборудование, технический персонал настраивал видеокамеры для трансляции.

Глеб прошёл в свой кабинет и начал просматривать финальные документы и планы операции. Он внёс некоторые коррективы, уменьшив объём вмешательства по сравнению с изначальным планом. Теперь операция предполагала лишь минимальные изменения формы носа и скул, достаточные для заметного, но не радикального улучшения внешности.

В дверь постучали, и вошла Марина.

– Колесникова прибыла, – сообщила она. – Проходит предоперационную подготовку. И… Бронская тоже здесь. Хочет поговорить с тобой до начала операции.

Глеб напрягся. Он не ожидал, что Бронская приедет лично – думал, что она будет наблюдать за операцией удалённо, через видеотрансляцию.

– Хорошо, – кивнул он. – Пусть зайдёт.

Марина вышла, и через минуту в кабинет вошла Вероника Бронская – элегантная, как всегда, в дорогом костюме от Шанель и с холодной улыбкой на лице.

– Глеб Аркадьевич, – она протянула руку для приветствия. – Рада видеть вас в такой важный день.

– Вероника Валерьевна, – Глеб пожал её руку, сохраняя профессиональный тон. – Не ожидал вас здесь лично. Я думал, вы будете наблюдать за операцией через трансляцию.

– Я предпочитаю быть ближе к событиям, особенно таким значимым, – она села в кресло напротив его стола. – Сегодняшняя операция – важный этап нашего проекта. И я надеюсь, что вы выполните её в соответствии с нашими договорённостями.

– Я буду выполнять операцию в соответствии с моим профессиональным суждением и в интересах пациентки, – спокойно сказал Глеб.

Бронская слегка нахмурилась.

– Что это значит? Мы обсуждали конкретный план, конкретные изменения. Колесникова должна соответствовать определённому образу для проекта.

– И она будет соответствовать, – заверил её Глеб. – Но как хирург, я должен учитывать индивидуальные особенности пациентки и медицинские показания. Слишком радикальные изменения могут привести к осложнениям.

– Какие ещё осложнения? – Бронская выглядела раздражённой. – Вы опытный хирург, вы делали и более сложные операции. В чём проблема?

Глеб решил не упоминать о неврологических симптомах Колесниковой и их возможной связи с препаратом RFM-7. Это только усложнило бы ситуацию и могло бы поставить телеведущую под удар.

– Нет проблемы, – он старался говорить уверенно. – Просто каждая операция индивидуальна, и я должен адаптировать план к конкретной ситуации. Но результат будет соответствовать общим целям проекта, не беспокойтесь.

Бронская внимательно изучала его лицо, словно пытаясь прочесть истинные мысли.

– Я надеюсь на это, Глеб Аркадьевич, – наконец сказала она. – И надеюсь также на ваше положительное решение по поводу участия в проекте после операции. Как я уже говорила, это открывает перед вами возможности, о которых вы даже не мечтали.

– Я всё ещё обдумываю ваше предложение, – уклончиво ответил Глеб. – Мне нужно больше информации о препарате RFM-7 и его долгосрочных эффектах, прежде чем я приму окончательное решение.

– Вся информация будет предоставлена вам в своё время, – Бронская поднялась. – А сейчас я не буду больше отвлекать вас от подготовки к операции. Буду наблюдать из комнаты видеотрансляции. И, Глеб Аркадьевич… не разочаруйте меня. В ваших же интересах.

С этими словами она вышла из кабинета, оставив Глеба наедине со своими мыслями. Её последняя фраза явно звучала как угроза, но он не собирался отступать от своего решения. Его долг как врача был превыше всех угроз и обещаний.

Вскоре после ухода Бронской в кабинет заглянула Марина.

– Всё в порядке? – обеспокоенно спросила она. – О чём вы говорили?

– Она пыталась убедиться, что я буду следовать её плану операции, – Глеб потёр виски. – И снова намекала на какие-то невероятные возможности, которые откроются передо мной, если я присоединюсь к проекту.

– И что ты ответил? – Марина выглядела встревоженной.

– Что буду действовать в соответствии с профессиональным суждением, – Глеб слабо улыбнулся. – Технически, это не ложь.

– Она не выглядела удовлетворённой, когда выходила, – заметила Марина.

– Она и не была удовлетворена, – согласился Глеб. – Но это не изменит моего решения. Как там Колесникова? Готова к операции?

– Да, проходит финальную подготовку, – кивнула Марина. – Выглядит немного нервной, но это нормально перед операцией.

– Хорошо, – Глеб встал. – Тогда пора начинать. Ты готова?

– Всегда, – Марина коротко сжала его руку в знак поддержки.

Они вышли из кабинета и направились в предоперационную, где их ждала Колесникова. Телеведущая лежала на каталке, уже в больничной одежде, с бледным лицом и нервной улыбкой.

– Доброе утро, Алина Сергеевна, – поздоровался Глеб, подходя к ней. – Как вы себя чувствуете?

– Немного нервничаю, – призналась она. – Как перед любой операцией, наверное.

– Это нормально, – успокоил её Глеб. – Мы позаботимся о том, чтобы всё прошло гладко. Помните наш вчерашний разговор? Я буду придерживаться минимального плана вмешательства.

– А Вероника? – тихо спросила Колесникова. – Она здесь, да? Я видела её в коридоре.

– Да, она будет наблюдать за операцией, – кивнул Глеб. – Но не беспокойтесь об этом. Я врач, и моя первая ответственность – перед вами как пациенткой, а не перед кем-либо ещё.

Колесникова благодарно кивнула, но в её глазах всё ещё был страх. Глеб понимал её опасения – Бронская была влиятельной фигурой в её карьере, и конфликт с ней мог иметь серьёзные последствия.

– Всё будет хорошо, – заверил он. – А теперь давайте начнём. Марина введёт вам препараты для премедикации, и через несколько минут мы отправимся в операционную.

Марина занялась подготовкой лекарств, а Глеб ещё раз просмотрел документы и план операции. Всё было готово, оставалось только действовать в соответствии с принятым решением и справиться с последствиями, какими бы они ни были.

Операционная была готова – стерильная, ярко освещённая, с новейшим оборудованием и инструментами, разложенными в идеальном порядке. Колесникову перевезли на операционный стол, и Марина начала процесс анестезии.

Глеб заметил камеры, установленные в стратегических точках операционной для трансляции в специальную комнату, где находилась Бронская. Он старался не думать об этом, концентрируясь на предстоящей операции и благополучии пациентки.

– Анестезия действует, пациентка стабильна, – доложила Марина через несколько минут. – Можно начинать.

Глеб кивнул и приступил к операции. Он работал методично, с хирургической точностью, которая была его визитной карточкой. Музыка играла в операционной – классика, как всегда во время его операций, создавая идеальный фон для точной работы.

Первая часть операции прошла гладко. Глеб следовал своему модифицированному плану, выполняя минимальные, но эффективные корректировки. Он работал осторожно, избегая лишнего травмирования тканей, постоянно контролируя состояние пациентки.

– Жизненные показатели стабильны, – регулярно докладывала Марина, внимательно следя за мониторами.

Через час операции, когда основная часть работы была выполнена, в операционную через интерком поступил голос Бронской.

– Глеб Аркадьевич, – её голос звучал холодно и напряжённо, – я не вижу тех изменений, которые мы обсуждали. Операция идёт не по плану.

Глеб на мгновение прервался, затем продолжил работу, не отвечая. Бронская не имела права вмешиваться в ход операции, и он не собирался позволять ей это делать.

– Глеб Аркадьевич, – голос Бронской стал более настойчивым, – вы меня слышите? Я требую объяснений.

– Я слышу вас, Вероника Валерьевна, – спокойно ответил Глеб, не прерывая работы. – Но сейчас я выполняю сложную медицинскую процедуру и не могу отвлекаться на разговоры. Мы обсудим всё после операции.

– Это неприемлемо, – в голосе Бронской слышался плохо скрываемый гнев. – Вы не выполняете согласованный план операции. Вы делаете минимальные изменения, которые не соответствуют требованиям проекта.

– Я выполняю операцию в соответствии с медицинскими показаниями и в интересах пациентки, – твёрдо сказал Глеб. – И сейчас я прошу вас не отвлекать меня. Это вопрос безопасности пациентки.

Интерком замолчал, но Глеб знал, что это не конец. Бронская не из тех, кто легко принимает отказ или неподчинение. Но сейчас его внимание должно было быть полностью сосредоточено на операции.

Он продолжил работу, выполняя тонкие, едва заметные коррекции, которые в совокупности должны были дать заметное, но не радикальное улучшение внешности Колесниковой. Это был компромисс, который он мог предложить – достаточно изменений, чтобы удовлетворить требования проекта, но не настолько радикальных, чтобы рисковать здоровьем пациентки.

Через два часа основная часть операции была завершена. Глеб работал над финальными штрихами, когда заметил, что показатели на мониторах начали меняться.

– Давление падает, – тревожно сообщила Марина. – Пульс учащается. Что-то не так.

Глеб мгновенно переключил внимание на мониторы. Действительно, показатели жизнедеятельности Колесниковой начали ухудшаться без видимой причины.

– Причина? – коротко спросил он, проверяя состояние операционного поля.

– Неизвестно, – Марина выглядела встревоженной. – Нет признаков кровотечения или аллергической реакции. Это нетипично для пластической операции.

– Проверь анестезию, – приказал Глеб. – Может быть реакция на препараты.

Марина быстро проверила капельницу и дозировки лекарств.

– Всё стандартно, – доложила она. – Те же препараты, которые мы всегда используем. Те же дозировки.

– Давление продолжает падать, – отметила одна из медсестёр. – Сатурация кислорода снижается.

Глеб почувствовал, как холодок пробежал по спине. Что-то явно было не так, и это было не связано с самой операцией или стандартной анестезией.

– Введите адреналин, – скомандовал он. – Повысьте подачу кислорода. И подготовьте дефибриллятор на всякий случай.

Команда быстро выполняла указания, но состояние Колесниковой продолжало ухудшаться. Её давление опустилось до критически низких значений, пульс стал аритмичным.

– Клиническая картина напоминает анафилактический шок, – нахмурилась Марина. – Но мы не ввели никаких новых препаратов, только те, которые уже использовали раньше при подготовке.

Глеб лихорадочно думал, пытаясь понять, что происходит. Анафилактический шок без явного аллергена? Это не имело смысла. Если только…

– RFM-7, – внезапно произнёс он. – Что, если это реакция на остатки препарата в её организме? Отложенная реакция, триггером для которой стала наша анестезия?

Марина широко раскрыла глаза, понимая ход его мыслей.

– Теоретически возможно, – быстро сказала она. – Особенно если препарат связывается с определёнными рецепторами, которые также задействованы анестетиками. Но как лечить, если мы не знаем точного механизма?

– Симптоматически, – решил Глеб. – Как тяжёлую аллергическую реакцию. Увеличьте дозу адреналина. Добавьте кортикостероиды. Приготовьте интубацию, если дыхание станет проблематичным.

Команда работала слаженно, выполняя его указания. Глеб отложил хирургические инструменты – завершение операции сейчас было второстепенной задачей. Главное – стабилизировать пациентку.

Через интерком снова раздался голос Бронской.

– Что происходит? – требовательно спросила она. – Почему операция прервана?

– У пациентки критическое состояние, – резко ответил Глеб. – Вероятно, анафилактический шок. Мы пытаемся стабилизировать её.

– Это невозможно, – голос Бронской звучал недоверчиво. – Колесникова прошла все тесты, у неё нет аллергий на стандартные анестетики.

– Это может быть связано с предыдущим вмешательством, – Глеб решил рискнуть и сказать прямо. – С препаратом RFM-7, который был введён ей два года назад. Возможно, он вступает в неизвестное взаимодействие с нашими анестетиками.

Интерком замолчал на несколько секунд, затем Бронская снова заговорила, её голос был напряжён.

– Это невозможно. Препарат не может вызывать таких реакций спустя два года. Должна быть другая причина.

– Мы обсудим это позже, – отрезал Глеб. – Сейчас мне нужно сосредоточиться на спасении пациентки.

Он отключил интерком и полностью сконцентрировался на Колесниковой. Её состояние было критическим, но стабилизирующие меры начинали действовать. Давление медленно возвращалось к норме, пульс становился более регулярным.

– Есть улучшение, – с облегчением сообщила Марина через несколько минут. – Давление поднимается, сатурация кислорода тоже. Похоже, кризис проходит.

Глеб кивнул, не ослабляя внимания. Он не мог позволить себе расслабиться, пока пациентка не будет полностью стабилизирована.

Ещё через двадцать минут интенсивной терапии состояние Колесниковой значительно улучшилось. Её жизненные показатели вернулись к приемлемым значениям, хотя и оставались ниже нормы.

– Она стабильна, – наконец сказал Глеб. – Но операцию необходимо завершить досрочно. Я закрою операционное поле и наложу швы. Дальнейшие коррекции придётся отложить до полного выяснения причин реакции и восстановления пациентки.

Команда молча кивнула, понимая серьёзность ситуации. Глеб быстро и аккуратно завершил операцию, наложив швы на уже сделанные разрезы. Результат был далёк от изначально планируемого – лишь незначительные изменения формы носа, без каких-либо серьёзных коррекций скул или овала лица.

Бронская будет в ярости, но это было наименьшей из его проблем сейчас. Главное – понять, что произошло с Колесниковой и предотвратить подобные ситуации в будущем.

Когда операция была официально завершена, и Колесникову перевезли в палату интенсивной терапии для наблюдения, Глеб вышел из операционной, чувствуя физическое и эмоциональное истощение. В коридоре его ждала Бронская, её лицо было маской холодной ярости.

– В мой кабинет. Немедленно, – процедила она и направилась к лифту, не дожидаясь ответа.

Глеб переглянулся с Мариной, которая вышла вслед за ним.

– Иди, – тихо сказала она. – Я прослежу за Колесниковой. Если что-то изменится, я немедленно сообщу.

Он благодарно кивнул и направился вслед за Бронской, готовясь к неприятному разговору.

В кабинете Вероники Бронской, который временно выделила ей администрация клиники, была почти осязаемая атмосфера напряжения. Медиамагнатка стояла у окна, спиной к двери, когда Глеб вошёл.

– Закройте дверь, – холодно произнесла она, не оборачиваясь.

Глеб закрыл дверь и остался стоять посреди кабинета, не собираясь садиться без приглашения. Он был готов к конфронтации и не собирался уступать позиции.

Бронская наконец повернулась к нему, её лицо было маской контролируемой ярости.

– Вы подвели меня, Глеб Аркадьевич, – произнесла она. – Вы не выполнили согласованный план операции. Вы сделали лишь минимальные изменения, которые абсолютно не соответствуют требованиям проекта. И теперь вы пытаетесь оправдать свою некомпетентность какими-то нелепыми теориями о взаимодействии с RFM-7.

– Это не теории, – спокойно возразил Глеб. – Колесникова испытывала неврологические симптомы – мигрени, фотопсию – которые могут быть связаны с препаратом. А сегодняшняя реакция во время операции только подтверждает мои опасения. Препарат не так безопасен, как вы пытаетесь представить.

– Чушь, – отрезала Бронская. – RFM-7 прошёл все необходимые испытания. Временные неврологические симптомы были отмечены у некоторых пациентов, но они полностью обратимы и не представляют угрозы для жизни.

– Тогда как вы объясните состояние Колесниковой сегодня? – Глеб не собирался отступать. – Анафилактический шок без явного аллергена? Это нетипично для стандартной пластической операции.

Бронская на мгновение замолчала, словно подбирая слова.

– Возможно, у неё была неизвестная аллергия на один из компонентов анестезии, – наконец сказала она. – Или стресс перед операцией вызвал соматическую реакцию. Существуют десятки возможных объяснений, не связанных с RFM-7.

– И все они менее вероятны, чем взаимодействие с экспериментальным препаратом, о действии которого мы знаем так мало, – парировал Глеб. – Особенно учитывая её неврологические симптомы, начавшиеся полгода назад.

– Вы слишком много знаете для человека, который официально не связан с проектом, – Бронская прищурилась. – Кто рассказал вам о неврологических симптомах? Колесникова?

Глеб понял, что допустил ошибку. Он не должен был показывать, что знает больше, чем говорит Бронская. Но отступать было уже поздно.

– Я врач, Вероника Валерьевна, – он старался говорить уверенно. – Моя работа – спрашивать пациентов о их состоянии, о любых необычных симптомах, особенно перед операцией. Колесникова сама рассказала о мигренях и проблемах со зрением во время нашей предоперационной консультации.

– И вы решили связать это с препаратом, о котором практически ничего не знаете, – Бронская покачала головой. – Это непрофессионально, Глеб Аркадьевич. Я ожидала от вас большего.

– Я связал это с препаратом после того, как узнал о его существовании и о том, что Колесникова была одной из первых испытуемых, – возразил Глеб. – И после того, как узнал о странных обстоятельствах смерти Немчинова, который, как оказалось, был напуган и говорил о каких-то «неизвестных последствиях» препарата перед своей смертью.

Лицо Бронской на мгновение застыло, затем она рассмеялась, но смех звучал фальшиво.

– Вы начитались теорий заговора, доктор Савельев, – она покачала головой. – Немчинов умер от сердечного приступа. Это подтверждено официальным расследованием. Никаких «странных обстоятельств» не было.

– Тогда почему препарат «больше недоступен» после его смерти? – Глеб не отступал. – Если он так безопасен и эффективен, почему нет других врачей, которые продолжили бы его применение?

Бронская некоторое время молчала, изучая его лицо. Затем медленно подошла к своему столу и села, указав Глебу на кресло напротив.

– Присаживайтесь, Глеб Аркадьевич, – её тон стал почти дружелюбным. – Давайте поговорим откровенно.

Глеб осторожно сел, не сводя глаз с Бронской. Эта внезапная смена тона настораживала его.

– Вы правы в одном, – начала она. – RFM-7 – действительно экспериментальный препарат, и наши знания о нём всё ещё ограничены. Были отмечены некоторые побочные эффекты, включая временные неврологические симптомы. Но они не опасны для жизни и полностью обратимы при правильном лечении.

– А Немчинов? – настаивал Глеб. – Он умер случайно?

– Он умер от сердечного приступа, – твёрдо сказала Бронская. – Но вы правы, его смерть была связана с проектом, хотя и не так, как вы думаете. Немчинов был… эмоционально нестабилен. Он начал паниковать из-за некоторых побочных эффектов, которые наблюдал у пациентов, хотя они были в пределах ожидаемого для экспериментального препарата. Он угрожал пойти в прессу, сорвать весь проект. Стресс от этой ситуации и привёл к сердечному приступу.

– Или ему помогли уйти из жизни, – мрачно предположил Глеб.

Бронская резко выпрямилась, её глаза сузились.

– Это серьёзное обвинение, доктор Савельев, – её голос стал ледяным. – Я бы советовала вам быть осторожнее в своих предположениях. Особенно без доказательств.

– Я просто рассматриваю все возможности, – Глеб встретил её взгляд без страха. – Как и положено учёному.

– Тогда рассмотрите и эту возможность, – Бронская наклонилась ближе. – Вы можете стать частью революционного проекта, который изменит не только эстетическую медицину, но и всю систему международных отношений. Или вы можете остаться в стороне и наблюдать, как другие получают славу, признание и финансовые выгоды. Выбор за вами, Глеб Аркадьевич.

– А если я выберу не участвовать? – прямо спросил Глеб. – Что тогда?

– Тогда вы продолжите свою карьеру как обычный пластический хирург, – она пожала плечами. – Возможно, с некоторыми… сложностями. В нашем мире репутация – хрупкая вещь. Один неудачный случай, одна статья в СМИ – и годами построенная карьера может рухнуть.

Это была явная угроза, и Глеб понял это. Бронская давала ему понять, что может создать серьёзные проблемы, если он откажется сотрудничать.

– Я должен подумать, – сказал он, выигрывая время. – Сегодняшний инцидент с Колесниковой вызывает у меня серьёзные опасения. Я хочу убедиться в безопасности препарата, прежде чем принимать решение.

– Конечно, – Бронская улыбнулась, но её глаза оставались холодными. – У вас есть время до выписки Колесниковой. После этого я жду вашего окончательного ответа. И, Глеб Аркадьевич… я надеюсь, что вы примете правильное решение. В интересах всех заинтересованных сторон.

Глеб кивнул и поднялся. Разговор был окончен, хотя ничего не было решено. Бронская явно не собиралась отступать, и теперь он должен был решить, как действовать дальше.

– Я сообщу вам своё решение, – сказал он и направился к двери.

– И ещё кое-что, – голос Бронской остановил его у самого выхода. – Будьте осторожны с теми, кому доверяете информацию о проекте. Некоторые люди могут использовать её в своих целях. Например, ваш новый друг Королёв.

Глеб напрягся, но не показал удивления. Значит, Бронская знала о его контактах с Королёвым. Это усложняло ситуацию.

– Я всегда осторожен, – коротко ответил он и вышел из кабинета.

В коридоре он глубоко вдохнул, пытаясь собраться с мыслями. Ситуация становилась всё более опасной. Бронская явно следила за ним, знала о его контактах и не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего. А учитывая её намёки о судьбе Немчинова, это могло означать реальную угрозу не только для его карьеры, но и для жизни.

Ему нужно было действовать быстро и решительно. Первым делом – проверить состояние Колесниковой и убедиться, что она вне опасности. Затем связаться с Мариной и Королёвым, чтобы разработать план действий.

Одно было ясно: он не мог принять предложение Бронской и стать частью проекта, который, судя по всему, был гораздо более опасным и неэтичным, чем она пыталась представить.

Глеб направился в палату интенсивной терапии, где находилась Колесникова после операции. Там уже была Марина, внимательно следящая за показателями мониторов.

– Как она? – спросил Глеб, входя в палату.

– Стабильна, – ответила Марина. – Жизненные показатели нормализовались, сознание ясное, хотя она ещё слаба после анестезии и шока. Я взяла образцы крови для анализа, возможно, это поможет понять причину реакции.

– Хорошо, – Глеб подошёл к кровати и внимательно осмотрел Колесникову. Она спала, её лицо было бледным, но дыхание ровным. Изменения внешности были минимальными – лишь незначительные коррекции формы носа, без каких-либо серьёзных вмешательств в структуру лица.

Бронская будет разочарована результатом, но это было наименьшей из его проблем сейчас.

– Как прошёл разговор с Бронской? – тихо спросила Марина, когда они отошли в угол палаты, чтобы не беспокоить пациентку.

– Напряжённо, – Глеб вздохнул. – Она угрожала моей карьере, если я не присоединюсь к проекту. И намекала, что знает о моих контактах с Королёвым.

– Это опасно, – Марина нахмурилась. – Если она следит за тобой…

– Значит, нам нужно быть ещё осторожнее, – твёрдо сказал Глеб. – Но я не могу согласиться на её условия, особенно теперь, после того, что случилось с Колесниковой. Препарат явно опаснее, чем они признают.

– Что мы будем делать? – Марина выглядела встревоженной.

– Сначала убедимся, что с Колесниковой всё в порядке, – решил Глеб. – Затем соберём все доказательства, которые у нас есть – результаты анализов, медицинские записи, свидетельства о неврологических симптомах. И передадим эту информацию надёжным людям, которые смогут предать её огласке, если с нами что-то случится.

– Думаешь, до этого может дойти? – в глазах Марины был страх.

– Я не знаю, – честно ответил Глеб. – Но после намёков Бронской о судьбе Немчинова… Лучше перестраховаться.

Марина кивнула, принимая его решение. В этот момент Колесникова пошевелилась и медленно открыла глаза. Глеб и Марина немедленно подошли к кровати.

– Алина Сергеевна, – мягко сказал Глеб. – Как вы себя чувствуете?

– Слабость… – её голос был хриплым, еле слышным. – Что случилось? Операция прошла успешно?

– Был неожиданный осложнение, – осторожно сказал Глеб. – У вас развилась сильная аллергическая реакция во время операции. Мы были вынуждены прервать процедуру и оказать экстренную помощь. Сейчас вы в безопасности, но нам пришлось ограничиться минимальными изменениями.

– Вероника будет в ярости, – Колесникова слабо улыбнулась. – Я не соответствую её видению «нового лица России».

– Ваше здоровье важнее любых проектов, – твёрдо сказал Глеб. – И я почти уверен, что реакция была связана с препаратом RFM-7, который вам вводили два года назад. Он может вступать в опасное взаимодействие с анестетиками.

– Я так и знала, что что-то не так с этим препаратом, – тихо сказала Колесникова. – Когда начались мигрени и проблемы со зрением… Но врач, которого рекомендовала Вероника, настаивал, что это просто стресс.

– Мы проведём полное обследование, – заверил её Глеб. – И выясним точную причину вашей реакции. А пока вам нужен покой. Мы будем наблюдать за вами в интенсивной терапии ещё как минимум сутки, а затем переведём в обычную палату.

Колесникова кивнула, явно истощённая даже этим коротким разговором. Её глаза начали закрываться, и вскоре она снова уснула.

Глеб сделал несколько записей в её медицинской карте, затем повернулся к Марине.

– Я должен поговорить с Королёвым, – сказал он. – Он может знать больше о проекте и о препарате, чем рассказал. И он должен знать, что Бронская следит за ним.

– Будь осторожен, – Марина сжала его руку. – Если она действительно так опасна, как мы думаем…

– Я буду, – Глеб мягко коснулся её щеки. – Не беспокойся. Мы справимся с этим вместе.

Он вышел из палаты и направился в свой кабинет, чтобы позвонить Королёву. По пути он заметил, что в клинике царит необычное оживление – медсёстры переговаривались шёпотом, административный персонал выглядел встревоженным. Очевидно, новость о прерванной операции Колесниковой и присутствии Бронской уже распространилась.

В кабинете Глеб набрал номер Королёва, но телефон продюсера был недоступен. Это было странно и немного тревожно. Глеб оставил голосовое сообщение, прося перезвонить как можно скорее, затем сел за стол, обдумывая следующие шаги.

Ему нужно было документировать всё, что он знал о препарате RFM-7 и о проекте «Новое лицо России». Создать своего рода страховку на случай, если Бронская решит принять радикальные меры. Но где хранить эту информацию? Не в клинике, это точно – здесь у Бронской могли быть свои люди. И не дома – если за ним следят, его квартира может быть под наблюдением.

Возможно, у Марины? Или передать информацию надёжному адвокату? Или журналисту, специализирующемуся на медицинских расследованиях?

Пока он обдумывал варианты, в дверь постучали. Это была одна из администраторов клиники.

– Глеб Аркадьевич, вас хочет видеть Игорь Сергеевич, – сказала она, имея в виду главврача. – Он у себя в кабинете.

Глеб кивнул и поднялся. Вероятно, Верещагин хотел обсудить инцидент с Колесниковой и присутствие Бронской в клинике. Это был не самый приятный разговор, но его нельзя было избежать.

По пути в кабинет главврача он заметил, что за ним внимательно наблюдают несколько сотрудников клиники. Это могло быть простым любопытством после необычной операции,

но могло быть и чем-то более зловещим. Если Бронская имела влияние в клинике, она могла попросить некоторых сотрудников следить за ним.

Глеб старался выглядеть спокойным и уверенным, но внутри него нарастало беспокойство. Ситуация становилась всё более опасной, и он должен был действовать быстро, чтобы защитить себя, Марину и, самое главное, своих пациентов от потенциального вреда, связанного с проектом Бронской.

Но сначала ему предстоял разговор с главврачом, который, судя по всему, будет не из приятных.

Кабинет Верещагина был образцом медицинского минимализма – строгая мебель, стеклянный стол, дипломы и сертификаты на стенах. Сам главврач сидел за столом, нервно постукивая пальцами по стеклянной поверхности.

– Глеб Аркадьевич, – он указал на кресло напротив. – Присаживайтесь. Нам нужно серьёзно поговорить.

Глеб сел, сохраняя внешнее спокойствие, хотя внутри был напряжён.

– Что случилось с Колесниковой? – прямо спросил Верещагин. – Мне доложили о прерванной операции, анафилактическом шоке, экстренных мерах. Это не то, что обычно происходит во время плановой пластической операции.

– У пациентки развилась необычная реакция на анестезию, – спокойно ответил Глеб. – Возможно, связанная с её предыдущим хирургическим вмешательством два года назад. Мы стабилизировали её состояние и приняли решение прервать операцию, чтобы не рисковать её здоровьем.

– И Бронская в ярости, – Верещагин снял очки и устало потёр переносицу. – Она уже звонила руководству клиники, требуя объяснений и вашего отстранения от работы.

– На каком основании? – Глеб напрягся.

– Она утверждает, что вы проявили профессиональную некомпетентность, – главврач развёл руками. – Что вы изменили согласованный план операции без медицинских показаний и не смогли адекватно среагировать на осложнения.

– Это абсурд, – возмутился Глеб. – Я действовал строго в соответствии с медицинской этикой и в интересах пациентки. Если я изменил план операции, то только потому, что полный объём вмешательства был потенциально опасен для здоровья Колесниковой, учитывая её медицинскую историю.

– Я знаю, Глеб Аркадьевич, – Верещагин устало кивнул. – Я видел записи мониторов, отчёты медсестёр. Вы действовали профессионально и спасли жизнь пациентки. Но Бронская… у неё серьёзное влияние. И она явно имеет какие-то личные счёты с вами.

– Не личные, – покачал головой Глеб. – Профессиональные и этические. Она хочет, чтобы я участвовал в её проекте, который я считаю потенциально опасным для здоровья пациентов.

– Проект «Новое лицо России»? – Верещагин поднял брови. – Я слышал о нём. Говорят, это какая-то государственная инициатива по улучшению имиджа страны.

– Это лишь верхушка айсберга, – Глеб решил рискнуть и поделиться частью информации с главврачом. – Проект связан с экспериментальным препаратом под названием RFM-7, который может иметь серьёзные побочные эффекты. Колесникова была одной из первых пациенток, кому его вводили два года назад, и я уверен, что её сегодняшняя реакция связана именно с этим.

Верещагин выпрямился в кресле, его лицо выражало смесь недоверия и тревоги.

– Экспериментальный препарат? – он понизил голос. – О чём именно идёт речь?

– О веществе, которое, по словам Бронской, способно модифицировать костно-хрящевые структуры без хирургического вмешательства, – Глеб наклонился ближе. – Звучит как научная фантастика, но я видел документацию и фотографии результатов. Это работает, Игорь Сергеевич. Но, похоже, не без серьёзных последствий для здоровья.

– И Колесникова испытывает эти последствия? – Верещагин нахмурился.

– Мигрени, фотопсия, сегодняшняя анафилактическая реакция… – перечислил Глеб. – Всё это может быть связано с препаратом. И что самое тревожное – хирург, который вводил ей этот препарат, Немчинов, умер при странных обстоятельствах вскоре после процедуры.

– Это серьёзные обвинения, Глеб Аркадьевич, – главврач заметно нервничал. – Если то, что вы говорите, правда, это медицинский скандал национального масштаба. Но у вас есть доказательства?

– Медицинские записи Колесниковой, её собственные показания, результаты сегодняшних анализов… – Глеб задумался. – Не так много, как хотелось бы, но достаточно, чтобы начать расследование.

– Которое никто не позволит провести, если в этом замешаны серьёзные люди, – мрачно заметил Верещагин.

– Именно поэтому я рассказываю вам, – Глеб внимательно посмотрел на главврача. – Я хочу, чтобы вы знали правду, если… если со мной что-то случится.

Верещагин побледнел.

– Вы думаете, до этого может дойти?

– Не знаю, – честно ответил Глеб. – Но Бронская уже угрожала мне, пусть и завуалированно. А учитывая судьбу Немчинова…

– Я понимаю, – главврач снял очки и устало потёр глаза. – Что вы хотите, чтобы я сделал?

– Ничего, – Глеб пожал плечами. – Просто знайте правду. И если со мной что-то случится, помогите Колесниковой. Она тоже жертва в этой ситуации.

Верещагин некоторое время молчал, обдумывая услышанное. Затем медленно кивнул.

– Хорошо, я буду иметь это в виду. Но что касается вашей работы в клинике… Бронская требует вашего отстранения, и руководство склоняется к тому, чтобы удовлетворить её требование, хотя бы временно.

– Я понимаю, – Глеб не выглядел удивлённым. – Клиника должна защищать свою репутацию. Я могу взять отпуск на несколько недель, пока ситуация не прояснится.

– Это было бы разумно, – с облегчением кивнул Верещагин. – И, Глеб Аркадьевич… будьте осторожны. Если то, что вы рассказали – правда, вы играете с огнём.

– Я знаю, – Глеб встал. – Но иногда у нас нет выбора, кроме как противостоять тому, что мы считаем неправильным. Даже если это опасно.

Он вышел из кабинета главврача с ощущением, что сделал правильный выбор, поделившись информацией с Верещагиным. Человек не производил впечатление героя, готового бросить вызов системе, но он казался честным и порядочным. И если дела пойдут совсем плохо, возможно, он сможет помочь Колесниковой и Марине.

Теперь Глебу нужно было связаться с Королёвым и предупредить его о том, что Бронская знает об их контактах. И подготовиться к возможной конфронтации, которая, судя по всему, становилась неизбежной.

Остаток дня Глеб провёл, занимаясь делами пациентов и готовясь к временному отстранению от работы. Он проинструктировал своих ассистентов, переговорил с коллегами, которые должны были взять на себя его пациентов, и проверил состояние Колесниковой, которая продолжала восстанавливаться после неожиданных осложнений.

Связаться с Королёвым так и не удалось – телефон продюсера по-прежнему был недоступен, что начинало вызывать серьёзные опасения. Это могло быть простым совпадением – возможно, он был занят или находился в месте без связи. Но учитывая все обстоятельства, Глеб не мог не думать о худшем.

Вечером, когда большинство сотрудников уже разошлись, он зашёл в палату Колесниковой. Телеведущая уже была переведена из интенсивной терапии в обычную палату и выглядела значительно лучше – цвет лица нормализовался, дыхание было ровным. Марина сидела рядом с ней, проверяя показатели.

– Как самочувствие? – спросил Глеб, подходя к кровати.

– Лучше, – слабо улыбнулась Колесникова. – Хотя голова всё ещё кружится, когда пытаюсь встать.

– Это нормально после перенесённого шока, – кивнул Глеб. – Отдыхайте и набирайтесь сил. Вероятно, через пару дней вас можно будет выписать.

– А операция? – в её глазах была тревога. – Вероника уже приходила, была очень недовольна. Сказала, что результат не соответствует требованиям проекта.

– Операцию пришлось прервать из-за вашей реакции, – объяснил Глеб. – Мы успели сделать лишь минимальные коррекции. И, честно говоря, я бы не рекомендовал повторное вмешательство в ближайшее время. Сначала нужно полностью разобраться с причиной осложнений.

– То есть, с RFM-7, – тихо сказала Колесникова.

Глеб кивнул.

– Я почти уверен, что ваша реакция связана с этим препаратом. Возможно, он вступает в какое-то взаимодействие с компонентами анестезии. Или имеет отложенные эффекты, о которых Бронская предпочитает не упоминать.

– Что мне делать? – Колесникова выглядела испуганной. – Вероника не отступит. Проект слишком важен для неё.

– Сейчас вы должны думать только о своём здоровье, – твёрдо сказал Глеб. – Как только вам станет лучше, я организую консультацию с хорошим неврологом. Он проведёт полное обследование и поможет понять, есть ли связь между вашими симптомами и препаратом.

– А вы? – она внимательно посмотрела на него. – Вероника говорила, что вас отстраняют от работы.

– Временно, – Глеб постарался улыбнуться. – Бюрократические формальности после неожиданного осложнения у VIP-пациента. Ничего необычного.

Колесникова не выглядела убеждённой, но кивнула. Глеб заметил, что Марина смотрит на него с беспокойством, но она не сказала ничего при пациентке.

После ещё нескольких минут разговора Глеб попрощался с Колесниковой и вышел из палаты. Марина последовала за ним.

– Ты действительно отстранён? – тихо спросила она, когда они оказались в коридоре.

– Да, но формально я сам взял отпуск, – Глеб пожал плечами. – Так будет лучше для всех. Клиника избежит скандала, а я смогу сосредоточиться на расследовании того, что на самом деле происходит с проектом Бронской и препаратом RFM-7.

– Это опасно, – Марина выглядела встревоженной. – Особенно если Бронская действительно следит за тобой.

– Я буду осторожен, – Глеб мягко сжал её руку. – И тебе тоже нужно быть осторожной. Не показывай, что знаешь больше, чем положено знать анестезиологу. И сосредоточься на заботе о Колесниковой – ей нужна твоя помощь и защита.

– А как же мы? – тихо спросила Марина. – Ты просто исчезнешь на время?

– Конечно нет, – Глеб улыбнулся. – Мы будем видеться. Просто не в клинике и не у меня дома – оба места могут быть под наблюдением. Может быть, у тебя?

– Конечно, – Марина кивнула, явно успокоенная. – Я буду ждать тебя сегодня вечером. И… будь осторожен. Пожалуйста.

– Обещаю, – Глеб осторожно огляделся и, убедившись, что в коридоре никого нет, быстро поцеловал её. – До вечера.

Он направился к своему кабинету, чтобы забрать личные вещи. По пути размышлял о ситуации, в которой оказался. Всего несколько недель назад его жизнь была простой и понятной – успешная карьера, признание, комфорт. Теперь всё это было под угрозой из-за конфликта с влиятельной женщиной, за которой стояли ещё более влиятельные силы.

Но, странным образом, Глеб не чувствовал сожаления о своём выборе. Впервые за долгое время он действовал в соответствии с тем, что считал правильным, а не просто в соответствии с тем, что было выгодно. И это давало ему ощущение внутренней свободы, которого он не испытывал уже много лет.

С этими мыслями он вошёл в свой кабинет и начал собирать личные вещи, готовясь к временному, а возможно, и постоянному прощанию с клиникой, которая была центром его профессиональной жизни последние годы.

Вечером Глеб приехал к Марине. Её квартира была скромной по сравнению с его пентхаусом, но уютной и наполненной жизнью – книги, картины, живые растения. Здесь чувствовалась личность хозяйки, в отличие от его стерильного, безликого жилища.

– Проходи, – Марина открыла дверь и впустила его. – Я приготовила ужин.

Глеб с удивлением осознал, что действительно голоден – он не ел с самого утра, поглощённый событиями дня. Аромат домашней еды наполнял квартиру, создавая ощущение тепла и комфорта.

– Пахнет потрясающе, – искренне сказал он, следуя за ней на кухню.

– Ничего особенного, просто паста с морепродуктами, – она улыбнулась. – Как прошёл остаток дня? Удалось связаться с Королёвым?

– Нет, – Глеб нахмурился. – Его телефон по-прежнему недоступен. Это начинает меня беспокоить.

– Думаешь, с ним что-то случилось? – Марина внимательно посмотрела на него, раскладывая пасту по тарелкам.

– Не знаю, – честно ответил Глеб. – Но учитывая, что Бронская знает о наших контактах и явно следит за мной… это вызывает опасения.

Они сели за стол, и некоторое время ели молча, погружённые каждый в свои мысли. Глеб наслаждался вкусом домашней еды – он не помнил, когда в последний раз ел что-то, приготовленное не ресторанным шеф-поваром или службой доставки.

– Так что мы будем делать? – наконец спросила Марина. – У тебя есть план?

– Частичный, – Глеб отложил вилку. – Сначала мы должны собрать все доказательства, которые у нас есть о препарате RFM-7 и его побочных эффектах. Результаты анализов Колесниковой, записи о её реакции во время операции, её свидетельства о неврологических симптомах. Затем найти других пациентов, которые могли получить этот препарат. Возможно, у них тоже есть побочные эффекты, о которых они не связывают с процедурой.

– А потом? – Марина выглядела заинтересованной.

– Потом мы найдём надёжного журналиста или медицинского юриста, который поможет придать огласке эту информацию. Если препарат действительно опасен, общественность должна об этом знать.

– А как же Бронская? – Марина нахмурилась. – Она не позволит так просто разрушить свой проект.

– Именно поэтому нам нужно действовать быстро и осторожно, – Глеб сделал глоток вина. – И иметь запасной план на случай, если она попытается нам помешать.

– Какой? – Марина выглядела встревоженной.

– Я работаю над этим, – уклончиво ответил Глеб. – Пока лучше, чтобы ты не знала всех деталей. Так будет безопаснее для тебя.

Марина хотела возразить, но в этот момент зазвонил телефон Глеба. Он быстро достал его из кармана и с удивлением увидел на экране имя Королёва.

– Наконец-то, – с облегчением сказал он и ответил. – Денис Игоревич, я пытался связаться с вами весь день.

– Савельев, – голос Королёва звучал напряжённо. – Извините за радиомолчание. У меня были… проблемы со связью. Но я слышал о том, что случилось в клинике. Колесникова в порядке?

– Относительно, – осторожно ответил Глеб. – У неё была серьёзная реакция во время операции, возможно, связанная с препаратом RFM-7. Но сейчас её состояние стабильно.

– Это подтверждает мои опасения, – мрачно сказал Королёв. – У меня появилась новая информация о препарате. Очень тревожная. Нам нужно встретиться, но не в «Рафинаде» – слишком публичное место. У вас есть безопасное место для разговора?

Глеб бросил взгляд на Марину, которая внимательно слушала его часть разговора.

– Да, – сказал он после паузы. – Записывайте адрес.

Он продиктовал адрес Марины, предварительно уточнив у неё согласие взглядом. Она кивнула, хотя в её глазах было беспокойство.

– Буду через час, – сказал Королёв. – И, Савельев… никому не говорите о встрече. Даже тем, кому доверяете.

– Понимаю, – коротко ответил Глеб и завершил звонок.

– Что происходит? – тревожно спросила Марина. – Почему он хочет встретиться здесь?

– Говорит, у него новая информация о препарате, – Глеб потёр подбородок. – И, судя по его тону, она не из приятных. Ты не против, что я дал ему твой адрес?

– Нет, конечно, – она покачала головой. – Просто… ты уверен, что ему можно доверять? Что это не ловушка?

– Не уверен, – признался Глеб. – Но он единственный, кто активно помогал мне разобраться в этой истории. И если у него действительно есть новая информация о препарате, мы должны её услышать.

Марина кивнула, принимая его решение, хотя тревога в её глазах не исчезла. Они закончили ужин, убрали посуду и стали ждать прибытия Королёва, напряжённо обсуждая возможные сценарии развития событий.

Ровно через час в дверь позвонили. Марина пошла открывать, а Глеб остался в гостиной, настороженно прислушиваясь. Через минуту она вернулась в сопровождении Королёва, который выглядел измотанным и встревоженным, с лёгкой щетиной на обычно гладко выбритом лице.

– Савельев, – он кивнул Глебу. – И… Марина Олеговна, верно? Анестезиолог. Рад знакомству, хотя обстоятельства не самые приятные.

– Присаживайтесь, – Марина указала на кресло. – Могу я предложить вам что-нибудь? Чай, кофе?

– Кофе был бы кстати, – Королёв устало опустился в кресло. – Последние двадцать четыре часа выдались… напряжёнными.

Пока Марина готовила кофе, Глеб внимательно изучал Королёва. Продюсер выглядел не просто уставшим – он выглядел испуганным. Его обычная самоуверенность исчезла, уступив место нервозности и настороженности.

– Что случилось? – прямо спросил Глеб. – Почему вы были недоступны весь день?

Королёв огляделся, словно проверяя, нет ли в комнате прослушивающих устройств. Затем наклонился ближе и заговорил тихим голосом.

– За мной следили. Возможно, даже пытались похитить или что-то похуже. Я заметил слежку вчера вечером, когда выходил из «Рафинада» после нашей встречи. Двое мужчин в тёмном седане. Они следовали за моей машиной до самого дома. Я решил не рисковать и ушёл через запасной выход, оставив машину на парковке.

– И что вы делали весь день? – Глеб нахмурился.

– Переезжал с места на место, используя только наличные, выключив телефон, – Королёв говорил быстро, нервно. – Останавливался в мотелях, где не требуют документов, менял такси… Паранойя? Возможно. Но после того, что случилось с Немчиновым, я предпочитаю перестраховаться.

Марина вернулась с кофе и села рядом с Глебом, внимательно слушая.

– Вы говорили, у вас новая информация о препарате, – напомнил Глеб.

– Да, – Королёв отпил кофе. – И она объясняет, почему за мной могли охотиться. Я нашёл одного из учёных, участвовавших в разработке RFM-7. Бывший сотрудник закрытого НИИ, сейчас работает консультантом в фармацевтической компании. Он согласился встретиться со мной анонимно, в обмен на обещание не раскрывать его личность.

– И что он рассказал? – Глеб подался вперёд.

– Препарат опаснее, чем мы думали, – мрачно сказал Королёв. – Он действительно способен модифицировать костно-хрящевые структуры без хирургического вмешательства, воздействуя на генетическом уровне на клетки, ответственные за формирование и регенерацию тканей. Но есть побочные эффекты, которые Бронская и её команда предпочитают игнорировать.

– Какие именно? – спросил Глеб, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

– Неврологические – мигрени, нарушения зрения, головокружения. Это первый уровень, который проявляется в течение нескольких месяцев после введения препарата, – Королёв загибал пальцы. – Затем иммунологические – повышенная чувствительность к определённым веществам, включая компоненты анестезии, что объясняет реакцию Колесниковой. И наконец, самые серьёзные – необратимые изменения в структуре ДНК, которые могут привести к онкологическим заболеваниям или нарушениям работы органов в долгосрочной перспективе.

– Господи, – прошептала Марина. – И они знают об этих рисках?

– Знают, – кивнул Королёв. – Но считают их «допустимыми» ради достижения целей проекта. Более того, первая группа испытуемых, включая Колесникову, по сути, подопытные кролики. Их реакции изучают, чтобы усовершенствовать препарат для второй фазы проекта.

– Второй фазы? – Глеб напрягся. – Что это значит?

Королёв сделал глоток кофе, собираясь с мыслями.

– Проект «Новое лицо России» имеет две фазы, – наконец сказал он. – Первая – то, что они публично представляют: изменение внешности публичных лиц для улучшения имиджа страны. Но есть и вторая, о которой знают только посвящённые. Они планируют использовать усовершенствованную версию препарата для более… специфических целей.

– Каких? – Глеб чувствовал, как нарастает тревога.

– Создания специальных агентов влияния, – тихо сказал Королёв. – Людей, чья внешность будет модифицирована таким образом, чтобы вызывать определённые психологические реакции у целевой аудитории. Идеальных переговорщиков, дипломатов, шпионов… Тех, кто сможет влиять на решения противоположной стороны на подсознательном уровне, благодаря своей внешности.

– Это звучит как научная фантастика, – Глеб покачал головой. – Или как бред параноика.

– Я тоже так думал, пока не увидел документы, – Королёв достал из внутреннего кармана пиджака флешку. – Здесь копии исследований, которые проводились в рамках проекта.

Исследования влияния определённых черт лица на принятие решений, на уровень доверия, на подсознательные реакции. И результаты первых испытаний на добровольцах, включая Колесникову.

Он положил флешку на стол, и все трое уставились на неё, словно это была бомба, готовая взорваться.

– Если то, что вы говорите – правда, – медленно произнёс Глеб, – то мы имеем дело не просто с неэтичным медицинским экспериментом, а с чем-то гораздо более серьёзным. С программой создания… биологического оружия влияния.

– Именно, – кивнул Королёв. – И теперь вы понимаете, почему за мной могли охотиться. И почему Бронская так настойчиво хотела привлечь вас к проекту. Ваша репутация, ваш статус придали бы легитимность их исследованиям.

– А теперь, когда я отказался и фактически противостою им… – Глеб не закончил фразу.

– Вы стали угрозой, – мрачно закончил Королёв. – Особенно после сегодняшнего инцидента с Колесниковой. Если вы начнёте расследование, если привлечёте внимание к побочным эффектам препарата, весь проект может оказаться под угрозой.

– И что нам делать? – тихо спросила Марина, её лицо было бледным.

– Обнародовать информацию, – твёрдо сказал Глеб. – Если препарат действительно так опасен, общественность должна об этом знать. И тем более должны знать те, кому его уже вводили.

– Это не так просто, – покачал головой Королёв. – За проектом стоят очень влиятельные люди. Если мы просто пойдём в СМИ, нас заставят замолчать ещё до публикации. Нам нужен план, стратегия.

– И какой план вы предлагаете? – Глеб смотрел на продюсера с нарастающим подозрением. Что-то в его рассказе не складывалось, казалось слишком драматичным, слишком… кинематографичным.

– У меня есть контакты за рубежом, – сказал Королёв. – Журналисты, которые специализируются на медицинских расследованиях. Если передать им документы, они смогут опубликовать информацию о проекте вне досягаемости российских властей. Но для этого нам нужно больше доказательств, чем просто слова анонимного учёного. Нам нужны медицинские записи Колесниковой, результаты её анализов, документация о реакции во время операции.

– Которые находятся в клинике, – задумчиво сказал Глеб. – И я сейчас отстранён от работы.

– Но я – нет, – тихо сказала Марина. – Я могу получить доступ к этим документам.

– Это опасно, – Глеб покачал головой. – Если Бронская узнает…

– Не узнает, если всё сделать аккуратно, – возразила Марина. – Я имею законный доступ к этим документам как анестезиолог, участвовавший в операции. Никто не заподозрит ничего странного, если я изучаю материалы по пациентке, с которой были осложнения.

Глеб колебался. План Королёва имел смысл, но что-то по-прежнему беспокоило его. Возможно, скорость, с которой продюсер переходил от теорий заговора к конкретным действиям. Или его готовность рисковать не своей, а чужой безопасностью.

– Давайте сначала изучим то, что у вас уже есть, – предложил Глеб, указывая на флешку. – И проверим, насколько это согласуется с тем, что мы знаем о Колесниковой и её симптомах. Если информация подтвердится, тогда будем думать о следующих шагах.

– Разумно, – согласился Королёв, хотя в его глазах мелькнуло раздражение. – Но не затягивайте с решением. Если Бронская заподозрит, что я поделился с вами информацией, она предпримет меры. И я не хочу оказаться следующим Немчиновым.

– Никто не хочет, – мрачно заметил Глеб. – Поэтому мы должны действовать обдуманно и осторожно.

Они провели ещё два часа, обсуждая детали и изучая информацию с флешки Королёва. Документы выглядели убедительно – научные отчёты, результаты исследований, протоколы испытаний. Всё указывало на то, что RFM-7 действительно имел серьёзные побочные эффекты, о которых Бронская и её команда предпочитали умалчивать.

Когда Королёв ушёл, Глеб и Марина остались сидеть в тишине, обдумывая полученную информацию.

– Ты ему веришь? – наконец спросила Марина.

– Не полностью, – признался Глеб. – В его рассказе есть нестыковки, преувеличения. Но основа, похоже, правдива. Документы выглядят настоящими, и они объясняют реакцию Колесниковой и её неврологические симптомы.

– Что мы будем делать? – Марина выглядела встревоженной.

– То, что я сказал Королёву, – Глеб взял её за руку. – Действовать обдуманно и осторожно. Сначала проверим информацию, сопоставим с тем, что мы знаем о Колесниковой. Затем решим, как действовать дальше.

– А если он прав насчёт опасности? – Марина сжала его руку. – Если Бронская действительно может… принять меры?

– Тогда мы будем готовы, – твёрдо сказал Глеб. – У нас уже есть копия информации Королёва. Завтра ты попробуешь аккуратно собрать документацию о Колесниковой. И мы создадим несколько копий всех материалов, которые будут храниться в разных местах. Если с одним из нас что-то случится, другой сможет продолжить.

– Звучит как шпионский триллер, – нервно улыбнулась Марина. – Никогда не думала, что окажусь в такой ситуации.

– Я тоже, – Глеб притянул её к себе. – Но мы справимся. Вместе.

Они обнялись, находя утешение в близости друг друга. День был длинным и тревожным, и завтра, вероятно, будет не легче. Но сейчас, в этот момент, они могли просто быть вместе, забывая на время о заговорах, опасных препаратах и влиятельных людях, готовых на всё ради своих амбиций.

Утро следующего дня началось с тревожных новостей. Глеб проснулся от звонка телефона – звонила Марина, которая уже была в клинике.

– Колесникова исчезла, – без предисловий сказала она. – Её палата пуста, личные вещи исчезли. Никто не видел, как она уходила.

– Что? – Глеб мгновенно проснулся. – Когда это произошло?

– Ночью, вероятно. Медсестра проверяла её в два часа, всё было нормально. А в шесть утра палата уже была пуста.

– Камеры наблюдения? – Глеб лихорадочно соображал.

– Верещагин проверяет, но, похоже, была техническая неполадка. Записи за ночь отсутствуют.

– Слишком удобная неполадка, – мрачно заметил Глеб. – Это Бронская. Она забрала Колесникову, чтобы мы не могли с ней связаться.

– Или чтобы скрыть последствия препарата, – тихо сказала Марина. – Что мы будем делать?

– Попробуй выяснить, кто последним видел Колесникову. Может быть, она сказала кому-то, куда направляется. И проверь, есть ли в системе её выписка – если Бронская хотела сделать всё легально, должен быть какой-то документ.

– Хорошо, – Марина звучала встревоженно. – А ты?

– Я свяжусь с Королёвым, – решил Глеб. – Может быть, у него есть контакты, которые помогут найти Колесникову. И проверю её квартиру – есть шанс, что она просто сбежала из клиники, опасаясь Бронской, и вернулась домой.

– Будь осторожен, – предупредила Марина. – Если Бронская действительно стоит за исчезновением Колесниковой, твой визит в её квартиру может быть опасен.

– Я буду, – заверил её Глеб. – Свяжись со мной, если узнаешь что-то новое.

Завершив звонок, он быстро оделся и позвонил Королёву. Телефон продюсера снова был недоступен, что усилило тревогу Глеба. Возможно, Королёв снова скрывался от предполагаемых преследователей. Или с ним уже случилось что-то серьёзное.

Решив не терять времени, Глеб поехал к дому Колесниковой на Патриарших прудах. По пути он внимательно следил, нет ли за ним слежки, но ничего подозрительного не заметил. Возможно, Бронская ещё не знала, что он в курсе исчезновения Колесниковой. Или она была слишком занята, разбираясь с самой телеведущей, чтобы следить за ним.

У подъезда Колесниковой всё выглядело нормально – никаких признаков охраны или наблюдения. Глеб позвонил в домофон, но ответа не последовало. Он попытался ещё несколько раз, с тем же результатом.

Выйдя из подъезда, он оглядел окна квартиры Колесниковой – шторы были задёрнуты, никаких признаков жизни. Возможно, она действительно была дома, но просто не хотела никого видеть. Или Бронская привезла её сюда и держала под охраной. Или её не было здесь вовсе.

Глеб решил попытаться узнать больше у консьержа или соседей. Вернувшись в подъезд, он подошёл к пожилому мужчине, сидевшему за стойкой консьержа.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался Глеб. – Я доктор Савельев, лечащий врач Алины Сергеевны Колесниковой. Мне нужно срочно с ней связаться по поводу её лечения, но она не отвечает на звонки. Вы не видели её сегодня?

Консьерж внимательно посмотрел на него.

– Документы, подтверждающие, что вы доктор?

Глеб достал своё медицинское удостоверение и показал консьержу. Тот внимательно изучил его, затем кивнул.

– Алина Сергеевна не возвращалась домой уже несколько дней, – сказал он. – Последний раз я видел её… дня четыре назад, когда она уезжала, сказала, что ложится в клинику на операцию.

– А сегодня ночью или утром никто не приходил в её квартиру? – Глеб старался звучать непринуждённо.

– Нет, – консьерж покачал головой. – Я дежурю с полуночи, никто не входил в её квартиру. Хотя… был странный звонок около часа ночи.

– Какой звонок? – Глеб напрягся.

– Кто-то звонил в домофон, спрашивал Алину Сергеевну. Я сказал, что её нет дома. Они поблагодарили и повесили трубку.

– Кто это был, не сказали?

– Нет, – консьерж пожал плечами. – Мужской голос, вот и всё, что я могу сказать.

Глеб поблагодарил консьержа и вышел из подъезда, обдумывая полученную информацию. Значит, Колесникова не возвращалась домой. И кто-то интересовался её местонахождением примерно в то же время, когда она исчезла из клиники. Совпадение? Маловероятно.

Он позвонил Марине, чтобы поделиться новостями.

– Её нет дома, – сказал он, когда Марина ответила. – И, по словам консьержа, она не возвращалась с того дня, как легла в клинику. Что у тебя?

– Ничего хорошего, – голос Марины звучал встревоженно. – Я проверила систему – есть документ о выписке Колесниковой, подписанный заместителем главврача около полуночи.

Причина – «по настоянию пациентки». Но когда я поговорила с замглавврача, он сказал, что никаких документов не подписывал и даже не был в клинике в это время.

– Подделка, – мрачно заключил Глеб. – Кто-то хотел создать видимость легальной выписки.

– Именно, – согласилась Марина. – И ещё кое-что странное. Бронская была здесь рано утром, говорила с Верещагиным. После этого разговора он выглядел очень бледным и отказался обсуждать исчезновение Колесниковой, сказал только, что «ситуация под контролем» и «не о чем беспокоиться».

– Она его запугала, – Глеб не удивился. – Или подкупила. В любом случае, ясно, что Бронская замешана в исчезновении Колесниковой.

– Что мы будем делать? – в голосе Марины была тревога.

– Я попробую найти Королёва, – решил Глеб. – Возможно, у него есть связи, которые помогут найти Колесникову. А ты… будь осторожна. Не показывай, что подозреваешь что-то неладное. И попробуй аккуратно собрать все доступные медицинские записи о Колесниковой – анализы, результаты мониторинга во время операции, всё, что может подтвердить связь её состояния с препаратом.

– Хорошо, – Марина помолчала. – Глеб… я боюсь. Если они могли так просто вывести пациентку из клиники, подделать документы, заставить замолчать главврача… на что ещё они способны?

– Я тоже боюсь, – честно признался Глеб. – Но мы не можем просто закрыть глаза на происходящее. Речь идёт о здоровье и жизни людей. Мы должны действовать, даже если это опасно.

– Я знаю, – тихо сказала Марина. – Просто… будь осторожен. И не пропадай, как Королёв.

– Не пропаду, – пообещал Глеб. – Я свяжусь с тобой через несколько часов, в любом случае.

Завершив разговор, он сел в машину и некоторое время просто сидел, обдумывая ситуацию. Колесникова исчезла из клиники, возможно, против своей воли. Бронская, скорее всего, была причастна к этому исчезновению. Королёв снова был недоступен. А сам Глеб оказался в эпицентре опасного конфликта, связанного с секретным препаратом и политическим проектом.

Что ему делать? Куда идти? К кому обратиться за помощью?

Полиция? Бесполезно – если за проектом стояли настолько влиятельные люди, как утверждал Королёв, обычное заявление о пропаже человека ничего не даст.

СМИ? Рискованно – без твёрдых доказательств его могут обвинить в клевете, а с доказательствами публикация может не пройти редакционный контроль, если там есть связи Бронской.

Оставался только один вариант – продолжать собирать информацию и доказательства, стараясь при этом не привлекать внимания Бронской и её людей. И надеяться, что Колесникова жива и относительно здорова, где бы она ни находилась.

С этими мыслями Глеб завёл машину и поехал обратно к Марине. Ему нужно было более детально изучить информацию с флешки Королёва и сопоставить её с тем, что он знал о состоянии Колесниковой. Возможно, там будут подсказки о том, что могло произойти с телеведущей и где её искать.

День прошёл в тревожном ожидании. Глеб несколько раз пытался дозвониться до Королёва, но телефон продюсера по-прежнему был недоступен. Он изучал документы с флешки, делая заметки и выписывая ключевые моменты. Информации было много, но она была фраг-

ментарной – отчёты об отдельных аспектах исследований, результаты некоторых испытаний, технические спецификации препарата. Не хватало общей картины, связующего звена, которое объединило бы всё это в единое целое.

Вечером вернулась Марина, уставшая, но с небольшой победой – ей удалось скопировать большую часть медицинской документации Колесниковой, включая результаты анализов и записи мониторинга во время операции.

– Не было просто, – сказала она, доставая флешку из сумки. – За мной следили весь день. Не явно, но я чувствовала взгляды. Особенно когда была в архиве.

– Кто следил? – Глеб нахмурился.

– Не знаю точно, – Марина покачала головой. – Разные люди в разное время. Медсестра, которая обычно не работает в нашем отделении. Охранник, который слишком часто проходил мимо архива. Новый администратор, который задавал странные вопросы о Колесниковой…

– Бронская расставила своих людей по всей клинике, – мрачно заключил Глеб. – Она боится, что мы найдём доказательства её причастности к исчезновению Колесниковой или к побочным эффектам препарата.

– Но я всё равно смогла скопировать документы, – Марина слабо улыбнулась. – Воспользовалась тем, что у меня, как анестезиолога, есть законное право изучать эти материалы для анализа осложнений во время операции.

– Ты молодец, – Глеб обнял её. – Но я боюсь, что теперь ты тоже в опасности. Если Бронская заподозрит, что у тебя есть копии этих документов…

– Я была осторожна, – заверила его Марина. – Никто не видел, как я копировала файлы. А после я провела несколько часов, составляя официальный отчёт о осложнениях, чтобы моё присутствие в архиве выглядело обоснованным.

– Всё равно, тебе, возможно, стоит взять отпуск, – предложил Глеб. – Хотя бы на несколько дней, пока мы не разберёмся, что происходит.

– И оставить Бронскую без присмотра? – Марина покачала головой. – Нет, я должна оставаться в клинике. Это наши глаза и уши там. Кто-то должен следить за её действиями.

Глеб хотел возразить, но понимал, что она права. Им нужен был свой человек в клинике, и Марина была единственной, кто мог выполнять эту роль.

– Хорошо, – неохотно согласился он. – Но будь предельно осторожна. Не рискуй без необходимости.

Они провели вечер, анализируя полученные материалы. Медицинские записи Колесниковой показывали явные аномалии – странные показатели некоторых энзимов в крови, нетипичные реакции на стандартные препараты, признаки системного воспаления, которые не имели очевидной причины.

– Это согласуется с информацией Королёва, – задумчиво сказал Глеб, сравнивая записи с документами с флешки продюсера. – Препарат вызывает изменения на клеточном уровне, которые могут проявляться такими симптомами. И если верить этим отчётам об испытаниях, со временем симптомы только усугубляются.

– Если это так, Колесникова в серьёзной опасности, – встревоженно сказала Марина. – Её состояние может ухудшиться без правильного медицинского наблюдения.

– Или с неправильным, – мрачно добавил Глеб. – Если Бронская забрала её для продолжения экспериментов или для скрытия последствий препарата… Я даже боюсь представить, что с ней может быть.

– Мы должны её найти, – Марина выглядела решительной. – И не только ради неё самой, но и ради других, кто мог получить этот препарат. Сколько там было испытуемых, по данным Королёва?

Глеб пролистал документы.

– В первой группе – двенадцать человек, включая Колесникову. Все связаны с медиа или публичной сферой – телеведущие, актёры, модели, один политический комментатор…

– И все они могут испытывать те же симптомы, – закончила Марина. – Возможно, даже не подозревая о причине.

– Именно, – кивнул Глеб. – Мы должны попытаться найти их, предупредить. Но сначала нужно найти Колесникову. Она ключ ко всему этому.

– Как мы собираемся её искать? – Марина выглядела обеспокоенной. – У нас нет ни ресурсов полиции, ни связей Бронской.

– Но у нас есть профессиональные знания, – задумчиво сказал Глеб. – Если Колесникова действительно в плохом состоянии, Бронская должна была обеспечить ей медицинское наблюдение. Значит, она должна быть либо в другой клинике, либо в частном медицинском центре, либо в каком-то месте, где есть доступ к медицинскому оборудованию и персоналу.

– Это сужает поиск, но не слишком, – вздохнула Марина. – В Москве сотни клиник и медцентров.

– Да, но лишь некоторые из них имеют оборудование и специалистов для мониторинга сложных неврологических состояний, – Глеб начал размышлять вслух. – И ещё меньше тех, кто согласится принять пациентку без официальных документов или с поддельными. Это должно быть место, где Бронская имеет влияние или контроль.

– Её собственная клиника? – предположила Марина. – У неё ведь есть доля в каком-то медицинском центре, я читала об этом.

– «ВитаНова», – кивнул Глеб. – Элитный медицинский центр на Рублёвке. Специализируется на эстетической медицине и антивозрастных технологиях. И да, Бронская – один из основных инвесторов.

– Это логичное место, чтобы спрятать Колесникову, – согласилась Марина. – Персонал лоялен Бронской, территория охраняется, доступ ограничен.

– И там есть всё необходимое оборудование для мониторинга состояния пациентки, – добавил Глеб. – Стоит проверить.

– Как мы это сделаем? – Марина выглядела скептичной. – Просто приедем и спросим, не держат ли они здесь известную телеведущую против её воли?

– Конечно нет, – Глеб задумался. – Нам нужен предлог для визита. Что-то, что не вызовет подозрений.

– Я могла бы попытаться устроиться туда на работу, – предложила Марина. – Они всегда ищут квалифицированный медперсонал. С моей специализацией и опытом у меня есть шанс.

– Слишком долго и рискованно, – покачал головой Глеб. – Бронская может узнать о твоём трудоустройстве и заподозрить неладное. Нам нужен более быстрый и незаметный способ.

– Тогда что ты предлагаешь?

Глеб на мгновение замолчал, обдумывая варианты.

– У меня есть знакомый в «ВитаНова», – наконец сказал он. – Анатолий Крылов, заведующий отделением пластической хирургии. Мы учились вместе, иногда консультируемся по сложным случаям. Возможно, он мог бы помочь… если осторожно подойти к вопросу.

– Ты ему доверяешь? – с сомнением спросила Марина.

– Не полностью, – признал Глеб. – Но он хороший врач с твёрдыми этическими принципами. Если я намекну, что речь идёт о благополучии пациента, он может помочь, не задавая лишних вопросов.

– Это рискованно, – Марина нахмурилась. – Если он лоялен Бронской…

– Я буду очень осторожен, – заверил её Глеб. – Сначала прощупаю почву, выясню, что он знает о Колесниковой, не называя имён. И только если почувствую, что ему можно доверять, перейду к конкретным вопросам.

Марина всё ещё выглядела не убеждённой, но кивнула.

– Хорошо. Но давай разработаем запасной план на случай, если что-то пойдёт не так.

Они провели следующий час, обсуждая детали и продумывая варианты действий в различных сценариях. Затем Глеб позвонил Крылову, предложив встретиться за ужином, чтобы обсудить «интересный медицинский случай». К его облегчению, Крылов согласился, назначив встречу на следующий вечер.

– Итак, завтра мы сделаем первый шаг к поиску Колесниковой, – сказал Глеб, закончив звонок. – А пока давай ещё раз просмотрим документы и подготовим все вопросы, которые нужно задать Крылову, не вызывая подозрений.

Марина кивнула, и они вернулись к изучению материалов, чувствуя, что наконец-то появился проблеск надежды в этой сложной и опасной ситуации.

Следующий день прошёл в напряжённом ожидании вечерней встречи с Крыловым. Глеб оставался в квартире Марины, изучая документы и готовясь к разговору. Марина уехала в клинику, обещав быть осторожной и не привлекать внимания.

Около полудня Глебу наконец удалось дозвониться до Королёва.

– Савельев, – голос продюсера звучал напряжённо. – Извините за молчание. Ситуация… осложнилась.

– Вы знаете, что Колесникова исчезла? – прямо спросил Глеб.

– Знаю, – мрачно подтвердил Королёв. – И боюсь, что это связано с тем, что я рассказал вам о проекте. Возможно, Бронская как-то узнала о нашей встрече и решила действовать на опережение.

– У вас есть идеи, где может быть Колесникова? – Глеб решил не говорить о своих подозрениях насчёт «ВитаНова», пока не убедится, что Королёву можно полностью доверять.

– Нет, – Королёв помолчал. – Но я работаю над этим. У меня есть источники, которые могут что-то знать. Как только будет информация, я свяжусь с вами.

– Вы в безопасности? – спросил Глеб, вспоминая рассказ продюсера о слежке.

– Относительно, – уклончиво ответил Королёв. – Я меняю места пребывания, использую разные телефоны. Пока что это работает. А вы? Бронская не предпринимала никаких действий против вас?

– Пока нет, – сказал Глеб. – По крайней мере, явных. Но я отстранён от работы в клинике, и за Мариной, похоже, следят.

– Будьте осторожны, – предупредил Королёв. – Бронская не из тех, кто оставляет свидетелей. Особенно теперь, когда проект под угрозой из-за утечки информации.

– Я буду, – заверил его Глеб. – Свяжитесь со мной, если узнаете что-то о Колесниковой.

Завершив разговор, Глеб задумался. Что-то в поведении Королёва не давало ему покоя. Продюсер явно что-то недоговаривал, и это усиливало подозрения Глеба. Возможно, у Королёва были свои мотивы в этой ситуации, не связанные с заботой о здоровье Колесниковой или с разоблачением опасного препарата.

Вечером, готовясь к встрече с Крыловым, Глеб решил не рассказывать коллеге всё, что знает. Он будет осторожен, сначала выяснит, насколько Крылов вовлечён в проект Бронской и что ему известно о Колесниковой.

Ресторан, который выбрал Крылов для встречи, был тихим и элегантным, с отдельными кабинками, обеспечивающими приватность. Это было хорошим знаком – значит, хирург тоже хотел конфиденциального разговора.

Глеб прибыл заранее, выбрал столик в углу зала и заказал минеральную воду, отказавшись от алкоголя – ему нужна была ясная голова для этого разговора. Крылов появился точно в назначенное время – высокий, подтянутый мужчина около сорока лет, с уверенными движениями и внимательным взглядом.

– Глеб, – он крепко пожал руку Савельева. – Давно не виделись. Как жизнь?

– Не жалуюсь, – Глеб улыбнулся, стараясь выглядеть непринуждённо. – Хотя последние дни выдались… насыщенными.

– Я слышал, – Крылов внимательно посмотрел на него. – Временное отстранение от работы после осложнений у пациентки. Неприятно.

– Стандартная процедура, – пожал плечами Глеб. – Ничего личного, просто бюрократия.

– Конечно, – Крылов сделал заказ и повернулся к Глебу. – Ты упоминал какой-то интересный медицинский случай, который хотел обсудить?

Глеб решил сразу перейти к делу, но осторожно.

– Да, – он наклонился ближе. – У меня была пациентка с необычной реакцией на анестезию. Анафилактический шок без явного аллергена. Никаких предшествующих аллергий, стандартные препараты, которые она уже получала раньше без проблем.

– Интересно, – Крылов нахмурился. – Какие ещё симптомы?

– В том-то и дело, – Глеб говорил медленно, наблюдая за реакцией коллеги. – Перед операцией она упоминала о мигренях и фотопсии, начавшихся около полугода назад. Никаких очевидных причин, все стандартные обследования не показали патологий.

Крылов заметно напрягся, его взгляд стал более внимательным.

– И что ты думаешь? – осторожно спросил он.

– Я начал подозревать, что это может быть связано с предыдущим медицинским вмешательством, – Глеб решил рискнуть и сделать шаг вперёд. – Два года назад ей проводили какую-то экспериментальную процедуру. Не обычную операцию, а что-то с использованием новых технологий. Деталей не знаю, в документации скудная информация.

Крылов некоторое время молчал, изучая лицо Глеба. Затем оглянулся, проверяя, нет ли кого поблизости, и наклонился ближе.

– Это связано с Колесниковой, верно? – тихо спросил он. – И с проектом Бронской?

Глеб не показал удивления, хотя внутренне напрягся. Значит, Крылов знал о проекте. Вопрос в том, на чьей он стороне.

– Почему ты так решил? – спокойно спросил Глеб.

– Потому что Колесникова сейчас находится в нашем центре, – ещё тише сказал Крылов. – Её привезли два дня назад, в сопровождении самой Бронской. Официальная версия – послеоперационная реабилитация в премиум-условиях. Но меня не пускают к ней, хотя я заведующий отделением. Её ведёт лично главврач и какой-то специалист, которого я раньше никогда не видел.

Глеб почувствовал, как сердце забилось быстрее. Значит, его предположение оказалось верным – Колесникова действительно в «ВитаНова». Но что с ней происходит там?

– Как она? – только и спросил он.

– Не знаю точно, – Крылов покачал головой. – Как я сказал, меня к ней не пускают. Но судя по тому, что я слышал от медсестёр, не очень хорошо. Частые головные боли, проблемы со зрением, нарушения координации. И это несмотря на интенсивную терапию, которую она получает.

– Какую терапию? – Глеб напрягся ещё больше.

– Не могу сказать точно, – Крылов снова оглянулся. – Все назначения засекречены, доступ к её медицинской карте ограничен. Но судя по препаратам, которые заказывает для неё главврач, речь идёт о каком-то экспериментальном лечении. Я видел названия некоторых компонентов, которые обычно не используются в стандартной медицине.

– Они пытаются обратить эффект препарата RFM-7, – задумчиво сказал Глеб. – Или хотя бы контролировать его побочные эффекты.

Крылов удивлённо посмотрел на него.

– Ты знаешь о RFM-7? – в его голосе было изумление.

– Знаю достаточно, чтобы понимать, насколько он опасен, – твёрдо сказал Глеб. – И чтобы беспокоиться о здоровье и жизни Колесниковой.

Крылов долго смотрел на него, словно принимая важное решение. Затем медленно кивнул.

– Я подозревал что-то подобное, когда увидел список препаратов для её лечения, – наконец сказал он. – Некоторые из них используются при аутоиммунных заболеваниях, другие – при нейродегенеративных процессах. Сочетание очень необычное. И то, как Бронская контролирует всё, что связано с Колесниковой… это настораживало меня с самого начала.

– Что ты знаешь о проекте «Новое лицо России»? – осторожно спросил Глеб.

– Немного, – Крылов пожал плечами. – Официально – это инициатива по улучшению имиджа России на международной арене через эстетическое преображение публичных лиц. Наш центр является одной из площадок проекта. Но детали держатся в секрете, особенно то, что касается методик, которые используются для этого преображения.

– А неофициально? – Глеб внимательно наблюдал за реакцией коллеги.

Крылов помолчал, затем тихо сказал:

– Неофициально… ходят слухи о каких-то экспериментальных препаратах, о побочных эффектах, о скрываемых осложнениях. Некоторые из наших врачей отказались участвовать в проекте, после чего быстро уволились или были переведены. И ещё… – он замолчал, словно сомневаясь, стоит ли продолжать.

– Что? – подтолкнул его Глеб.

– За последние полгода к нам поступило несколько пациентов с похожими симптомами – мигрени, проблемы со зрением, нарушения координации. Все они были каким-то образом связаны с проектом Бронской, хотя официально это никогда не упоминалось. И все они получали особое лечение под непосредственным контролем главврача или специалистов, присланных «сверху».

Глеб почувствовал, как холодок пробежал по спине. Значит, Колесникова была не единственной, кто страдал от побочных эффектов препарата. И, судя по всему, эти эффекты были достаточно серьёзными, чтобы требовать специализированного лечения.

– Почему ты рассказываешь мне всё это? – прямо спросил Глеб. – Ты же понимаешь, что это может быть опасно для твоей карьеры. И не только для карьеры.

Крылов некоторое время молчал, затем тихо сказал:

– Потому что я врач, Глеб. Как и ты. И моя первая ответственность – перед пациентами, а не перед проектами или амбициями влиятельных людей. Если Колесникова и другие пациенты страдают от последствий какого-то экспериментального лечения, это должно быть остановлено.

Глеб внимательно смотрел на коллегу, пытаясь определить, можно ли ему доверять. Крылов выглядел искренним, в его глазах было настоящее беспокойство. И всё же… Глеб не мог позволить себе полностью довериться, учитывая обстоятельства.

– Я ценю твою откровенность, – наконец сказал он. – И разделяю твоё беспокойство. Но я не могу рисковать безопасностью Колесниковой или других пациентов, предпринимая необдуманные действия. Мне нужно больше информации о том, что происходит в «ВитаНова» и о состоянии Колесниковой, прежде чем я смогу решить, что делать дальше.

– Я понимаю, – кивнул Крылов. – И я готов помочь, насколько это в моих силах. Но мне нужно знать, что ты планируешь. Я не могу рисковать своей карьерой и репутацией ради… неизвестно чего.

Глеб задумался. Насколько он мог доверять Крылову? Стоит ли рассказывать ему о своих планах и о том, что он уже знает о проекте и препарате? Или лучше ограничиться общими фразами и использовать его только как источник информации о Колесниковой?

– Я хочу убедиться, что Колесникова получает адекватную медицинскую помощь, – осторожно сказал он. – И понять, какие последствия может иметь препарат RFM-7 в долгосрочной перспективе. Если он действительно так опасен, как я подозреваю, нужно предупредить других пациентов, которые его получили. Возможно, даже придать эту информацию огласке.

– Это рискованно, – Крылов нахмурился. – За проектом стоят очень влиятельные люди. Бронская – лишь видимая часть айсберга.

– Я знаю, – Глеб встретил его взгляд. – И готов к риску. Но я не могу просто игнорировать то, что происходит. Особенно если речь идёт о здоровье и жизни людей.

Крылов долго смотрел на него, затем медленно кивнул.

– Я помогу тебе, – тихо сказал он. – Но мы должны действовать крайне осторожно. Одно неверное движение – и мы оба окажемся в большой опасности. Как и те, кого мы пытаемся защитить.

– Согласен, – Глеб протянул руку. – Итак, ты сможешь узнать больше о состоянии Колесниковой и о лечении, которое она получает?

– Попробую, – Крылов пожал его руку. – Но это непросто, учитывая уровень секретности вокруг неё. Дай мне пару дней. Я свяжусь с тобой, когда будет информация.

– Спасибо, – искренне сказал Глеб. – И… будь осторожен. Если Бронская узнает, что ты интересуешься Колесниковой…

– Я буду, – заверил его Крылов. – В конце концов, я заведующий отделением. Вполне естественно, что я хочу быть в курсе всего, что происходит с VIP-пациентами в нашем центре. Особенно если у них необычные симптомы, которые могут представлять интерес с профессиональной точки зрения.

Они обсудили ещё несколько деталей, договорились о безопасном способе связи и расстались, пообещав встретиться снова через два дня. Глеб вышел из ресторана с противоречивыми чувствами. С одной стороны, он получил подтверждение, что Колесникова находится в «ВитаНова», и нашёл потенциального союзника в лице Крылова. С другой – ситуация становилась всё более тревожной. Если состояние Колесниковой действительно ухудшалось, несмотря на лечение, это означало, что побочные эффекты препарата RFM-7 были серьёзнее, чем они предполагали.

По дороге к Марине Глеб позвонил ей, чтобы рассказать о результатах встречи. Она выслушала его с тревогой и облегчением одновременно.

– Значит, она жива и получает какое-то лечение, – подытожила Марина. – Это уже хорошо. Но мне не нравится, что всё происходит в такой секретности. Если бы лечение было действительно эффективным и безопасным, зачем такие меры предосторожности?

– Именно, – согласился Глеб. – И тот факт, что её состояние, по словам Крылова, не улучшается, несмотря на интенсивную терапию, тоже тревожный знак. Похоже, они не знают, как обратить эффект препарата, а только пытаются контролировать симптомы.

– Что будем делать дальше? – спросила Марина.

– Ждать информации от Крылова, – решил Глеб. – И продолжать анализировать документы с флешки Королёва. Возможно, там есть подсказки о том, как можно нейтрализовать действие препарата или хотя бы минимизировать его побочные эффекты.

– А если Крылов не сможет получить нужную информацию? Или если ему нельзя доверять? – Марина звучала обеспокоенно.

– Тогда придётся искать другие пути, – мрачно сказал Глеб. – Но сначала дадим ему шанс. Он производит впечатление человека с принципами. И, как он сам сказал, он прежде всего врач. Как и мы с тобой.

Закончив разговор, Глеб некоторое время сидел в машине, обдумывая ситуацию. События развивались быстро, и ему нужно было адаптироваться к новой информации. Колесникова была жива и находилась в «ВитаНова», получая какое-то экспериментальное лечение. Но её

состояние, по всей видимости, не улучшалось. И она была не единственной, кто страдал от побочных эффектов препарата RFM-7.

Что если Крылов не сможет помочь? Или если состояние Колесниковой внезапно ухудшится? Или если Бронская решит предпринять более активные меры против него и Марины?

Глеб понимал, что ему нужен запасной план. И этот план должен включать возможность быстро обнародовать всю имеющуюся у него информацию о проекте и препарате, если ситуация станет критической.

Возможно, стоило подготовить подробный отчёт со всеми доказательствами и передать его надёжному адвокату или журналисту с инструкцией опубликовать в случае, если с ним или Мариной что-то случится. Своего рода «страховой полис» против радикальных действий Бронской.

С этими мыслями он завёл машину и поехал к Марине, готовясь к очередной ночи, полной тревожных размышлений и планов на будущее, которое становилось всё более неопределённым и опасным.

Глава 5: Постморальный синдром

Следующие два дня прошли в тревожном ожидании новостей от Крылова. Глеб и Марина продолжали анализировать документы, пытаясь найти больше информации о препарате RFM-7 и его побочных эффектах. Они также начали составлять подробный отчёт обо всём, что знали о проекте «Новое лицо России», с указанием всех источников информации и имеющихся доказательств.

Марина продолжала работать в клинике, стараясь не привлекать внимания, но собирая любые крупицы информации, которые могли быть связаны с Колесниковой или проектом

Бронской. Глеб оставался в её квартире, опасаясь возвращаться домой – его пентхаус могли наблюдать люди Бронской.

На третий день после встречи с Крыловым Глеб наконец получил от него сообщение: «У меня есть информация. Встретимся в том же месте, сегодня в 8 вечера. Приходи один».

Глеб показал сообщение Марине, когда она вернулась с работы.

– Думаешь, это безопасно? – спросила она, нахмурившись. – «Приходи один» звучит подозрительно.

– Может быть, – согласился Глеб. – Но это может означать и то, что информация слишком чувствительная, чтобы обсуждать её в присутствии третьих лиц. В любом случае, я должен рискнуть. Это наш лучший шанс узнать о состоянии Колесниковой.

– По крайней мере, возьми мой телефон, – предложила Марина. – Оставь его включённым в кармане, на беззвучном режиме. Я позвоню своему телефону незадолго до встречи, и ты не отвечай. Просто оставь линию открытой, чтобы я могла слышать, что происходит.

– Хорошая идея, – одобрил Глеб. – И если что-то пойдёт не так…

– Я немедленно позвоню Королёву, – кивнула Марина. – У меня есть его номер. И потом… в полицию, хотя я не уверена, насколько это поможет.

– Лучше, чем ничего, – Глеб обнял её. – Но не беспокойся. Крылов не производит впечатление человека, который мог бы меня подставить. И встреча будет в публичном месте, что снижает риск.

Марина не выглядела полностью убеждённой, но кивнула. Они провели оставшееся до встречи время, обсуждая, какие вопросы Глеб должен задать Крылову и какую информацию можно ему раскрыть, не подвергая опасности их расследование.

В 7:45 вечера Глеб был уже в ресторане, выбрав тот же столик в углу, что и в прошлый раз. Марина позвонила на свой телефон, который был у него в кармане, и он не ответил, оставив линию открытой, как они и договаривались.

Крылов появился точно в 8 часов, выглядя ещё более напряжённым, чем в их первую встречу. Он быстро огляделся, прежде чем сесть за столик.

– Ты один? – тихо спросил он.

– Как ты и просил, – кивнул Глеб. – У тебя есть новости о Колесниковой?

Крылов наклонился ближе, понизив голос до шёпота.

– Её состояние ухудшается, – мрачно сказал он. – Несмотря на все усилия врачей. Неврологические симптомы усиливаются – более частые и сильные мигрени, нарушения зрения, головокружения, проблемы с координацией. Плюс появились новые симптомы – тремор рук, случаи временной потери памяти, эпизодическая спутанность сознания.

Глеб почувствовал, как холодок пробежал по спине.

– Что говорят врачи? Есть диагноз?

– Официально – послеоперационные осложнения, усиленные предсуществующими неврологическими проблемами, – Крылов покачал головой. – Но это лишь для документации. На самом деле они знают, что это последствия препарата RFM-7. И они пытаются с этим бороться, но… безуспешно.

– Что именно они делают? – Глеб напрягся. – Какое лечение?

– Комбинация иммуносупрессоров, нейропротекторов, экспериментальных препаратов, которые, предположительно, должны нейтрализовать действие RFM-7, – Крылов перечислял, загибая пальцы. – Плюс симптоматическое лечение – анальгетики от боли, противорвотные, седативные. По сути, они пробуют всё, что может теоретически помочь, но результаты минимальные.

– А сама Колесникова? – тихо спросил Глеб. – Она в сознании? Понимает, что с ней происходит?

– В основном да, – кивнул Крылов. – Есть периоды спутанности, как я уже сказал, но большую часть времени она в ясном сознании. И… она напугана. Очень напугана. Требует объяснений, угрожает обратиться в полицию, в СМИ. Поэтому её держат в изоляции, с минимумом контактов с внешним миром. Даже её телефон конфискован.

– Фактически, она пленница, – мрачно заключил Глеб.

– Именно, – согласился Крылов. – Хотя официально она добровольный пациент, проходящий реабилитацию в премиум-условиях.

– Мне нужно с ней поговорить, – решительно сказал Глеб. – Увидеть её, оценить её состояние самому. Возможно, я смогу помочь, предложить альтернативные методы лечения.

Крылов выглядел скептичным.

– Это невозможно, Глеб. Доступ к ней строго ограничен. Только главврач, специальный персонал, назначенный Бронской, и пара медсестёр имеют право входить в её палату.

– Должен быть способ, – настаивал Глеб. – Ты заведующий отделением. Разве ты не можешь организовать консультацию специалиста?

– Я уже пытался, – Крылов покачал головой. – Предлагал пригласить невролога из Склифа, эксперта по редким синдромам. Мне отказали, сказав, что у пациентки уже есть все необходимые специалисты.

– А если я приду как твой коллега? – предложил Глеб. – Для консультации по другому пациенту. И мы «случайно» зайдём в её палату?

– Слишком рискованно, – Крылов нахмурился. – Все входы и выходы контролируются, у палаты Колесниковой постоянная охрана, якобы для её безопасности. Если нас поймают…

– Я готов рискнуть, – твёрдо сказал Глеб. – Её состояние ухудшается, а они, похоже, не знают, как ей помочь. Я, возможно, тоже не знаю, но у меня есть информация о препарате, которой может не быть у их врачей.

Крылов долго смотрел на него, затем медленно кивнул.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Я попробую организовать твой визит. Но не могу обещать, что это сработает. И если нас поймают, я не смогу защитить тебя от последствий.

– Я понимаю, – Глеб был благодарен за согласие коллеги. – Когда это можно устроить?

– Завтра у меня дежурство в вечернюю смену, – задумчиво сказал Крылов. – В это время меньше административного персонала, легче перемещаться незамеченным. Скажем, около девяти вечера? Я встречу тебя у служебного входа.

– Договорились, – Глеб кивнул. – И… спасибо. Я знаю, чем ты рискуешь.

– Я делаю это не для тебя, – серьёзно сказал Крылов. – А для пациентки, которая нуждается в помощи. И для собственной совести. Я не могу просто стоять в стороне, когда происходит что-то подобное.

Они обсудили детали предстоящего визита, затем Крылов передал Глебу небольшую флешку.

– Здесь копия некоторых записей о состоянии Колесниковой и о лечении, которое она получает, – тихо сказал он. – Не самые последние, но это лучшее, что я смог достать, не привлекая внимания. Изучи их перед завтрашним визитом. Это поможет тебе лучше понять, с чем мы имеем дело.

– Спасибо, – Глеб спрятал флешку в карман. – Ты очень рискуешь, делая это.

– Как и ты, – Крылов встал. – До завтра. И будь осторожен. Бронская не из тех, кто прощает вмешательство в свои планы.

После ухода Крылова Глеб ещё некоторое время сидел за столиком, обдумывая полученную информацию. Состояние Колесниковой ухудшалось, что подтверждало его худшие опасения о побочных эффектах препарата RFM-7. И, похоже, врачи «ВитаНова» не знали, как эффективно противодействовать этим последствиям.

Он вытащил телефон Марины из кармана и увидел, что линия всё ещё открыта. Она слышала весь разговор.

– Я возвращаюсь, – сказал он в телефон. – Обсудим план действий дома.

– Жду тебя, – отозвалась Марина. – Будь осторожен.

По дороге к Марине Глеб внимательно следил, нет ли за ним слежки. Ничего подозрительного он не заметил, но это не значило, что его не наблюдали. Бронская могла иметь ресурсы для организации профессиональной слежки, которую трудно обнаружить.

В квартире Марины они сразу приступили к изучению информации, полученной от Крылова. Флешка содержала медицинские записи о состоянии Колесниковой за последнюю неделю – результаты анализов, показатели жизнедеятельности, назначения препаратов. И эти данные подтверждали слова Крылова – состояние телеведущей действительно ухудшалось, несмотря на интенсивную терапию.

– Это похоже на прогрессирующую нейродегенеративную патологию, – задумчиво сказала Марина, изучая результаты МРТ. – Смотри, есть признаки воспаления в определённых участках мозга, особенно в тех, что отвечают за зрение и координацию движений.

– И это согласуется с информацией с флешки Королёва, – Глеб открыл один из документов, полученных от продюсера. – Здесь упоминается, что RFM-7 может вызывать воспалительные процессы в нервной ткани как часть своего механизма действия. Препарат стимулирует определённые клетки к регенерации и перестройке, но этот процесс может выйти из-под контроля, особенно если есть индивидуальная чувствительность.

– И судя по всему, у Колесниковой именно такая чувствительность, – мрачно заключила Марина. – Вопрос в том, как это остановить. Стандартные противовоспалительные и иммуносупрессивные препараты, которые ей дают, явно недостаточно эффективны.

– Возможно, потому что они не воздействуют на первопричину, – Глеб задумался. – Они лечат последствия, а не сам источник проблемы. Нам нужно найти способ нейтрализовать сам препарат или блокировать его активность.

Они провели большую часть ночи, изучая документы и разрабатывая возможные подходы к лечению. К утру у Глеба была сформулирована предварительная стратегия, основанная на комбинации известных препаратов, которые теоретически могли помочь в данной ситуации. Не идеальное решение, но лучшее, что он мог предложить с имеющейся информацией.

– Ты действительно собираешься пойти в «ВитаНова»? – спросила Марина, когда они наконец легли спать. – Это очень рискованно. Если Бронская узнает…

– У меня нет выбора, – тихо ответил Глеб. – Колесникова нуждается в помощи, а врачи «ВитаНова» не справляются. Я должен хотя бы попытаться.

– Тогда я пойду с тобой, – решительно сказала Марина.

– Нет, – Глеб покачал головой. – Это слишком опасно. И Крылов сказал прийти одному. Более того, нам нужен кто-то на свободе, если что-то пойдёт не так. Кто-то, кто сможет действовать, если я не вернусь.

– Не говори так, – Марина побледнела. – Конечно, ты вернёшься.

– Я сделаю всё возможное для этого, – Глеб обнял её. – Но мы должны быть готовы ко всему. Поэтому завтра, пока я буду в «ВитаНова», ты должна подготовить копии всех наших документов и доказательств. И быть готова передать их в надёжные руки, если со мной что-то случится.

– Кому? – Марина выглядела встревоженной. – Королёву?

– Не только, – Глеб задумался. – Его тоже нельзя полностью исключать, но у меня есть и другие контакты. Например, мой старый друг из медицинского института, который сейчас работает в «Новой газете». Он журналист, специализирующийся на медицинских расследованиях. Если передать ему все доказательства, он сможет придать этому огласку, даже если мы не сможем.

Марина кивнула, соглашаясь с его планом, хотя тревога в её глазах не исчезла. Они заснули поздно, держась за руки, как будто боясь потерять друг друга в тревожной неизвестности, которая ждала их впереди.

Следующий день прошёл в напряжённой подготовке к вечернему визиту в «ВитаНова». Глеб уточнял детали своего плана лечения, основываясь на информации, полученной от Крылова. Марина занималась созданием резервных копий всех документов и доказательств, которые они собрали.

В восемь вечера Глеб был готов к отъезду. Он оделся в неприметный тёмный костюм, взял с собой медицинское удостоверение и небольшую сумку с личными вещами, которая должна была создать впечатление, что он приехал навестить коллегу, а не для тайного проникновения к пациенту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.